

ПИСЬМА Н. А. КЛЮЕВА К БЛОКУ

Вступительная статья, публикация и комментарии
К. М. Азадовского

Знакомство и длившаяся в течение нескольких лет переписка Блока с Ключевым, крестьянином Олонецкой губернии и поэтом, впервые обратившимся к Блоку осенью 1907 г., — факт, хорошо известный историкам русской литературы XX в. Достаточно перелистать дневники, записные книжки и письма Блока, чтобы получить представление о том, каким значительным событием оказалось для него общение с Ключевым, какие глубокие раздумья пробуждали у него в 1907—1911 гг. письма из Олонии. О том же свидетельствует и творчество Блока, его критическая проза: отрывки из писем Ключева Блок цитировал в своих статьях 1907—1908 гг.

Тем не менее отдельные, весьма существенные аспекты проблемы «Блок и Ключев» до сих пор не раскрыты. Как воспринимал Блока Ключев? Какую роль сыграл Блок в судьбе Ключева как художника? И с другой стороны: чем и почему был важен для Блока Ключев в 1907—1911 гг.? И эти, и другие вопросы до настоящего времени еще не получили исчерпывающего ответа. (Объясняется это, в частности, тем, что научное изучение биографии и творчества Ключева началось в нашей стране совсем недавно — лишь в 70-е годы.)

Переписка Блока и Ключева сохранилась односторонне; письма Блока утрачены и, по всей видимости, безвозвратно¹. Ответные письма Ключева дают возможность установить, что с 1907 по 1912 г. Блок написал ему не менее 13 писем². Содержание этих писем также отчасти проявляется благодаря письмам Ключева. Блок и Ключев обменивались друг с другом мыслями о современной литературе, о поэзии, о назначении искусства. Ключев подробно разбирает книги Блока («Нечаянная радость», «Земля в снегу»), его статью «О современном состоянии русского символизма». Блок, насколько можно судить, дает своему олонецкому корреспонденту советы, касающиеся стихотворного мастерства. Переписка Блока и Ключева была в значительной мере общением двух поэтов, из которых один (Ключев) признавал другого как более опытного, восхищался его творчеством и присылал ему собственные стихотворения для отзыва и публикации в журналах.

Однако содержание писем Ключева к Блоку далеко не исчерпывается литературными оценками и издательскими делами. Основной смысл их и богаче, и глубже. Один из участников переписки — дворянин по происхождению, городской «интеллигент». Другой — крестьянин, деревенский житель. Это различие остро ощущается обоими в 1907 г. — на фоне только что отзвучавших революционных событий. Едва вступив в переписку, каждый из них считает нужным подчеркнуть свою социальную принадлежность. «Я, крестьянин Николай Ключев...» — с этих слов начинается первое письмо Ключева. Блок отвечает ему на это «в духе кающегося дворянина» (см. ниже). На протяжении всей переписки и Блок, и Ключев выступают не только от собственного имени, но и от имени своей социальной и культурной среды. Происходит сближение (подчас столкновение) двух мировоззрений, двух культур, двух литературных движений. В лице Ключева и Блока — и это является в их общении наиболее примечательным — друг с другом встречаются «две России», пропасть между которыми еще в начале века многим казалась непреодолимой. Это определяет и существо диалога между Блоком и Ключевым, и характер их личных связей. Каждый из них тянется к другому, но в то же время вступает со своим собеседником в спор, видит в нем своего союзника, и одновременно — человека «с другого берега».

Задача настоящей статьи — показать, что сближало и что разъединяло Блока и Ключева, и кроме того раскрыть некоторые аспекты их знакомства, которые образуют его общественный фон.

I

1905—1907 гг. были эпохой, определившей развитие России на все последующее десятилетие. Изменения, произведенные революцией в жизни русского общества, глубоко затронули и патриархальную деревню. Широкое участие крестьянства в революционной борьбе способствует его политическому пробуждению, быстрому росту его классового самосознания. Активизируется и духовная жизнь русского села, в котором постепенно образуется своя «интеллигенция» — из числа грамотных, образованных крестьян. Их стремление внести свой вклад в общественную и культурную жизнь России становится все более настойчивым и очевидным.

Уже в XIX в. в русскую литературу вливается народная струя: писатели-самоучки, выходящие «из народа» во всеуслышанье заявляют о себе как талантливые литераторы. Среди них были и крестьянские авторы (И. З. Суриков, С. Д. Дрожжин и др.). В начале 1900-х годов в Москве возникает «Товарищеский кружок писателей из народа»; такие же кружки появляются и в других городах. В 1905 году эти разрозненные организации объединяются в «Суриковский литературно-музыкальный кружок», существовавший до 1933 г. Творчество крестьянских поэтов XIX и начала XX в. отличалось известным однообразием. Их муза была, как правило, тоскливой и заунывной. Поэты писали о горемычной бедняцкой доле, о безысходной судьбе русского пахаря. Основной мотив их творчества — жалоба.

После 1905 г. на русской литературной сцене появляется группа поэтов, которых принято называть «новокрестьянскими» (термин «новокрестьянский» употребляется главным образом для того, чтобы подчеркнуть отличие этих поэтов от их предшественников, «крестьянских» поэтов). Эту группу (во всяком случае, ее ядро) образуют шесть человек, писателей «из народа»: С. А. Есенин (1895—1925), П. И. Карпов (1887—1963), С. А. Клычков (1889—1940), Н. А. Клюев (1884—1937), П. В. Орешин (1887—1938), А. В. Ширяевец (наст. фамилия — Абрамов; 1887—1924) ³. «Новокрестьянское» движение в русской литературе окончательно складывается лишь в 1913—1916 гг. Однако первые печатные выступления этих поэтов (Клюева, Клычкова, Карпова) относятся к более раннему периоду — к 1905—1907 гг.

Клюев был старшим в этой группе поэтов. Его первые стихотворения, помещенные в столбичном сборнике «Новые поэты» (1904) и в изданиях московского «Народного кружка» («Волны», «Прибой» и др.), которым руководил П. А. Травин (1905) ⁴, проникнуты свободолюбивым пафосом. Из документов, обнаруженных к настоящему времени, явствует, что молодым Клюевым владели в те годы бунтарские, подчас радикальные устремления. Немалое влияние оказали на него «левонароднические» взгляды социалистов-революционеров. В 1905 г. Клюев активно занимался агитаторской и пропагандистской работой, ходил по олонечким деревням и, распространяя прокламации Крестьянского союза, призывал крестьян к неподчинению властям. «Я, отказываясь от семьи и службы, пешком, с начкой воззваний, обошел почти всю губернию», — писал о себе Клюев в 1906 г. ⁵ За свою антиправительственную деятельность Клюев был арестован в январе 1906 г. и до конца июля находился в тюрьме (сначала в Вытегре, затем — в Петрозаводске) ⁶. В июне 1910 г., посылая Блоку свои стихотворения, Клюев делает к одному из них («Последний день») следующую приписку: «Я все не могу отделаться от тюремных кошмаров...» (п. 29).

Следует сразу же уточнить, что восприятие революции было у Клюева специфичным. Его бунтарские устремления — какой бы радикальный характер они подчас ни принимали — были в конечном итоге направлены у него на осуществление его религиозных чаяний. Революция представлялась Клюеву наступлением царства божьего, а долгожданное освобождение крестьян от нищеты и рабства было для него равносильно воплощению древних христианских заветов. Это сближает Клюева с русскими сектантами, религиозность которых нередко служила выражением их социального протеста. Воспитанный в старообрядческой среде (мать Клюева была староверкой, ее дядя — самосожженцем), поэт с ранней юности был захвачен сектантскими настроениями, распространенными тогда на русском Севере. Клюев не раз подчеркивал древность своего старообрядческого рода, который он возводил к протопопу Аввакуму («...мой прадед Аввакум» ⁷) и называл свои стихи «самосожженческими» ⁸. Как и некоторые другие из будущих «новокрестьянских» писателей ⁹, Клюев глубоко усвоил бунтарский дух русского сектантства, его антигосударственность и антицерковность ¹⁰. Тем не менее революция для него не только социальный, но и духовный переворот. Ее конечная цель для Клюева — «братство». Встречая свободу, люди «братски» обнимают друг друга

и наряду с новыми революционными гимнами слагают «новые молитвы» (стихотворение «Гимн свободе», 1905, сб. «Прибой»). Мятельный порыв и религиозное переживание сливаются у молодого поэта в единое чувство¹¹.

Благодаря своей подпольной работе Ключеву удалось завязать ряд знакомств в кругах столичной интеллигенции. В частности, он был связан с сестрами поэта Александра Добролюбова — Марией (ум. в декабре 1906 г.) и Еленой. Видимо, через них он сближается с поэтом Леонидом Семеновым, считавшимся одно время женихом Машки Добролюбовой. Встреча Ключева с Семеновым состоялась в самом начале 1907 г. в Петербурге, вскоре после того, как последний был выпущен из Курской тюрьмы, где провел несколько месяцев за свою революционную деятельность (см. п. 1, прим. 4). Семенов, бесспорно, проявил внимание к судьбе Ключева, который был ему близок по своим «левым» настроениям. В первой половине 1907 г. Ключев регулярно присылает Семенову свои стихотворения, которые тот пытается напечатать в столичных журналах. «Всего я послал Вам 8 писем с 52 стихотворениями», — сообщает Ключев Семенову 15 июня 1907 г.¹² Характер отношений Ключева с Семеновым во многом проясняет также слово «товарищ», употребленное в том же письме («...и за все, дорогой товарищ, буду благодарен»)¹³.

Благодаря усилиям Л. Д. Семенова имя Ключева-поэта приобретает в Петербурге некоторую известность. Один из столичных еженедельников уже в январе 1907 г. извещал читателей: «В литературных кругах говорят о девятнадцатилетнем поэте-самоучке крестьянине Н. Ключеве; как ни странно, его стихи написаны в „декадентской форме“»¹⁴. Кто был автором этого короткого сообщения, определить трудно, но можно предположить, что он был знаком именно с рукописными текстами ключевских стихотворений (напечатанных стихотворений к этому времени у Ключева было лишь около десяти).

В 1907 г. Семенов был тесно связан с В. С. Миролубовым, редактором широко известного в начале века «Журнала для всех» (1898—1906). Подобно Семенову, Миролубов находился в то время на позициях «левого народничества». Он считал необходимым использовать свой журнал как трибуну для пропаганды антиправительственных настроений. После заглаживания «Журнала для всех» Миролубов продолжал его (вплоть до 1908 г.) под другими названиями: «Народная весть», «Трудовой путь», «Наш журнал». Все эти издания одно за другим подвергались цензурному запрету. Дольше всех существовал «Трудовой путь», одним из главных сотрудников которого был Л. Д. Семенов, принимавший, кроме того, участие в редакционных делах. Именно он обратил внимание Миролубова на молодого поэта из Олонец. Миролубов же, всегда стремившийся поддерживать начинающих писателей, напечатал в майской книжке «Трудового пути» стихотворение Ключева «Холодное как смерть...» Любопытно, что на той же странице, рядом со стихотворением Ключева, было помещено стихотворение Блока «В час глухой разлуки с морем». Эту публикацию можно считать первой встречей поэтов, состоявшейся за несколько месяцев до того, как Ключев написал Блоку.

Что заставило Ключева обратиться к Блоку? В своем первом письме Ключев говорит о том, что к этому его побудили стихотворения из сборника «Нечаянная радость». Сомневаться в правдивости слов Ключева не приходится: эта книга Блока действительно произвела на него неизгладимое впечатление. Несомненно, однако, что Ключев уже раньше слышал о Блоке и читал его стихотворения. В «Трудовом пути» в № 1-2 за 1907 г. было напечатано стихотворение Блока «Тебя в чужие страны звали», в № 3 — «Голос в тучах» (4-й номер журнала не вышел). В № 5 появилось уже упомянутое стихотворение «В час глухой разлуки с морем», а в № 6 — стихотворение «Ангел-хранитель», из-за которого «Трудовой путь» подвергается цензурному запрету¹⁵. В том же 6-м номере была помещена рецензия на сборник «Нечаянная радость» (подпись — Л. В.). Наконец, в № 10 «Трудового пути» за 1907 г. было напечатано стихотворение Блока «Старые мысли» («Хожу, брожу понурый»). Вряд ли Ключев видел все эти книжки «Трудового пути» — судя по некоторым из его писем, в его руки попадали случайные номера журнала, например № 3 (см. ниже). Видимо, он судил о Блоке главным образом по отзывам и оценкам Семенова. Из его сохранившегося письма к Семенову явствует, что уже в мае-июне 1907 г. Ключев пытался завязать отношения с Блоком и для этой цели спрашивал у Семенова петербургский адрес поэта. «Ради Христа, будьте терпеливы, выслушивая меня», — пишет Ключев 15 июня 1907 г. — Например, хотя бы насчет спроса про А. Блока — это не потому что Вас одного мне мало, а потому, что я прочитал в газетах, что Вы „сидите!“ и спросил про Блока, не желая бросать стихи»¹⁶. Ясно, что Ключев, остро нуждавшийся тогда в «покровителе», который помогал бы ему печататься в столичных изданиях,

хотел видеть в этой роли именно Блока — поэта, чьи стихи казались ему особенно созвучными.

Осенью 1907 г. Клюев находился в крайне тяжелом положении. Ему грозила воинская повинность, которую он не мог принять по своим нравственным убеждениям. Вслед за Толстым, Клюев считал, что воевать и носить оружие — грех. (Этот же взгляд отстаивали и проповедовали А. Добролюбов и — позднее — Семенов). Теме «армии» и «казармы» посвящен ряд стихотворений Клюева, написанных в 1907 г. («Казарма» — стихотворение, опубликованное в 9-м номере «Трудового пути» за 1907 г.; «Горниста смолк рожок... Угрюмые солдаты» — стихотворение, посланное Блоку в первом письме, и др.). Во втором письме к Блоку, вновь упоминая о том, что его должны забрать в солдаты, Клюев с отчаянием восклицает: «Пропадут мои песни, а может и я пропаду» (последние пять слов в оригинале зачеркнуты). В письме Клюева к Е. М. Добролюбовой, написанном, судя по содержанию, в конце сентября — начале октября 1907 г., ощущается такое же подавленное настроение, как и в первых письмах к Блоку. «Прошу Вас — отпишите до 23 октября, — а потом, поди знай, — куда моя голова покатится», — пишет Клюев¹⁷. Месяцы, проведенные в царской армии, были для Клюева тяжелым испытанием, однако по состоянию здоровья ему удалось в начале 1908 г. навсегда избавиться от солдатчины¹⁸.

Из письма Клюева к Е. М. Добролюбовой можно также понять, что его переписка с Семеновым осенью 1907 г. временно прервалась. (Семенов переживал тогда тяжелый нравственный кризис, готовился «уйти» из культурного общества «в народ» и, видимо, не отвечал на письма Клюева). Ясно также, что Семенов заочно связал Клюева с Миролюбовым. «Он <т. е. Семенов — К. А.> велел мне писать В. С. Миролюбову, Тверская, 12, я посылал ему два заказных письма, но ответа не получал»¹⁹. Оказавшись — в этот трудный для него момент — в состоянии одиночества, без «покровителя», Клюев и принимает решение написать Блоку.

Однако Клюев тянулся к Блоку не только как к поэту, обладавшему именем и влиянием в литературном мире. Он обратился к нему еще и потому, что видел в нем, как и в Семенове, единомышленника, «товарища». Клюев, разумеется, знал, что Блок был тогда связан с кругом «левых народников», симпатизировал их взглядам. Ему было известно о сотрудничестве Блока в «Трудовом пути» (впрочем, этот факт Клюев мог сильно преувеличивать). Во всяком случае, Клюев понимал, что Блок находится в лагере сторонников революции. Придавая большое значение этому обстоятельству, Клюев в своих письмах к Блоку пытается уточнить общественную позицию своего собеседника. «Необходимо также мне узнать, какое отношение кроме литературного имеете Вы к В(иктору) С(ергеевичу)?» — спрашивает он Блока 4 сентября 1909 г. (Виктор Сергеевич Миролюбов — К. А.). Ответил ли на этот вопрос Клюева Блок и что именно он ответил — неизвестно. Однако ясно, что основания для такого вопроса у Клюева были. Из его писем видно, что Блок стал в 1908—1912 гг. посредником между ним и Миролюбовым, который, опасаясь судебного приговора, уехал весной 1908 г. из России. Блок неоднократно пересылал Миролюбову стихотворения и статьи Клюева. Некоторые из этих материалов (статья «С родного берега», «пол-листа» под названием «Слово божие к народу» и др.) носили безусловно «крамольный» характер. Да и сами письма Клюева постоянно наводят на мысль о тех полуконспиративных условиях, в которых они были написаны. Находясь после 1906 г. под надзором полиции, Клюев крайне осторожен в своих высказываниях: он мало сообщает Блоку о себе, о своей жизни, о своих знакомствах, совершенно не касается вопросов общественной жизни, столь волновавших его в действительности. Многие в его письмах к Блоку выражено не открыто, намеком. «Сейчас ухожу и когда приду — тогда напишу», — извещает он Блока в открытке, написанной 30 сентября 1908 г., т. е. накануне праздника Покрова. Блок, видимо, понял слово «ухожу» таким образом, что Клюев отправляется в один из близлежащих монастырей на праздничное богослужение и, отвечая Клеуеву, выразил свое недоумение по этому поводу. В апрельском письме (1909) Клюев уточняет: «...если я и писал Вам, что пойду по монастырям, то это не значит, что я бегу от жизни. По монастырям мы ходим потому, что это самые удобные места: народ «со многих губерний» живет праздно несколько дней, времени довольно, чтобы прочитать к примеру хоть «Слово Божие к народу» и еще кой-что «нужное». Вот я и хожу и желаю им не отказываю, и ходить стоит, потому удобно и сильно и свято неотразимо». Этими строками Клюев ясно дает Блоку понять, что он ведет среди крестьян пропагандистскую деятельность (как видно, Клюев продолжал заниматься ею и в 1908—1909 гг.). Особенно выразительно взятое Клеуевым в ка-

вычки слово «нужное». Этим же приемом Ключев пользуется и в других случаях, когда ему необходимо подчеркнуть свою мысль, передать ее многозначительность. «Долгое же молчание Ваше кажется мне „зловещим“», — пишет он, например, Блоку в начале 1909 г. (п. 16). Настойчиво требуя от Блока подтверждений того, что очередное письмо из Олонии им получено, Ключев как бы вновь напоминал ему об опасности, грозившей их переписке со стороны охранного отделения.

Впрочем, Ключев несколько преувеличивал эту опасность, как и связь Блока с социал-демократами и социалистами-революционерами. Блок, как известно, был действительно глубоко захвачен революционными событиями в России, однако воздерживался от непосредственного участия в них. «Он следил за ходом революции, за настроениями рабочих, но политика и партия по-прежнему были ему чужды», — вспоминает М. А. Бекетова²⁰. Важно подчеркнуть, что восприятие революции было проникнуто у Блока его религиозно-нравственными исканиями и во многом определялось ими. В его размышлениях о революции 1905 г. видное место занимает образ Христа. «Близок огонь опять, — какой — не знаю. Старое рушится. Никогда не приму Христа», — пишет Блок Е. П. Иванову 25 июля 1905 г. (VIII, 131). «Приходил А. Блок. Говорили о революции и о Христе», — записывает в своем дневнике Е. П. Иванов 8 октября 1905 г.²¹ Это двуединство протестантского и религиозного начал, мятежа и святости (символическое выражение — красный и белый цвета) отличает поэзию Блока еще до 1905 г., о чем свидетельствует, например, стихотворение «Инок шел и нес святые знаки» (в первоначальном варианте — «Инок шел и нес восстанья знаки» — 1, 676). Такое понимание революции сближало Блока с Ключевым и другими новокрестьянскими писателями (Карповым, Есениным, Орешиним), что ярко проявилось позднее — в 1917—1918 гг.

Революционная эпоха 1905—1907 гг. отразилась прежде всего в творчестве Блока, радостно встретившего «Деву-Свободу». Изданный в конце 1906 г. сборник «Нечаянная радость» содержал несколько стихотворений, являющихся непосредственным откликом на события тех лет («Митинг», «Все ли спокойно в народе», «Вся над городом всемирным», «Пришлецы» и др.)²². Некоторые из них Блок объединил во втором издании книги в разделе, озаглавленном «1905». Однако острое ощущение современной жизни пронизывает всю книгу «Нечаянная радость» — не только ее отдельные стихотворения. Ожидание близких, «носящихся в воздухе», перемен, радостное предчувствие обновления жизни, грядущего «чуда», дыхание свободы, раскрепощенности сквозит во многих стихотворениях сборника, на первый взгляд, не связанных с событиями 1905 г. И Млада, «дикий вольности сестра», и «вольная дева в огненном плаще», и «дерзкое солнце», пробившее себе путь в «пыльный город», и «безумные ключи», которыми «запирает ворота» дремлющая вода, и дальний прибой, «будто голос из родины новой» — все это лишь иносказания, символы, передающие блоковское восприятие современности. Образ «Прекрасной Дамы», к которой были обращены ранние стихотворения Блока, переосмыслиется им в годы первой русской революции как образ «жизни прекрасной, свободной и светлой»²³, как «образ грядущего мира»²⁴ — центральный в «Нечаянной радости». Заглавие сборника получает тем самым расширительный обобщающий смысл, что ясно выражено, например, в последних строках завершающего книгу раздела «Ночная фиалка»:

И в зеленой ласкающей мгле
Слышу волн круговое движенье
И больших кораблей приближенье,
Будто вести о новой земле.

Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

(II, 34)

Молодой Ключев прекрасно понял именно это «скрытое» содержание «Нечаянной радости». Фанос блоковских строк — свобододолюбивых, устремленных в будущее, проникнутых ощущением грандиозных перемен и при этом окрашенных в евангельские тона, — был ему чрезвычайно близок. Для передачи своего «чувствования» Ключев нашел убедительные и поэтичные слова; во многом, конечно, он вдохновлялся образами блоковского предисловия к сборнику и отдельных его стихотворений («Голос в тучах», «Взморье», «Оставь меня в моей дали»). «Грядет жизнь, жизнь бессмертным и свободным» — вот главное, что увидел Ключев в «Нечаянной радости». Строки ключевского письма, кроме того, передают, насколько эмоциональным, поэтическим было тогда его собственное мировосприятие («Читая, чувствуешь, как

душа становится вольной, как океан, как волны, как звезды, как пенный след крылатых кораблей. И жаждал чуда прекрасного, как Свобода, и грозного, как Страшный Суд...» и т. п.). Отзыв Клюева о стихах Блока имеет глубокий, хотя и достаточно понятный подтекст. Особенно многозначительны слова о «могучих и прекрасных» бойцах, сражающихся с «тяготением веков» и одолевающих его.

Свободолюбивые устремления отличают и поэзию Клюева 1908—1910 гг. Значительная часть его стихотворений, написанных в эти годы, связана с современными событиями. Жестокость расправа властей с участниками революционной борьбы, казни, тюрьмы, ссылки — все это образует фон клюевских стихотворений, которые становятся до конца понятны лишь в контексте трагической действительности первых послереволюционных лет. Воспоминания о днях недавней борьбы перемежаются в них с картинами безрадостного настоящего. Стихи полны скрытых намеков, иносказаний. Однако образы Клюева определеннее и конкретнее, чем у Блока, стремившегося в своих ранних стихах погрузить лирическое повествование в атмосферу неясности, туманности, таинственности. «Злая непогода», «предзимняя тоска», «в изгнания пути» и многие другие слова-символы получают в поэзии Клюева исторически отчетливый характер. Нередко встречаются у него и такие слова, как «тюрьма», «решетка», «казнь», «эшафот», которые, в свою очередь, символизируют всю эпоху реакции ²⁵.

В сравнении со стихами Блока тех лет у Клюева — иная направленность, иная тональность. И тем не менее переключаясь с Блоком ощущается постоянно. Не говоря уже о дословных совпадениях и перифразах, на которые справедливо обращали внимание исследователи ²⁶, в стихотворениях Клюева после 1907 г. обнаруживаются некоторые структурные элементы, характерные для блоковской поэзии. Так, поразившие Клюева в «Нечаянной радости» образы морской стихии («как океан, как волны, как звезды, как пенный след крылатых кораблей») становятся в 1908—1910 гг. ведущими в его собственной поэтической системе. В стихотворениях Клюева этих лет постоянно появляются океан или море, корабль или ладья, летящие навстречу «весне», «зарю» и т. д. («Я говорил тебе о бже», «Не оплакано бывое», «Я пришел к тебе убогий», «Прельщение», «С осени повеяло новыми восторгам», «Что листья осени шептали» и др.). Самого себя поэт нередко уподобляет «отважному пловцу», стремящемуся в новую прекрасную страну («Предчувствие», «Пловец»). «Сонные корабли», блуждающие в «светло дремлющих заливах», «незримо веющие сирены», туман «сумеречной дали», «моря лазурь» и взморье, скованное пеной («Верить ли песням твоим»), граниты «пустынных берегов» и челнок, поглощенный пучиной («Я пришел к тебе убогий»), «путеводительные светлы, зажженные с «высот материка» («Есть то, чего не видел глаза») — эти и многие другие образы, обчичные в целом для поэзии того времени, навеяны, в первую очередь, стихами Блока и словами его предисловия к сборнику «Нечаянная радость» («Слышно, как вскипают моря и воют корабельные сирены» и т. д. — II, 370). Не случайно, символика моря, корабля, родного берега и т. д. становится всего насыщенной именно в тех стихотворениях Клюева, которые посвящены Блоку («Пловец», «Верить ли песням твоим») ²⁷.

Первое письмо Клюева, посвященное «Нечаянной радости», положило начало диалогу между поэтами, которому со временем суждено было значительно углубиться.

II

Отправляя свое письмо в Петербург, Клев, вероятно, не предполагал, что оно произведет на Блока яркое впечатление. Он вряд ли мог знать или догадываться о тех мыслях и настроениях, которые именно тогда — в конце 1907 г. — все сильнее и сильнее овладевали Блоком.

Революционная ситуация в России, сложившаяся к 1905 г., и события последующих лет решающим образом повлияли на развитие русского символизма. Уже в начале нового столетия стало ясным, что те принципы, на которых основывались символисты старшего поколения (индивидуализм, ориентация на западноевропейские, прежде всего французские, образцы «нового искусства» и т. д.), претерпевают кризис. Выступившие на литературную сцену «младшие» символисты (Блок, Белый, Вяч. Иванов) остро отзываются на общественное брожение в стране и пытаются — каждый по-своему — преодолеть индивидуализм на общих для них путях сближения с «народной душой» («братство», «соборность» и т. д.). «Какой-то переворот совершился в нашей душе, какой-то еще темный поворот к полюсу соборности», — писал Вяч. Иванов в программной статье «Кризис индивидуализма» ²⁸. О «душе»

России размышлял Белый в своей известной статье «Луг зеленый»²⁹. «Нео-народничество» — отличительная черта русского символизма 900-х годов. Вслед за теми, кого они считали своими предшественниками (прежде всего — Достоевским и Вл. Соловьевым), «младшие» символисты, отождествляя (как и народники XIX в.) «народ» и крестьянство, видят в русской патриархальной деревне источник и средоточие «народной души». Истолкованное в религиозном ключе понятие «народа» определило взгляды и творческий путь некоторых символистов (Вяч. Иванов) и близких к ним писателей (Городецкий, Ремизов): их искания обращены прежде всего к специфически отобранному и осмысленному фольклору, к народной поэзии и мифологии, к архаике. При этом внимание их приковывают к себе в первую очередь наиболее активные, динамические группы крестьянства — старообрядцы и сектанты; интерес к ним испытывают не только символисты, в том числе и «старшие» (Бальмонт, З. Гиппиус, Мережковский), но и такие писатели, как Л. Толстой и М. Горький, не только «левые народники», но и социал-демократы (В. Д. Бонч-Бруевич). «Я, — вспоминает Андрей Белый, — начитавшись Достоевского, искал героев его, Алеш, Зосим, Мышкиных, Иванов Карамазовых в жизни <...> влекли и самочинные сектанты: не хлысты, штундисты, евангелисты, а начинатели своих собственных сект»³⁰.

Такие «самочинные сектанты» выдвигаются из самой символистской среды. Уже в 1898 г. один из первых русских декадентов А. М. Добролюбов порывает с «образованным» обществом и уходит «в народ», становится основателем собственной, хотя и немногочисленной секты (см. о нем подробно п. 5, прим. 5). «Уход» Добролюбова не остался незамеченным в столичных литературных кругах — о нем писали З. Гиппиус, Мережковский, Минский и другие авторы (в том числе — Блок, посвятивший Добролюбову стихотворение и — как выясняется из публикуемых ниже писем Ключева — подаривший ему с надписью свой первый стихотворный сборник). «Ранний декадент Александр Добролюбов, автор двух книг стихов, изысканный поэт с утонченной душой интеллигента мистического пошиба, учуяв землю, сложил с себя как бремя легкое и ненужное всю сложность видимостей внутренних и внешних и ушел в деревню, и сгинул в ней, и нет его больше среди нас в городах, а есть там, за этой мнимой стеной, отпугивающей слабых и слепых, а для зрячих и крепких не существующей», — писал в 1912 г. С. Городецкий в статье «Незакатное пламя», посвященной Ключеву³¹. Вторым символистом, решительно вступившим на путь А. Добролюбова, был Л. Д. Семенов. Их имена не случайно принято ставить рядом как два наиболее ярких свидетельства религиозно-народнических устремлений, отличавших русский символизм в 900-е годы. А. Добролюбов и Л. Семенов неоднократно упоминаются в письмах Ключева к Блоку: молодой олонецкий поэт видел в этих писателях, перешедших «в народ», опору для своих собственных народнических исканий. В статье «Незакатное пламя» С. Городецкий намечает следующую преемственную связь: А. Добролюбов — Семенов — Блок — Ключев.

Внимание русской интеллигенции к Северу, к старообрядчеству и сектам различного толка было в известной мере обострено и первыми книгами М. Пришвина, появившимися как раз в 1907—1909 гг. Путешествуя по Олони, «в краю непуганных птиц», писатель увидел на русском Севере «остатки чистой, неиспорченной рабством народной души»³². Особенный интерес в этом плане представляет собой очерк Пришвина «У стен града невидимого» (в последующих изданиях — «Светлое озеро»), впервые опубликованный в «Русской мысли» при поддержке Мережковских (1909, № 1-3). Рассказывая о своем путешествии на берега озера Светлояра, в глубины которого, по народной легенде, погрузился некогда Китеж-град, Пришвин описывал свои встречи с сектантами и размышлял о «тайных подземных путях», соединяющих «этих лесных немолк с теми культурными»³³. На эту книгу Пришвина Блок откликнулся короткой рецензией, напечатанной в октябре 1909 г. в газете «Речь» (см. V, 651). Известно также, что в первых книгах писателя Блок, по свидетельству самого Пришвина, находил «поэзию, но и еще что-то»³⁴.

В октябре 1907 г. Блок делает первые наброски стихотворения о самосожженцах, законченного значительно позднее, в 1914 г. («Задебранные лесом кручи»). Тогда же им написано и восьмистишие «Меня пытали в старой вере». Далеко на Севере, в дремучих лесах, в скитах и срубках раскольников-староверов поэту видится «сжигающий Христос», несущий пламя всероссийского мятежа. «Народная душа», как кажется Блоку, уже охвачена «святым пожаром». В статье «Литературные итоги 1907 года» сказано: «...в России растет одно грозное и огромное явление <...> Явление это сектантство» (V, 215). Блок не сомневается в том, что именно сектанты и старообрядцы несут в себе огненное «аввакумовское» начало, что стихий-

ный протест, зреющий в народной глубине, выплеснется однажды наружу³⁵. Тяготение Блока к этим аспектам народной жизни было в те годы чрезвычайно сильным. Не случайно А. Белый в одной из своих статей 1909 г. писал о том, что «тревожная» поэзия Блока в чем-то близка к русскому сектантству; ведь сам Блок, подчеркивал Белый, называет себя «не воскресшим Христом», а его Прекрасная Дама в сущности — хлыстовская богородица³⁶.

Размышления о «народе» и «народной душе» были в этот период неразрывно связаны у Блока с его все растущим неприятием «интеллигенции», что нашло отражение в ряде его статей, написанных в 1907—1908 гг. В статье «Литературные итоги 1907 года», касаясь возобновившихся в Петербурге религиозно-философских собраний, Блок язвительно пишет об «образованных и ехидных интеллигентах, посевших в спорах о Христе и антихристе», о «многочисленных философях, полах, лоснящихся от самодовольного жира» (V, 210). Настроения Блока той поры всего отчетливее передает его известная статья «Народ и интеллигенция», написанная в ноябре 1908 г. и, как вспоминает М. А. Бекетова, отчасти навеянная клюевскими письмами³⁷. Вопрос об отношениях между интеллигенцией и народом Блок называет «важнейшим» для себя (V, 319). Он пишет о двух полюсах русской жизни, о «двух реальностях», отделенных, как кажется Блоку, стеною непонимания: «...полтора миллиона с одной стороны и несколько сот тысяч — с другой; люди взаимно друг друга не понимающие в самом основном» (V, 323). Еще более определенно та же мысль выражена в записи от 22 декабря 1908 г.: «Мне ясно одно: ПРОПАСТЬ, недоступная черта между интеллигенцией и народом, — ЕСТЬ» (ЗК, 126). На первый план, — пишет Блок С. А. Венгерову 4 декабря 1908 г., — я ставлю вопрос о том, как интеллигенции найти связь с народом» (VIII, 264).

Желая преодолеть разрыв между интеллигенцией и народом или, по терминологии Блока, между «культурой» и «стихией», поэт размышляет в те годы о приобщении современных художников к «народной душе». «Творчество художника, — сказано в статье Блока «Душа писателя», — есть отзвук целого оркестра, то есть отзвук души народной» (V, 371). В первую очередь Блок имеет в виду художников-символистов, в лице которых, по его мнению, современная культура достигла наиболее утонченных и рафинированных форм. Блоку одно время казалось, что культура символизма пропитывается все сильнее духом «стихии», что художники-символисты все больше приближаются к «жизни», к «реализму». Основанием для утверждений такого рода Блоку служили примеры «жизнетворчества» А. Добролюбова и Л. Семенова. «Символисты идут к реализму, потому что им опостылел спертый воздух «келий», им хочется вольного воздуха, широкой деятельности, здоровой работы», — писал Блок в статье «О современной критике» (1907). И далее: «Недаром у всех нас на глазах деятельность А. М. Добролюбова, да и не одного его, и этот пример ярко указывает, что движение русского символизма к реализму началось с давних пор, чуть ли не с самого зарождения русского символизма» (V, 206).

Антитеза «интеллигенция — народ», возникшая уже в XIX в., не была для Блока отвлеченной теоретической проблемой. Напротив: в условиях русской действительности начала века она приобретала для него живой, сугубо личный характер. Поэт, как известно, тяжело переживал свое «барство» (т. е. свое дворянское происхождение) и, как многие народники-дворяне, испытывал острое чувство вины перед народом. В чисто народническом духе Блок полагал, что русская интеллигенция находится в долгу у народа, что «культура» в России куплена слишком дорогой ценой — ценой порабощения народа. Оторвавшийся от «почвы» интеллигент должен искупить свой социальный грех, приблизиться к народу, в котором, согласно разным народническим доктринам, скрыта либо социальная, либо религиозная правда. Вопрос о том, как искупить свою «вину» перед трудящимся народом, мучал Блока еще в 1901—1903 гг., что видно, в частности, из его переписки с композитором С. В. Панченко, воздействовавшим тогда на Блока в духе «кающегося дворянства». «Надо поклониться Мужику, — писал Панченко Блоку 1/14 января 1903 г. — Надо заплакать, упасть на колени и в рыданиях и в стенаниях головой биться об землю у ноги мужика. Чтобы он — простил... Так надо чувствовать к мужику. И когда Вы так к нему почувствуете — Вы обновитесь и начнете новую жизнь». Впрочем, Панченко тут же добавляет, что «не надо» «ходить в народ». «Это бессовестно. Это только ему, темному, создавать новый террор (...). И пахать, по Толстому, не надо...»³⁸.

Вопрос о том, как преодолеть пропасть, отделяющую «барина» от «мужика», «интеллигенцию» от «народа», «культуру» от «стихии» приобретает для Блока в 1907—1911 гг. принципиальное, жизненно важное значение. Ответить на него означало ответить на вопросы:

«Что делать?» «Как жить?» «Уйти» или «остаться»? Есть основания предполагать, что именно в эти годы Блок, порываясь изменить свою жизнь, неоднократно думал о разрыве с «культурой», о приближении к народной «стихии». Путь А. Добролюбова и Л. Семенова увлекал Блока, казался ему «выходом» из декадентства и шире — из «интеллигенции» в целом. Родственные устремления овладевали в ту пору А. Белым и некоторыми другими символистами. «Тема „ухода“ меня, как Семенова, мучила, — вспоминал А. Белый, — неудивительно: мы говорили о том, что, может быть, уйдем; но куда? В лес дремучий?»³⁹ (Говоря «мы», Белый имеет в виду себя и Блока, беседы с которым воспроизводятся в этом месте его мемуаров).

Но «уйти» окончательно, сделать решающий шаг Блок, конечно, не мог; для этого он был слишком художником, личностью. Он искренне тянулся к народу, но ощущал себя в то же время «интеллигентом», человеком культуры. В известном письме к В. В. Розанову от 17 февраля 1909 г., где с особой ясностью выражена общественная позиция Блока, поэт говорит о своей «кровной» интеллигентности (VIII, 274). Столь же неоднозначно решалась для Блока и проблема «Россия — Запад». Глубоко любя Россию и посвящая ей замечательные стихи, Блок в то же время был многим обязан культуре Запада, и сам признавал это. Эту двойственность своего положения Блок в 1907—1909 гг. переживал глубоко и остро. С нею связаны многие его метания и сомнения тех лет. Она же определяет сущность блоковского диалога с Ключевым.

Что именно ответил Ключеву Блок в ответ на его первое «очень трогательное письмо» (VIII, 215), мы не знаем. Однако ясно, что свое неожиданно для него начавшееся общение с Ключевым Блок сразу же перевел в русло актуальных для него тогда проблем.

«Очень отвлеченные оправдания в духе „какогогоса дворянина“, — так позднее охарактеризовал Блок свое первое письмо к Ключеву в статье «Литературные итоги 1907 года» (V, 214). В своем ответном письме Ключев несколько раз цитирует Блока (прямо или косвенно), и по этим цитатам можно восстановить некоторые фразы блоковского письма («Вы пишете, что не понимаете крестьян...»; «Наш брат вовсе не дичится «вас», а попросту завидует и ненавидит...»; «...нельзя зараз переделаться, как пишете Вы...»; «И из Ваших слов можно заключить, что миллионы лет человеческой борьбы и страдания прошли бесследно для тех, кто имеет на спине несколько дворянских поколений»). О разрыве между «интеллигенцией» и «народом», о своем «непонимании» крестьян, чувстве отчужденности от них Блок писал Ключеву неоднократно. «Получил Ваше письмо от 11 января. Оно резко, но не отлито от прежних. Если бы Вы не упоминали почти в каждом письме про свое барство, то оно не чувствовалось бы мною вовсе, — замечает Ключев 22 января 1910 г., цитируя (в том же письме) слова Блока: «Я барин — вы крестьянин».

Тема «народа», затронутая Блоком, была чрезвычайно близка Ключеву. Неудивительно, что на «отвлеченные оправдания» Блока он откликнулся большим письмом, в котором продолжил разговор, начатый петербургским поэтом. Подобно Блоку, Ключев пишет о «необоримой стене несближения», существующей, по его мнению, между крестьянами и «господами». Письмо Ключева проникнуто духом социального протеста, тон его резок, местами появляются гневные обличительные нотки. Бесспорно, в 1907 г. Ключев был уже вполне сложившимся радикальным народником. Нельзя, однако, не заметить, что его второе письмо к Блоку, как и некоторые последующие, — не только позиция, но и поза. Отделяя себя от своего адресата, Ключев делает это безжалостно, дерзко и в то же время несколько нарочито, с излишним пафосом. Хорошо понимая, чем вызван интерес Блока к нему, Ключев сознательно углубляет тему «несближения» и как бы «самоутверждается» за счет своей принадлежности к народу. Искренне обличая тот общественный слой, к которому принадлежит Блок, Ключев при этом в какой-то мере «играет» и даже юродствует, впадая то в неоправданно высокомерный, то в болезненно уязвленный тон, то поучая и наставляя Блока, то подчеркивая свою собственную необразованность, «темноту» и т. п. (см. также п. 4, 8, 12, 31 и пр.).

Противопоставление «народа» людям «ненуждающимся и ученым» (п. 26) переходит затем из писем Ключева в его поэзию и расширяется в его дооктябрьском творчестве до антитезы Города и Деревни. В этом Ключев мало чем отличается от других новокрестьянских писателей, в поэзии которых обличению «города» и «городской» культуры будет уделено значительное место. Деревня (уточним: русская патриархальная деревня) олицетворяла для этих поэтов естественное бытие, Природу, к которой они страстно влеклись; Город же был воплощением современной машинной цивилизации, которую они решительно отвергали. (В творчестве Ключева эта антиномия получает со временем форму противопоставления «березки»

и «железа»). Весной 1909 г. Ключев пишет Блоку о том, что является врагом «усовершенствованных пулеметов и американских ошейников и т. п.: всего, что отнимает от человека все человеческое» (п. 20). Ненавистной современности, лишившей человека, как казалось Ключеву и его единомышленникам, естественности, духовности, поэзии, писатели-крестьяне стремились противопоставить «старину» (народное творчество, быт деревни, ее вековые традиции, верования и т. п.). Свой поход против «города», «культуры», «интеллигенции» они вели с позиций патриархального российского крестьянства. Будущее представлялось им в виде ржаного мужицкого рая, в котором нет места «каменной тюрьме» — Городу ⁴⁰.

Второе письмо Ключева еще более укрепило Блока в его влечении к «народу» и скептическом взгляде на «интеллигенцию». (Поэзы и «игры» Ключева в этом письме Блок не увидел). Важное свидетельство — письмо Блока к матери от 27 ноября 1907 г. «Забавно смотреть, — пишет Блок, — на крошечную кучку русской интеллигенции, которая в течение *десятка* лет сменила кучу мирозерцаний и разделилась на 50 враждебных лагерей, и на многомиллионный народ, который с *XV века* несет одну и ту же однообразную и упорную думу о боге (в сектантстве)». Вслед за этим Блок добавляет: «Письмо Ключева окончательно открыло глаза» (VIII, 219). Совершенно ясно, что уже тогда — в ноябре 1907 г. — Ключев персонифицировал для Блока ту самую сектантскую, т. е. религиозно-патриархальную, но вместе с тем бунтующую, мятежную Россию, к которой Блок настойчиво тянулся. Рассуждения Ключева о «народе» и «господах» Блок считал настолько важными, что процитировал их почти целиком в статье «Литературные итоги 1907 года».

Заметим, что отношение Блока к этой «сектантской», «ключевской» России было на деле довольно сложным. Ненависть, зреющую в русском народе, Блок, бесспорно, считал справедливым и даже святым чувством. Тонкое историческое чутье Блока подсказывало ему также, что эта ненависть рано или поздно выплеснется наружу, обернется восстанием. Блок верил в русскую революцию и ждал ее. Но воспринимая «народ» как «стихию», Блок и в будущей революции предугадывал действие и разгул стихийных сил. Он воспевал революцию как «великую грозу», которая «все сметет» (стихотворение «Да, так диктует вдохновенье», 1911—1914 гг.). Прежде всего, как казалось Блоку, революция уничтожит «культуру», «старую («кровную») интеллигенцию, к представителям которой он относил и самого себя. Подобные мысли возникают у Блока в конце 1907 г. именно в связи с письмом Ключева. Об этом ясно свидетельствует опубликованная М. Бронным запись в дневнике Н. В. Недоброво от 8 января 1908 г. (запись сделана после визита Н. В. Недоброво и А. И. Белецкого к Блоку в конце 1907 г.). Похвалив стихи Белецкого, Блок задал вопрос: «Ну, а дальше что же?» После этого Блок начал говорить, «что подходит конец, что идет новая интеллигенция, которая истребит «нас»». И в заключение прочел предлобпытное письмо от какого-то олонечного мужика, из которого явствует, что где-то за 300 верст от железной дороги мужички читают стихи Блока, судят о них, сами сочиняют символические стихи и грозят русской интеллигенции отставкой, исповедуясь ей в ненависти и в неисцелимой тоске народной, протекающей из сознания, что «без Вас нам еще не обойтись» ⁴¹.

В еще большей степени захватила Блока и навела его на такого рода мысли статья Ключева «С родного берега», написанная им в августе 1908 г. в форме письма к В. С. Миролюбову и, видимо, предназначенная для печати в одном из русских заграничных изданий. Блок получил эту статью от Ключева в сентябре 1908 г. В ней подробно рассказывалось о положении дел в олонечной деревне, о растущем среди крестьян недовольстве, о приобщении их к политической борьбе. Бунтарские настроения крестьян, их «ненависть ко всякой власти предрержащей» неотделимы в изображении Ключева от их религиозно-утопических чаяний. Слова «земля есть достояние всего народа» и «земля божья» для Ключева равнозначны. Религиозность народа, по Ключеву, не препятствие для восприятия революционных идей, а напротив — «своего рода чистилище, где все ложное умирает, все же справедливое становится бессмертным» ⁴². Будущее социальное равенство рисуется Ключевым в народно-фольклорном духе. Это — «типично мужицкая социально-этическая утопия, перекочевавшая в письмо Ключева из народных сказок и легенд» ⁴³. Но будущее для Ключева в то же время — «тучная долина Ефрата, где мир и благоволение, где сам бог». Озорные и даже крамольные песни, которые поются в деревне, приведены у Ключева рядом с «духовным стихом», распеваемым по деревням «перехожими нищими слепцами» (впрочем, и в нем преобладает скорбно-негодующий мотив — звучит тема лжи и насилия, воцарившихся в «крещеном белом царстве»).

Статья Ключева как нельзя лучше подтверждала представления Блока о той России.

из глубин которой, как казалось поэту, грядет «сжигающий Христос». Прочитав статью, Блок, прежде чем отослать ее Миролубову во Францию, сделал с нее копию. В письме к Е. П. Иванову 13 сентября 1908 г. он назвал эту статью «документом огромной важности (о современной России — народной, конечно)...» Этот документ, продолжает Блок, — «еще и еще утверждает меня в моих заветных думах и надеждах» (VIII, 252). Отдельные отрывки из письма-статьи Ключева Блок процитировал в своей статье «Стихия и культура», написанной в ноябре 1908 г. Комментируя письмо, Блок вновь определяет его как документ «большой <...> ценности» (V, 357).

Статья «С родного берега» была «ценна» для Блока прежде всего как свидетельство надвигающейся революции, ясно (хотя подчас и иносказательно) выраженное Ключевым. «Вообще мы живем, как под тучей, — вот-вот грянет гром и свет осяет трущобы земли» — эти ключевские слова цитирует Блок в своей статье. О будущих социальных переменах идет речь и в некоторых других отрывках, приведенных Блоком. Тема растущего народного гнева, подчеркнутая в статье «Стихия и культура», отразилась также в письме Блока к С. Ю. Копельману. 11 декабря 1908 г. Блок пишет ему о том, что в народе зреет злоба и что это — «единственное спасение». Блок далее говорит о том, что «лучше» ждать, пока «накопится довольно злобы, единственной и настоящей, разрушающей плотины»⁴⁴.

Цитируя в своей статье отрывки из письма Ключева и из письма одного сектанта к Д. С. Мережковскому, Блок образно выделяет в современной деревне две группы: тех, кто поет про «литые ножики», и тех, кто поет про «святую любовь». «В дни приближения грозы сливаются обе эти песни», — замечает Блок (V, 359). Это означает, что бунтарское и религиозное начала должны, согласно Блоку, в дни грядущей революции соединиться вместе, слиться в один поток. Черты, отличающие раскольников и сектантов, определяют лик будущей революционной России. Стихийные бунтари-разбойники и святые беглецы-отшельники — и те, и другие кажутся Блоку подлинными выразителями народного протеста, социального и духовного. Они в глазах Блока — сродни друг другу. «Они дети одной грозы; потому что земля одна, „земля Божья“, „земля — достояние всего народа“» (V, 359). «Очистительный огонь» восстания в представлении Блока — религиозный огонь.

Представителем этой «огненной», «аввакумовской» («народной») России и в какой-то мере ее пророком становится после 1907 г. для Блока Ключев. Сохранилось важное свидетельство С. М. Городецкого, утверждавшего, что «своеобразное народничество» Блока проявилось прежде всего в его переписке с Ключевым. Городецкий приводит также слова из неизвестного письма Блока, которое он написал якобы в то время «одной из своих знакомых»: «Сестра моя, Христос среди нас. Это — Николай Ключев»⁴⁵. К этому свидетельству Городецкого следует отнестись с доверием: образ олоонецкого певца и проповедника действительно сливался порой в сознании Блока с огненным, «сжигающим», раскольничьим Христом его поэзии. Общение с Ключевым было важным, подчас жизненно необходимым для Блока и в 1907—1908 гг., и позже — в 1911-м. «В Ключева он крепко поверил», — подчеркивал Городецкий⁴⁶. Блок тянулся к Ключеву и внимательно прислушивался к его суждениям, глубоко переживал ключевские отзывы о его (Блока) поэзии. Ключев служил для него эталоном честности и гражданственности, его мнением Блокверял свои собственные поступки. Примечательна запись в дневнике Блока, сделанная 27 ноября 1911 г.: «Дважды приходил студент, собирающий подписи на воззвании о ритуальных убийствах (составленном Короленкой). Я подписал. После этого — скребет, на душе тяжелое. Да, Ключев бы подписал, и я подписал — вот последнее» (VII, 97).

Блок принимал и те упреки, которыми осыпал его Ключев. Последовательно проводя (и неизменно заостряя) свою «народную» точку зрения, Ключев не стеснялся указывать Блоку на все то, что, по мнению олоонецкого поэта, было в нем или в его творчестве «интеллигентского». Зная из писем Блока о том, что именно его угнетает и мучает, Ключев продолжал «играть» на блоковском чувстве вины перед «народом» (и значит перед ним, Ключевым, тоже). Блок же, воспринимавший свою «интеллигентность» и принадлежность к культуре как своего рода грех, готов был заранее согласиться на любое обвинение, поскольку оно исходило от носителя «народной души». Наиболее яркий пример — письмо Ключева, содержащее разбор книги «Земля в снегу». Это одно из самых «обличительных» посланий Ключева к Блоку, обвиненному им в «индивидуализме» («самоулажнении») и «барстве» («Отдел „Вольные мысли“ — мысли барина-дачника...»). Однако Блок отнесся к упрекам Ключева в высшей степени доверчиво. «Всего важнее для меня — то, что Ключев написал мне длинное письмо о „Земле

в снегу“, где упрекает меня в интеллигентской порнографии (не за всю книгу, конечно, но, например, за „Вольные мысли“). И я поверил ему в том, что *даже я*, ненавистник порнографизма, подпал под ее влияние, будучи интеллигентом», — пишет Блок матери 2 ноября 1908 г. (VIII, 258). «Другому бы я не поверил так, как ему», — добавляет Блок.

Спустя год, в автобиографии, написанной для сборника «Первые литературные шаги», Блок счел нужным отметить, что «важнейшими приговорами, кроме собственных», всегда были для него «приговоры ближайших литературных друзей и некоторых людей, не относящихся к интеллигенции» (VII, 434). Разумеется, среди критиков блоковского творчества, «не относящихся к интеллигенции», на первом месте должен быть назван Клюев. И поскольку о «Нечаянной радости» Клюев отзывался только восторженно, остается предположить, что говоря о «приговорах», Блок имел в виду прежде всего письмо Клюева, содержащее разбор книги «Земля в снегу».

Литературные «приговоры», которые выносил ему Клюев, запомнились Блоку надолго. Это становится очевидным, если проследить дальнейшую судьбу некоторых стихотворений, первоначально напечатанных в сборнике «Земля в снегу»: редактируя их впоследствии, Блок явно учитывал клюевскую критику. Так, в мусagetовском издании 1916 г. (Блок подверг стихи, составившие эту книгу, особенно внимательной и конструктивной переработке) были исключены отдельные строки из стихотворения «В дюнах» (цикл «Вольные мысли»), в частности: «И губы были ярки, обнажая/Звериные, сверкающие зубы». Ясно, что Блок устранил здесь те именно строки, которые среди других имел в виду Клюев, писавший в 1908 г. о «похабной» сущности многих блоковских стихов, о «вавилонском» отношении к женщине и т. п. (п. 12).

Подолгу размышляя над некоторыми письмами Клюева, Блок тем не менее соглашался далеко не со всем, в чем пытался убедить его олоецкий поэт-крестьянин. Адресованные ему обвинения Клюева вновь и вновь побуждали Блока думать о взаимонепонимании между «интеллигенцией» и «народом», о пропасти, отделяющей «культуру» от «стихий». 5-6 ноября в письме к матери Блок еще раз возвращается к последнему письму Клюева (о сборнике «Земля в снегу»). «Следовательно, — пишет Блок, — (говоря очень обобщенно и не только на основании Клюева, но многих других моих мыслей): между «интеллигенцией» и «народом» есть «недоступная черта». Для нас, вероятно, самое ценное в них враждебно, то же — для них. Это — та же пропасть, что между культурой и природой, что ли» (VIII, 258). Аналогичные мысли содержатся и в докладе Блока «Народ и интеллигенция», написанном тогда же (в ноябре 1908 г.): «Люди, выходящие из народа и являющие глубины народного духа, — говорил Блок, явно имея в виду Клюева, — становятся немедленно враждебны нам; враждебны потому, что в чем-то самом сокровенном непонятны» (V, 324).

Считая этот исторически сложившийся в России разрыв между «интеллигенцией» и «народом» неодолимым, трагически переживая его, Блок, однако, склонялся в те годы к мысли, что его собственное место — в лагере «интеллигенции». Он, как указывалось, глубоко ощущал свою причастность к «культуре» и «эстетике», и уйти в народ, раствориться в «стихий», т. е. отказаться от своего собственного я, он не мог. «Я люблю эстетику, индивидуализм и отчаянье (<...> я сам — интеллигент...» — горько исповедывался Блок в статье «Народ и интеллигенция». «Во мне самом, — писал он далее в этой статье, — нет ничего, что любил бы я больше, чем свою влюбленность индивидуалиста и свою тоску, которая, как тень, всегда и неотступно следует за такою влюбленностью...» (V, 327). Конечно, отношение Блока к «эстетике, индивидуализму и отчаянью» в действительности было более сложным; однако называя себя «интеллигентом», Блок вынужден был признать за собою и эти «интеллигентские», с его точки зрения, качества. Веря в искренность и органичность того, что писал ему Клюев, Блок тем не менее хотел оставаться самим собой. В том же письме (5-6 ноября) он объясняет матери: «Клюев мне совсем не только про последнюю «Вольную мысль» пишет, а про *все* (<...> или еще про многое. И не то, что о «порнографии» именно, а о более сложном чем-то, что я, в конце концов, в себе еще люблю. Не то, что я считаю это ценным, а просто это какая-то часть меня самого. Веря ему, я верю и себе» (VIII, 258).

Об этой «части себя самого» Блок писал и Ключеву. Многие из его писем носили, подобно некоторым его стихам и статьям, исповедальный характер. Блок рассказывал Ключеву правду о своей жизни, в которой многое его не устраивало, казалось ему «греховным» и «темным», делился с ним своими тайными сомнениями. «Мне слышно, что Вам тошно от наружного зла в жизни», — пишет ему Клюев в апреле 1909 г. (п. 20). Это означает, что Блок уже в 1908—

1909 гг. «каялся» Ключеву и открывал ему душу. Позднее «исповеди» Блока стали более частыми и глубокими. Исповедальным было, например, его письмо от 11 января 1910 г., о чем можно судить по ответному письму Ключева. «Не вскрывайте себе внутренностей, не кайтесь», — уговаривает Ключев Блока. И в том же письме: «Понимаю, что наружная жизнь Ваша несправедлива, но не презираю, а скорее жалею Вас». И далее: «Желание же Ваше „выругать“ не могу исполнить...» Видимо, слова Блока о себе самом были настолько горькими, что Ключев считает нужным поддержать и утешить «брата Александра», отчасти разубедить его («Не отталкивайте же и Вы меня своей, быть может фальшивой, тьмою»). В том же духе было, по всей видимости, написано предыдущее письмо Блока (13 сентября 1909 г.) и письмо, отправленное Ключеву в декабре 1911 г. Об этом свидетельствует запись в дневнике Блока, датированная 17 декабря 1911 г.: «Писал Ключеву: „Моя жизнь во многом темна и запутана, но я не падаю духом“» (VII, 103).

В чем же «каялся» Блок? Почему называл свою жизнь «темной» и «запутанной»? Из ответных писем Ключева ясно, что Блок писал ему о том «страшном мире», к которому он считал себя глубоко причастным. Уже сборник «Земля в снегу» содержит ряд «исповедальных» стихотворений. Поэт жалуется на то, что «в тайник души проникла плесень», сокрушается о «растрченной душе», которая «туманам предана», пишет о своем «утопленном в вине» отчаянии (стихотворения «Балаган», «Напрасно», «Холодный день»). Приметы «страшного мира» вторгаются в поэзию Блока 1908—1914 гг., заметно окрашивают ее. Лирический герой Блока погружен в метели и мрак, в «однообразный шум», в «городскую суету»; «вино и страсть» терзают его жизнь; он «пригвожден к трактирной стойке»; его окружают «стертые лица», «пустынный вопль скрипок», кабацкий разгул, цыганщина. Разделом «Страшный мир» открывался третий том лирики Блока; часть этого раздела составляли стихотворения, написанные в 1909 г. («Под шум и звон однообразный», «Из хрустального тумана», «Двойник», «Песнь Ада», «Поздней осенью из гавани», «На островах»). По стихотворениям этого цикла можно воссоздать духовную драму Блока, его мучительную и напряженную борьбу с самим собой, которая кажется подчас трагически безысходной. В «непроглядном сумраке» хмельной поэт сталкивается со своим двойником, «стареющим юношей», уставшим «в чужих зеркалах отражаться/И женщин чужих целовать» («Двойник»). Даже любовь теряет для поэта свой смысл: «Все только — продолжение бала, Из света в сумрак переход...» («На островах»). Как развернутая аллегория «Страшного мира» воспринимается написанная дантовскими терцинами «Песнь Ада».

Блок остро и тяжело переживал свои «нисхождения» в современный Ад, свои «погружения» в немое и неподвижное болото «страшного мира», где его собственная жизнь, как ему казалось, превращалась в застой и неподвижность. Глубоким отчаянием, что охватывало порой Блока, проникнуты многие его стихотворения; в них говорится о безысходности, обреченности, забвении и т. д. В сентябре 1909 г. Блок писал Ключеву о том, что «в хаосе нет света своего» (см. п. 23). Таким же мрачным и покаянным было, судя по всему, и его письмо в Олонию от 11 января 1910 г., в котором содержатся отмеченные Ключевым слова о том, что «во тьме лжи лучится правда» (см. п. 26).

Слова эти чрезвычайно важны: в них, строго говоря, раскрыт один из важнейших аспектов блоковского мироотношения. Погружаясь во тьму и хаос «страшного мира», Блок внутренне сопротивлялся ему, пытался противопоставить ему образ иной — негреховной жизни, воспоминание о «былой красоте», о «светлом» опыте. Блок глубоко и надолго впадал порой в тоску и отчаяние; обступивший его мрак казался ему тогда беспросветным; он терял ощущение «пути» и «цели». Но каким бы глубоким ни был кризис, потребность в «свете», в движении, в «пути» никогда не угасала в нем полностью. Блоковская поэзия этих лет обнаруживает своеобразную диалектику «мрака» и «света», «забвенья» и «памяти», «распутицы» и «пути». (Эта тема глубоко раскрыта в известной работе Д. Е. Максимова⁴⁷). Утрата и поиск своего «пути» обсуждались, видимо, Блоком и в его письмах к Ключеву. «Никогда не было в моих мыслях указывать Вам пути», — заверяет Ключев Блока, желавшего, чтобы олонецкий крестьянин «выругал» его за «неправедный» образ жизни и помог ему освободиться из пут «страшного мира» (см. п. 26).

Нравственные искания Блока осложнялись тем, что свой путь через «хаос», через «адские» сферы бытия поэт считал для себя необходимым, неминуемым. «Разве можно миновать „мрак“, идя к „свету“?» — этим вопросом Блок задавался еще в 1902 г. (VIII, 37). Неотвратимость своего пути через «мрак» Блок обосновывал социально и исторически. С одной сто-

роны, он склонен был искать причину своих недугов в своем привилегированном положении «барина», «интеллигента», «горожанина» (этими признаками Блок, как указывалось, постоянно и глубоко тяготился). С другой стороны, свое приобщение к «страшному миру» Блок ставил в непосредственную связь с общественной ситуацией в России после подавления революции 1905 г., воспринимая свой индивидуальный путь как путь целого поколения. «Сегодня многие из нас, — писал Блок в 1910 г. в статье о Владимире Сслывеве, — пребывают в усталости и самоубийственном отчаянии» (V, 454). В своем «грехопадении» Блок видел некий «Рок», подчинение «Судьбе» — судьбе человека страшной эпохи, безвременья, реакции. Голоса «метели», «вьюги», «хаоса» звучат в его стихотворениях как свего рода «Песня Судьбы». А «ключевые» для Блока слова-понятия «скука», «тоска», «отчаянье» и др. приобретают в общем контексте его поэзии символическое звучание, передают блоковское ощущение современной эпохи.

Изменить «путь» (т. е. победить «судьбу») можно было, лишь изменив действительность. Избавление от своих личных недугов Блок мог найти лишь в «исцелении» всей страны. Потерять внутреннюю связь с Россией всегда казалось ему поэтому тяжелейшим из грехов, величайшей опасностью. Даже в трудные для него годы Блок заботился о том, «чтобы распутица почная/ От родины не увела» («Под шум и звон однообразный»). Не случайно, именно Ключеву, в известной мере воплощавшему для него русский народ, рассказывал он о «греховности» своей жизни и каялся в своем «беспутстве». Надежда на социальное и духовное обновление России подспудно питала сознание Блока и жила в нем — то почти угасая, то вновь возгораясь. «Во тьме лжи» Блоку — даже в те годы — виделся «луч правды», и это, как писал он в стихотворении «Благословляю все, что было» (1912), помогало ему продолжать свой путь «в холодном мраке снежной ночи».

Из ответных писем Ключева видно, что Блок не только каялся и оправдывался перед ним, но и защищался. Блок, в частности, пытался объяснить олонечному поэту, почему он не рвет с «образованным» обществом, сохраняет связь с литературой, с «культурой». Он пытался отстоять и обосновать перед Ключевым свое право художника на творческое развитие. И Ключев понимал это и во многом соглашался с Блоком. «Простите меня, не омрачайте своих образов моей грубостью, ибо Вы истинны в «своей» правде, без которой Вы не художник...» — пишет он ему в конце 1908 г. (п. 13). В другом письме (апрель 1909 г.) Ключев возражает Блоку: «В одном фальшь, что говорите, что я имею что-то против Вас за Ваше тяготение к культуре» (п. 20). Многие в этом плане проясняют вопрос, заданный Ключевым в его письме от 5 ноября 1910 г. (п. 31): «Напишите мне, что это за «служение» — которое Вы упоминае(те) в письме, говоря про самих себя?» Для Ключева этот вопрос не случаен: слово «служение» было наполнено для него и религиозным, и общественным смыслом. Блок же, как явствует из всего вышесказанного, имел в виду скорее всего художнический аспект этого понятия, т. е. «служение искусству». «Я служу искусству, тому третьему, которое от всякого рода фактов из мира жизни приводит меня к ряду фактов из другого, из своего мира: из мира искусства», — писал Блок осенью 1909 г. в одном из очерков, составляющих «Молнии искусства» (V, 403). О «служении» говорится также в статьях Блока «Литературный разговор» и «О современном состоянии русского символизма», написанных в том же году, что и письмо к Ключеву (1910). «Путь к подвигу, которого требует наше служение, — сказано в последней статье, — есть — прежде всего — ученичество, самоуглубление, пристальность взгляда и духовная диета» (V, 436). Видимо, в таком же духе Блок высказался и в письме к Ключеву.

Вплоть до 1912 г. Ключев настойчиво продолжал воздействовать на Блока, пытаясь склонить его к разрыву с «культурой» и увлечь с художественного пути на путь религиозного служения (разумеется, не в ортодоксально-церковном смысле). Стремление заглушить в себе поэта глубоко захватывает самого Ключева в 1909—1910 гг. — религиозные искания определяют в эти годы его духовную жизнь. Не желая творить «красоту изреченную», Ключев, вдохновляясь примерами А. Добролюбова и Л. Семенова, порывается «замолчать», т. е. отказаться от художественного творчества ради «молитвы». «Буду молчать, — пишет он Блоку в сентябре 1909 г. — Не знаю, верно ли, но думаю, что игра словами вредна, хоть и много копошится красивых слов, — позывы сказать, но лучше молчать. Бог с ними, со словами-стихами» (п. 23). О том же (порой вскользь, намеком) говорится и в последующих письмах. Наиболее подробно Ключев обосновывает эту точку зрения в письме от 5 ноября 1910 г., посвященном разбору блоковской статьи «О современном состоянии русского симво-

лизма». Среди современных ему «словесников-символистов» Клюев выделяет тех, которые ужаснулись «тщете своих художнических исканий» и порвали с литературой — «недавно замолчавшего» Александра Добролюбова и «год с небольшим назад умолкшего» Леонида Семенова (п. 31).

Кульминационный момент в отношениях Блока и Клюева — письмо последнего, написанное около 30 ноября 1911 г. (спустя два месяца после их очного знакомства). Открыто и решительно, как ни в одном из предыдущих писем, Клюев выступает против «иноземщины», завладевшей, по его мнению, Блоком, напоминает ему о том, что его (т. е. Блока) творчество лишь постольку религиозно, «следовательно, и народно», поскольку далеко от «всяких Парижей и Германий». (Весьма показательно, что подлинная религиозность не мыслится Клюевым вне «народной души».) Положение Блока, оказавшегося, как представляется Клюеву, между Западом и Россией, «действительно роковое». Запад для Клюева — воплощение безбожия; с ним он связывает «поклонение Красоте», индивидуализм, творчество «во имя свое». Россия же, напротив, означает для него «поклонение Страданию» (т. е. христианство), творчество «для себя в другом человеке», приобщение к «Миру-народу». Клюев требует, чтобы Блок сделал окончательный выбор, чтобы он принял на себя «подвиг последования Христу» (слова из п. 31). Завершая свое обращение к Блоку «письмо-проповедь», Клюев пророчествует «об обручении раба Божия Александра — рабе Божией России».

Блок был потрясен этим письмом. Получив его 5 декабря, он в течение нескольких дней перечитывал его, не расставался с ним. «Послание Клюева все эти дни — поет в душе», — записывает он в своем дневнике 9 декабря (VII, 104). Слова и призывы Клюева на этот раз особенно усугубили смятенность Блока, обострили его нравственные терзания, его сомнения в правильности своего пути. Следует вспомнить, что в 1911 г. Блок еще глубоко и остро переживал «уход» Льва Толстого, который, как вспоминает М. А. Бекетова, «волновал и радовал» Александра Александровича⁴⁸. Получив письмо Клюева, Блок с новой силой предается мыслям об «уходе» и «опрощении». «Я над Ключевским письмом, — записывает Блок 6 декабря, — *Знаю все, что надо делать*: отдать деньги, покаяться, раздарить смокинги, даже книги. Но не могу, не хочу» (VII, 104).

Мучительные размышления Блока над письмом Клюева продолжались несколько недель. Он показал его своей матери, поделился с ней теми сомнениями, которые оно в нем вновь пробудило. «Была на днях у Саши, — писала 10 декабря А. А. Кублицкая-Пиотух М. П. Ивановой, сестре Е. П. Иванова, — говорила с ним, читала письмо, которое он получил из Олонецкой губернии»⁴⁹. Психологическое состояние Блока, как явствует из дальнейшей переписки Александры Андреевны с М. П. Ивановой, чрезвычайно заботило в те дни его родных и близких. 15 декабря мать Блока пишет Марии Павловне: «Письмо, о котором говорили мы с Сашей, написано мужиком-поэтом. Чтобы понять его, надо предисловие. И я напишу Вам на днях об этом и пришлю письмо»⁵⁰. И спустя несколько дней, 20 декабря: «Вот Вам письмо. Клюев нынче осенью провел с Сашей несколько дней. Сидел по ночам. Я думаю, Вы поймете всю важность этого *Крещения*. Саша принял письмо очень серьезно. Но тоится... Покажите письмо Жене. Пусть прочтет. Я прошу его»⁵¹.

Получив письмо, М. П. Иванова в тот же день ответила Александре Андреевне. По ее мнению, Клюев «много берет на себя», предъявляя Блоку «такие обвинения, угрозы, чуть ли не заклинания». Мария Павловна резко упрекала Клюева в гордости и самоуверенности. Основное содержание его письма к Блоку она также восприняла как призыв к «уходу». «Куда он зовет? — спрашивала она. — Отдать все и идти за ним, и что же делать? Служить России? Но это ведь даже не Россия, а его *дикий бор* только, неужели истина только там?..» Любопытно, что к словам «идти за ним» Блок сделал сноску: «Это и я понял — *так честно понять*». Всю часть письма Марии Павловны, относящуюся к Клюеву, Блок затем переписал в свой дневник (VII, 106—107).

Ознакомившись с письмом М. П. Ивановой, Блок на другой день, 21 декабря, пишет матери: «Мама, письмо М(арии) П(авловны) мне очень приятно. Оно необыкновенно значительно, так же как все в ней, я хотел бы оставить его у себя или переписать. Все это в глубине не противоречит письму Клюева и не представляет никаких соблазнов, кроме внешних, психологических. Скажи М(арии) П(авловне), что я и ее письмо слагаю в сердце, но и Клюева — тоже. Здесь прощающее дыхание жественного Духа. Там — костяной посох, сурово занесенный над головой «обеспамятвшего интеллигента». Все призывает «туда же» <...>»⁵².

С письмом Клюева Блок познакомил также Городецких. «Я плачу, читая Ваше письмо

и письмо к Вам Ключева», — писала ему А. А. Городецкая (наст. том, кн. 2, с. 58). 23 декабря Блок посетил Мережковских, где познакомил с письмом Ключева самого Мережковского, З. Н. Гиппиус и Д. В. Филофова, которые единодушно «его <т. е. Ключева> бранили на чем свет стоит» (VII, 105), Мережковские пытались убедить Блока в том, что Ключев его «не понимает». Блок, как видно, защищался и защищал Ключева, причем в его споре с Мережковскими не раз упоминались имена А. М. Добролюбова, Семенова, Миролюбова. Под непосредственным впечатлением беседы у Мережковских Блок записал: *«Итак — сегодня: полное разногласие в чувствах России, востока, Ключева, святости»* (VII, 106). (Чрезвычайно характерен этот ряд имен и понятий, тождественных для Блока по своему содержанию!) Наконец, на другой день, 24 декабря, в дневнике Блока появляется запись: «Сомневаюсь о Мережковских, Ключеве, обо всем» (VII, 108).

Блок не разделял скептического в целом отношения к Ключеву М. П. Ивановой, Мережковских и других. Взгляды и требования олонецкого поэта отвечали, как уже указывалось, многим помыслам Блока, и притом наиболее глубоким, сокровенным. Однако перейти окончательно на его сторону Блок не мог и не считал нужным. Призывы Ключева к «братству» увлекали его, но не могли вырвать из орбиты «культуры». Он по-прежнему считал «не своим» тот путь, вступить на который так настойчиво звал его Ключев (путь А. Добролюбова и Л. Семенова). Поэтому в 1911 г., так же как и в 1908-м, Блок продолжал относиться к Ключеву с большим доверием, но и — с осторожностью. Все то, о чем писал и в чем убеждал его Ключев, Блок принимал скорее как «тенденцию», нежели как «программу действий». Кроме того, Блок уже видел, что Ключев подчас «хитрит» и «играет» с ним⁵³.

Необходимо отметить, что Блок — при всей своей смятенности и раздвоенности — переживал свою кризисную эпоху напряженнее и глубже, чем Ключев, пытавшийся свести национальную проблему (как социальную, так и культурную) к узкопоятой «народности» и «религиозности». Блок же, тянувшийся к народной «стихии», но не желавший в то же время расстаться с «культурой» и воспринимавший «западный» элемент в отечественной культуре как ее неотъемлемую традиционную часть, тем самым объединял в себе различные и достаточно далекие стороны русской духовной жизни. Он как бы вмещал в себя «всю Россию», тогда как Ключев, признавая одну лишь патриархальную крестьянскую Русь, обеднял и суживал такие основополагающие понятия, как «родина», «народ», «культура».

Одновременно с письмом от 30 ноября 1911 г. Блок получил от Ключева его первую книгу — сборник «Сосен перезвон» (VII, 100). Книга была посвящена Блоку (а в ней — стихотворения «Верить ли песням твоим» и «Я болен сладостным недугом») ⁵⁴. На экземпляре, посланном Блоку, Ключев сделал надпись, которая имела и скрытый полемический подтекст: «Александру Александровичу Блоку в знак любви и чаяния радости — братства. Андома. Ноябрь. 1911 г.» ⁵⁵ Сборник содержал ряд программных для молодого Ключева стихотворений; одно из них («Пахарь») было проникнуто презрением, почти ненавистью к интеллигенции, которую автор гневно обличал от лица «поруганного» пахаря. Против четвертой строфы этого стихотворения («Вы обошли моря и сушу, / К созвездьям вымыли корабли, / И лишь меня — мирскую душу, / Как жалкий сор, пренебрегли») Блок карандашом написал два слова: «Очень озлоблен».

Впрочем, и отношение Ключева к Блоку также было не однозначным. Порой и даже обличая Блока за «неправедность» его пути, Ключев — в личном плане — относился к нему с глубокой симпатией. В его письмах к Блоку, наряду с воинствующими интонациями, появляются подчас нотки трогательной нежности, даже влюбленности. «Всегда поминаю Вас светло, так как чувствую красоту и правду Ваши», — пишет он ему 14 марта 1910 г. (п. 27). «Вас я постоянно поминаю и чувствую близким, родным...» — пишет он ему в июне того же года (п. 29). «Простите меня, если я этим письмом сделал Вам больно», — пишет Ключев 5 ноября 1910 г. (п. 31). Завершая свои письма к Блоку, Ключев приветствует его «любовно и радостно». «Видно, что он любит А<лександра> А<лександровича>» — замечает М. П. Иванова (VII, 106). Ключев действительно любил и глубоко уважал Блока, дорожил своим знакомством с ним. В конце письма от 22 января 1910 г. Ключев подписывается: «Без презрения любящ<ий> Вас» (п. 26). В предыдущем письме (29 декабря 1909 г.), спрашивая Блока о причине его долгого молчания, Ключев прибавляет: «Не допускаю мысль, что это разрыв духовный меж нами. Так хорошо бывает на душе от Вас и этого жалко смертно». Не только поэзия Блока — весь духовный строй его личности производил в те годы на Ключева глубокое впечатление. (Есенин однажды заметил, что Ключев был «пришиблен» Блоком ⁵⁶). Еще до их лич-

ной встречи Ключев сумел почувствовать то прекрасное и высокое, что присутствовало в поэзии Блока и в нем самом, он видел в Блоке не только «заблудшего брата», но и яркую неповторимую личность. «Желание же Ваше «выругать» не могу исполнить, — слишком для этого Вы красивы», — признается он Блоку (п. 26). На книге «Братские песни», изданной весной 1912 г., Ключев сделал следующую надпись: «Александру Александровичу Блоку с любовью живой Николай К л ю е в. Андома. Месяц май 1912 г.»⁵⁷. Более развернутыми и красочными были автографы на сборнике «Сосен перезвон», переизданном в 1913 г. ярославским издателем К. Ф. Некрасовым, и книге «Лесные были», выпущенной тогда же и там же. В каждой из этих надписей Ключев вновь возвращается к своему первому впечатлению — к «Нечаянной радости». На титульном листе сборника «Сосен перезвон» Ключев написал: «Александру Блоку — Нечаянной Радости. Николай К л ю е в. Осень. 1913 г. Я не боюсь потерять мою радость, довольно, что она была, довольно, что только была! Быть — значит есть в Едином, значит не может исчезнуть! Можно всю жизнь, все будущие жизни знать только медленный, невысокий путь сознания, можно потерять даже сознание, потерять воспоминание о радости. Все же радость не может исчезнуть, и когда придет совершение, знавшие радость будут в радости»⁵⁸. А «Лесные были» Ключев подарил Блоку со следующей надписью: «Александру — свет — Александровичу Блоку — Нечаянной Радости от велика Новгорода Обонежеския пятины погоста Пятницы Парасковии усадища Соловьева Гора песенник Николашка по назывке Ключев славу поет — учестлив поклон воздает. День Прокопа полужимнего-дорогокрушителя лета от рожества Бога—Слова 1913»⁵⁹.

III

Отношения Ключева и Блока еще более проясняются, если вспомнить о другом «народном» писателе — Пимене Карпове, к общественным выступлениям которого Блок проявлял в те годы известный интерес. Ключев и Карпов — фигуры родственные (при всем различии и разнонаправленности их литературных талантов). И тот, и другой выступают на рубеже 900-х и 910-х годов как идеологи «новокрестьянского» движения, окончательно сложившегося, как указывалось, в 1913—1916 гг.⁶⁰

Крестьянин Курской губернии, писатель-самоучка, воспитанный на произведениях современной русской литературы (в том числе и символистской), которую он хорошо знал, П. И. Карпов привлек к себе внимание в 1909 г. своей напумевшей брошюрой «Говор зорь» (с подзаголовком — «Страницы о народе и интеллигенции»). В ряду других выступлений на эту злободневную тему книга Карпова выделялась своей остротой, воинственностью, непримиримостью по отношению к культурной части общества. Делая упор на угнетенное и бесправное положение русского народа, упоминая об «ужасах реакции», которые выпали на его долю, Карпов пытается, игнорируя истинные причины народных бедствий, переложить всю вину на... русскую интеллигенцию. Оказывается, что именно интеллигенты переманили народ в города, «чтобы высосать из него здесь последние соки», ограбили его духовно, что «ужаснее грабежа материального, который совершали над крестьянами помещики и над рабочими капиталисты». Интеллигенты, как пытался доказать Карпов, боятся народа — «вдвигающей стихии», и даже те из них, которые тянутся к нему и испытывают сострадание, не идут дальше «благих пожеланий». Среди интеллигентов, сочувствующих народу, Карпов называет Блока, Вяч. Иванова, Мережковского, но и у них, по мнению крестьянского автора, не хватает духу заявить ясно и во всеуслышанье о «преступлениях» интеллигенции. Народнические искания этих писателей кажутся ему «не вполне искренними». Как же преодолеть разрыв между интеллигенцией и народом? Карпов предлагает выход, поражающий своей радикальностью и в то же время наивностью. Интеллигентам, по его мнению, следует расстаться с городской жизнью, уйти в деревню и заняться там крестьянским трудом. «Отчего бы им, — в толстовском духе рассуждал Карпов, — не пожертвовать благами духовной жизни, личным счастьем, почему бы им не покинуть «городскую культуру» и не пойти за плугом..?» Лишь там, в деревне, завершает свою мысль Карпов, — «интеллигенты переродятся и полюбят все близкое: родную землю, родной язык, родной народ»⁶¹.

Подобно Ключеву, Карпов подчеркивал, что говорит не от своего собственного имени, но от имени «народа». Свою книгу («Говор зорь») он называл «Голосом из народа» и склонен был совсем отказаться от авторства. «Говоря совершенно откровенно, я хотел даже издать книжку без подписи, просто как голос из народа, дабы не было обвинения в самозванстве и

рекламе», — писал Карпов Блоку 26 ноября 1910 г.⁶² Несмотря на свои скептические отзывы о Блоке, Иванове, Мережковском, П. Карпов настойчиво обращался к этим писателям, просил их «заступиться за народ»⁶³. Карпов был убежден, что его книгу замалчивают «благодаря инсинуации со стороны тех же „интеллигентов“»⁶⁴. В действительности книгу Карпова никто не замалчивал. Напротив, она, как указывалось, была воспринята с неподдельным интересом — ведь она затрагивала одну из наиболее жгучих в то время общественных проблем. Восторженно отозвался о брошюре Карпова Л. Н. Толстой, получивший ее в дар от автора. Книга понравилась Толстому «смелостью мысли и ее выражения»⁶⁵. (И не случайно: основными положениями своей книги Карпов был обязан прежде всего Толстому, которого он называл «дорогим учителем жизни»⁶⁶).

Обратил внимание на «Гвсвр зорь» и Андрей Белый, написавший в конце 1909 г. Карпову одобрительное письмо: автор «Серебряного голубя» и книги «Пепел» не мог отнестись к призывам Карпова иначе как с глубоким сочувствием. Свое письмо Белый пытался переслать адресату через Мережковских. Это явствует из письма З. Гиппиус к А. Белому, которая настаивала на том, что Карпова «не надо отталкивать, как не надо и захваливать даром, а надо с добротой помочь разобраться в собственных мыслях, где правда так сплетена с изверческой ложью»⁶⁷.

Резкий тон книги, дух нетерпимости, которым она была насквозь проникнута, неправомерные обобщения — все это, скорее, отталкивало от автора и его болезненно заостренной программы. Поэтому даже тянувшиеся к народу писатели символистского лагеря (видимо, за исключением Белого) восприняли ее в целом сдержанно. «Зачем «интеллигентам» братися за плуг?» — недоумевал Блок, которому суждения Карпова показались «крайними»⁶⁸. Еще более резко высказался по поводу «Страниц о народе...» В. Иванов, к которому Карпов обращался с просьбой выпустить сборник его стихотворений в символистском издательстве «Оры» (Иванов стоял во главе этого издательства). «Дурной, прямо скажу, прием, — писал В. Иванов, — говорить как бы не от своего лица, а не более, не менее, как от лица некоего множества, которое Вы называете „народом“, в противоположность другому мнимому коллективу „интеллигенции“, точнее же и определеннее — от лица крестьянства. Это самозванное, простите, представительство Ваше я отвергаю»⁶⁹.

«Антиинтеллигентская» программа Карпова имела много общего с теми взглядами, которые отстаивал молодой Ключев (в частности — в письмах к Блоку). Правда, основной пафос ключевских стихов и статей 1907—1911 гг. направлен был против реальных палачей и мучителей народа — против царских «затюремщиков»⁷⁰. К столь огульному и резкому осуждению «интеллигенции», какое отличает Карпова, Ключев почти не прибегал даже в более поздние годы, когда неприятие «города» и «городской» культуры усиливается в его творчестве. И тем не менее общность во взглядах Ключева и Карпова бросается в глаза уже на грани 900-х и 910-х годов. Не случайно, в дневнике Блока имена Карпова и Ключева несколько раз появляются рядом, несмотря на то, что к Карпову Блок относился не так, как к Ключеву: сдержанно, без симпатии (VII, 70). Особенно характерна запись, сделанная Блоком 23 декабря 1911 г. после визита к Мережковским. «Я читал письмо Ключева (имеется в виду письмо от ноября 1911 г.), все его бранили на чем свет стоит, тут был приплетен и П. Карпов» (VII, 105). Блок же, как отмечалось выше, был настроен иначе, чем Мережковские и Д. Filosoфoв, и, защищая Ключева, он тем самым, в некоторой мере, защищал и Карпова. «Его взволновал Пимен Карпов», — вспоминал о Блоке Городецкий⁷¹. Блок был, кроме того, одним из тех, кто выступил в печати с рецензией на роман П. Карпова «Пламень».

Этот появившийся в 1913 г. и сразу же запрещенный цензурой роман был посвящен главным образом сектам «пламенников» и «сатанилов», быт и ритуалы которых Карпов описал с красочными (и подчас душераздирающими) подробностями. «Все, что приведено в моей книге, — сообщал Карпов А. А. Измайлову, — имело место в жизни до мельчайших подробностей, — я только случайное старался возвести в необходимое, в реальном раскрыть символы и образами выразить свое мирозерцание — мирозерцание пламенников»⁷². Это мирозерцание выражалось у Карпова прежде всего как нераздельное единство стихийно революционных и религиозных настроений. Блок не сомневался в достоверности того, что было описано Карповым в его романе; считая его книгу слабой в художественном отношении, Блок видел в ней глубоко правдивое и важное свидетельство о народной жизни. «Плохая аллегория, суконый язык и... святая правда», — писал он о «Пламени» (V, 484). Особую роль в глазах Блока играло, бесспорно, то обстоятельство, что Карпов изобразил в своем романе

бунтующую сектантскую Россию и при этом сам принадлежал к сектантам (во всяком случае, заявляя об этом)⁷³. Подобно Ключеву, Карпов оказался для Блока выразителем тех самых слоев русского народа, с которыми, как говорилось, Блок связывал определенные надежды. В произведениях Карпова он резко отделял поэтому художественную сторону от документальной. Рецензируя в 1917 г. драму Карпова «Три чуда», Блок подчеркивал, что все написанное Карповым, представляет собой «не литературу, не беллетристику, не драматургию, не рассуждение, а человеческий документ» (V, 658). В этой же рецензии сказано: «Как бы ни называлось то, над чем мучается Карпов, и то, для чего он ищет словесное выражение, есть нечто важное, большое и беспокойное; в истории культуры русской и русской литературы это займет не маленькое место...» (V, 659). И тут же Блок поясняет, что именно он имеет в виду: «Исконная тема автора — „народ и интеллигенция“, она проходит сквозь все, что он писал» (V, 659).

Не поддерживая крайностей и догматической узости «антиинтеллигентской» программы Карпова, Блок, однако, понимал и сочувственно оценивал то «беспокойное» начало, которое крылось за ней. Сцены народного бунта, кровавого восстания, нарисованные Карповым в романе «Пламень», воспринимались Блоком как пророчество новой революции. Уже книга Карпова «Говор зорь» завершалась грозным предупреждением, обращенным к «интеллигенции»: «Он идет» (заглавие последней части). Явные намеки на грядущую расправу народа с «интеллигенцией» содержались и в некоторых письмах Карпова тех лет. Например, 17 февраля 1910 г. он писал Д. В. Философову: «Дорогой Дмитрий Владимирович, у Вас есть чувство народности. Вы не чужой для нас, крестьян. Верьте, что мы этого никогда не забудем, и в решительный час народ пощадит Вас»⁷⁴. Не удивительно, что и свою рецензию на роман Карпова «Пламень» Блок заканчивал словами о России, которая «выравшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть более страшной» (V, 486).

IV

Знакомство с Блоком имело важные последствия для литературной судьбы Ключева. Именно благодаря Блоку фамилия олонедкого поэта появляется на страницах журналов «Золотое руно» и «Бодрое слово». Блок, как видно из писем Ключева, посылал его стихи и в редакции других изданий (журнал «Лебедь», сборники «Чтец-декламатор»). Предлагая стихотворения Ключева для публикации, Блок в большинстве случаев собственноручно переписывал их и затем, отправляя копию, оставлял себе ключевский автограф. Не исключено, что Блок делал при этом незначительные исправления, стремился улучшить ключевский текст⁷⁵.

Помочь Ключеву войти в «большую русскую литературу» — таково было желание Блока, которое он в 1908—1909 гг. настойчиво старался осуществить. Он пропагандировал имя Ключева в столичных литературных салонах, защищал его от нападок со стороны Мережковских, Розанова и др., пытался привлечь своего олонедкого корреспондента к сотрудничеству в таких изданиях, как, например, «Русская мысль». Не без участия Блока завязываются отношения Ключева и С. М. Городецкого, который начиная с 1911 г. деятельно покровительствует олонедкому поэту. Однако решающее значение для литературной карьеры Ключева имело его начавшееся в 1910 г. — также благодаря Блоку — сближение с И. П. Брихничевым.

Священник, лишенный права священнослужения за пропаганду своих не-ортодоксальных, отчасти бунтарских идей, Брихничев в те годы считал своей основной задачей духовное просвещение русского народа. Брихничев примыкал к тем представителям российского духовенства, которые в той или иной мере были захвачены революционной волной и свои религиозные убеждения излагали в более доступной для крестьянства форме социальных требований. Они выступали против государственности и официального православия, против имущественного неравенства и духовного гнета, призывали к осуществлению древних христианских заветов, к установлению «царства божия» на земле. Некоторые из них — в знак протеста — сами слагали с себя духовный сан. В годы первой русской революции и после нее брожение внутри русского духовенства усиливается. Среди священников, игравших в те годы заметную роль на русской общественной сцене, следует в первую очередь назвать Г. С. Петрова (1868—1925), лишенного в 1908 г. сана за свои публицистические выступления⁷⁶. В одном из писем тех лет Г. С. Петров писал: «Меня года три мучает одна мысль:

о нашей интеллигентской большой молчаливой лжи. Почему мы все остаемся в церкви, числимся православными? <...> Полагаю, честнее положить конец этой лжи умалчивания. <...> Во многом мы расходимся с Толстым, но есть одно общее: наша отчужденность и от церкви, и от государственности. Вот и было бы большим общественным и культурным делом, если бы передовые люди России, не откладывая дела в долгий ящик, положили начало отделению от церкви. Я на днях посылаю в Синод официальное заявление о моем выделении из православной церкви»⁷⁷. Одновременно и сообщая с Г. С. Петровым выступал в русской печати и старообрядческий епископ Михаил (см. о нем п. 38, прим. 6). Деятельность Г. С. Петрова, епископа Михаила (в меньшей степени Брихничева) встречала поддержку и отклик прежде всего со стороны тех «интеллигентов», которые рассматривали революцию 1905 г. как своего рода «религиозный ренессанс» и пытались внедрить в русское общество идеи «христианского социализма». К ним, в частности, относились философ В. Ф. Эрн и писатель-публицист В. П. Свенцицкий, издавшие в 1906 г. известный сборник «Взыскующие града». Свенцицкий был связан с «Христианским братством борьбы» — первой в России христианской политической организацией, созданной в Москве в феврале 1905 г.⁷⁸. В 1906—1912 гг. Свенцицкий активно занимался литературной работой⁷⁹. Он писал о реформе церкви, обличал духовенство и «неверующую» интеллигенцию, призывал к выходу из религиозного уединения к общественной борьбе за возрождение Вселенской церкви. Один из критиков определил позднее «свенцицианство» как «смесь хлыстовщины и социализма»⁸⁰.

В 1905—1906 гг. Брихничев находился в Тифлисе, где одно время состоял священником в рабочем приходе (Брихничев был уроженцем Тифлиса и обучался в Тифлисской духовной семинарии). Выступая перед прихожанами, он говорил: «Мы, пастыри, не должны, не можем молчать, когда на наших глазах совершается вопиющее зло»⁸¹. Там же, в Тифлисе, Брихничев издавал в 1906 г. еженедельную «общественно-литературную» газету «Встань, спящий» (впоследствии издание продолжалось под названиями «Ходите в свете», «Встань и ходи», «Маяк», «Стойте в свободе», «Духа не уташайте» и др.). За редактирование еженедельника «Встань, спящий» и агитацию в войсках Брихничев был арестован и в июне 1906 г. помещен в Карскую крепость, затем судим и приговорен к одному году тюремного заключения. Наказание Брихничев отбывал в Тифлисском Метехском замке, где его товарищами по заключению, как рассказывает он в своей «Автобиографии», были Степан Шаумян, Алексей Джапаридзе и многие другие мученики за коммунизм⁸². По выходе из крепости, сообщает далее Брихничев, он был лишен сана и за выступление на предвыборном собрании в Государственную думу выслан в г. Егорьевск Рязанской губернии. В конце 1907 г. Брихничеву было разрешено проживание «всюду, кроме столиц и университетских городов». «Весь период времени с 1907 г. по 14 г., — подытоживает Брихничев, — был для меня временем сплошных скитаний и высылки из одного города в другой»⁸³.

В первой половине 1908 г. Брихничев активно сотрудничает в еженедельном религиозном журнале «Пойдем за ним», издававшемся в Ростове на Дону. После закрытия этого журнала (в июле 1908 г.) Брихничев переносит свою деятельность в Царицын на Волге. «Затеваю в г. Царицыне (Сар(атовской) губ(ернии)) журнал (народнический и народный) «Слушай, земля», № 1 которого выйдет 25 декабря, — просил бы, умолял бы Вас принять в нем участие...» — писал Брихничев В. Г. Короленко в конце 1908 г.⁸⁴ «Затеваем такой журнал, — сообщал Брихничев в том же письме, — потому, что у нашего Ивана Простого нет своего органа — все пишут для интеллигенции... А народ жаждет духовной пищи. Я редактировал во дни свободы, еще будучи священником, народный популярный журнал — «Встань, спящий», к(ото)рый расходился в огромном количестве. Надеюсь, что и теперь будет спрос, если такие писатели, как Вы, не откажете в поддержке...»⁸⁵.

С аналогичной просьбой Брихничев обращается и к другим литераторам, известным своей народологической позицией, в том числе — к Блоку. «Не найдете ли возможным принять участие в народном журнале „Слушай, земля“ и газете „Город и деревня“?» — спрашивает он Блока в начале февраля 1909 г. (письмо без даты, на листе рукой Блока помечено: «Получ(ил) 15/II—09»). «Цель изданий, — замечает Брихничев и в этом письме, — служение Ивану Простому»⁸⁶. Письмо Брихничева, насколько можно судить, чрезвычайно обострило блоковские размышления об «уходе» и служении народу. В день получения письма (15 февраля) Блок начинает стихотворение «В голодной и большой неволе» — о пробуждении угнетенного и обездоленного русского народа (III, 88). На другой день в его записной книжке появляется запись («в ночь 16—17 февраля»): «Поехать можно в Царицын на Волге — к Ионе

Брихничеву. В Олонецкую губернию — к Ключеву. С Пришвиным повалаидаться? К сектантам — в Россию» (ЗК, 131). Примечательно и в то же время вполне закономерно, что в один ряд с сектантами поставлены здесь имена Брихничева, Ключева и Пришвина.

17 февраля 1909 г. Блок ответил на письмо Брихничева. Он, видимо, принял приглашение Брихничева участвовать в обоих изданиях, а кроме того переслал ему три стихотворения Ключева («Под вечер», «Победителям» и «Завещание») ⁸⁷. Можно также предположить, что в этом (несохранившемся) письме Блок сообщил Брихничеву ряд сведений о своем олонечком корреспонденте и дал оценку его стихов. («Блок писал мне о нем <Ключеве> панегирики», — вспоминал позднее Брихничев ⁸⁸). Как прямое следствие блоковского письма следует рассматривать то обстоятельство, что в шестом (февральском) номере журнала «Слушай, земля» было сообщено о сотрудничестве Блока и Ключева (в предыдущих пяти номерах их имена в списке сотрудников не значились). Однако произведения их на страницах этого «еженедельного народного журнала» так и не появились: издание прекратилось на шестом номере. «Наш журнал „Слушай, земля“ на шестом № задушен администрацией. А мы сами высланы из пределов Саратовской губернии», — извещал Брихничев Блока спустя несколько месяцев (письмо не датировано; судя по содержанию — конец лета или осень 1909 г.) ⁸⁹.

Стихотворения Блока и Ключева не появились и в царцынской газете «Город и деревня», хотя уже в ее первом номере (16 июня 1909 г.) имена обоих поэтов были названы в списке сотрудников. Было упомянуто также о сотрудничестве Бунина, Горького, Мережковского и других известных писателей. В действительности же лицо газеты определяли в первую очередь Брихничев, епископ Михаил (главный инициатор издания), Г. С. Петров, В. Н. Свенцицкий и их ближайшие (немногочисленные) единомышленники, уже выступавшие на страницах журнала «Слушай, земля». Издание еженедельной газеты «Город и деревня» длилось всего лишь несколько недель — до 12 июля (вышло 23 номера).

В своем цитированном выше письме к Блоку (лето—осень 1909 г.) Брихничев писал о том, что «со второй половины октября решено издавать в *Питере* журнал „Пламень огненный“ (тоже народный и популярный — для Ивана Простого)», и просил Блока прислать «что-либо небольшое» для первого номера ⁹⁰. Однако издание «Пламени огненного» не состоялось, Брихничев вместе с семьей переезжает в Москву, где в течение первой половины 1910 г. ему удается организовать «Новую землю» — журнал, ставший вскоре главным печатным органом «голгофских христиан» (первый номер вышел 13 сентября 1910 г.).

Содержание «голгофского» учения, создателями и проповедниками которого были в первую очередь Брихничев, Свенцицкий и старообрядческий епископ Михаил, сводилось к двум-трем основным тезисам. Главный из них — тезис о «всеобщей ответственности» — Брихничев обосновывал в одной из своих статей следующим образом: «...единственная заповедь голгофского христианства — всеобщая ответственность за зло мира. Христос не искупил мира, а положил начало совместному с нами искуплению <...> Нужны нравственные усилия многих. И притом такие же, какие были у Христа на Голгофе — богочеловеческие» ⁹¹. Через самопожертвование («голгофу») к освобождению («воскрешению») всего и всех — в этом призыве «голгофских христиан» содержался, разумеется, не только религиозный, но и социальный смысл. «Огнем горящие, пламенеющие сердца человеческие, объединенные одним общим желанием воскрешения *Всего*, составляет из себя то Вселенское Пламя, в котором, как сказано, — старая земля и все старые дела сгорят» ⁹². О том же писал и Свенцицкий. «Идеи о новой земле, о земном Христе, об общественном христианстве, о царстве божием не только на „небеси“, но и на „земли“ — идеи Голгофского христианства...» — провозглашал он в одной из своих статей ⁹³.

М. Пришвин, посетивший осенью 1910 г. в Белоострове епископа Михаила, так передавал затем с его слов суть голгофского учения: «...Христос требует, чтобы каждый был, как он. Как он, принял Голгофу, взомел на нее. Почувствовал на своей совести зло мира как свое дело, свое преступление, свой позор и принял на себя долг сорвать с жизни ее проказу. Христово христианство — постоянная Голгофа. Великое распятие каждого. Принятие на себя, в свою совесть всего зла, в котором лежит мир, ответственность за все, что жизнь разлагает, пятнает проказой. <...> Церковное христианство думает, что Христос ушел от земли, чтобы строить на небе чертоги для праведных, что земля — только темная грязная дорога на небо, которую надо скорей пройти, чтобы прийти туда. Нет! Христос — бог живых, *на земле* хочет создать царство свое — для человечества, соединенного с ним. Для земли он умер, чтобы ее спасти, ее обновить, с нее хотел он снять древнее проклятие» ⁹⁴.

Таким образом, «новоземельцы» (т. е. идеологи и основные авторы «Новой земли») крайне далеки от христианской проповеди смирения и покорности; напротив, они постоянно призывают к активной самоотверженной борьбе против зла жизни. А евангельский Христос превращается у них (как и у французских «христианских социалистов» XIX в.) в бога-освободителя, защитника угнетенных и социального преобразователя. При этом, как подчеркивает В. Г. Базанов, специально изучавший данный вопрос, Христос у «новоземельцев» нередко приобретает черты русского мужика, становится *крестьянским* богом. «Мы с полным основанием можем рассматривать новоземельцев и их главного идеолога Иону Брихничева как запоздалых представителей утопического крестьянского социализма, обращенного в прошлое, к „первобытному христианству“»⁹⁵.

Своим проповедям о «новой земле» и «новом небе» «голгофские христиане» придавали в 1910—1912 гг. непомерное значение. К сотрудничеству в журнале «Новая земля» Брихничев стремился привлечь виднейших русских писателей того времени (Горького, Короленко и др.). «Дорогой Александр Александрович, — писал Брихничев Блоку 17 декабря 1910 г., — хотелось бы, чтобы Вы работали с нами рука об руку, хоть изредка давая стихи и статейки»⁹⁶. Брихничев пытался убедить Блока (как и других своих корреспондентов) в том, что идеи «голгофского христианства» стремительно распространяются в русском обществе, прежде всего, разумеется, — в народной среде. «Недавно ездил по Волге проверить на народе учение голгофских христиан — результат поразительный, — рассказывал Брихничев Блоку летом 1912 г.»⁹⁷

«Новая земля» («Еженедельная общественная, литературная и политическая газета») издавалась (с перерывами) менее двух лет: до мая 1912 г. Основными сотрудниками журнала оставались Брихничев, епископ Михаил, В. Свенцицкий. Изредка печатались произведения Брюсова, Бунина, Мережковского. В первом номере журнала было помещено стихотворение Блока «Фабрика». В последнем номере журнала за 1910 г. (№ 15) Блок напечатал одно из переведенных им стихотворений Гейне («Три светлых царя из восточной страны»). В 1911 г. Блок в «Новой земле» не печатается ни разу, в 1912 г. — три раза (стихотворения «Верю в Солнце Завета» и «Самоотречение» («Между страданиями земными») в № 1-2, «Смотри приветно и легко» и «Дух и плоть» в № 3-4, и «Неведомому Богу» в № 5-6). Участие Блока в «Новой земле» было, как видно, весьма скромным⁹⁸. Зато одним из ведущих авторов журнала, его постоянным и деятельным сотрудником становится Клюев.

Первым произведением Клюева, напечатанным в «Новой земле», было стихотворение «Под вечер» — одно из стихотворений, отправленных Блоком в Царицын 17 февраля 1909 г. Оно было напечатано в 13-м номере журнала, который вышел в свет в первой половине декабря 1910 г. Спустя несколько дней, 17 декабря, Брихничев спрашивает Блока: «Нельзя ли получить стихотворения Н. Клюева и вообще молодых авторов. Вы как-то мне писали, что у Вас попадают такие вещицы»⁹⁹. Ответное письмо Блока к Брихничеву не сохранилось; можно, однако, предположить, что именно в нем содержались строки, позднее приведенные Брихничевым в одной из его статей: «Обрадуете его, т. е. Клюева, если пошлете ему «Новую землю». Он жаден до чтения и, конечно, особенно до чтения о «жизни», а книг ему доставать неоткуда»¹⁰⁰ (о «жизни», т. е. о важнейших проблемах духовной жизни, прежде всего религиозных¹⁰¹). Брихничев, по всей вероятности, последовал совету Блока и написал Клюеву, который, в свою очередь, ответил ему и прислал несколько своих стихотворений, среди них — «Жнецы» и «В золотоканье дни сентября», помещенные в № 1 и 2 «Новой земли» в январе 1911 г. (В архиве Блока этих стихотворений не обнаружено; видимо, вступив в переписку с Брихничевым, Клюев перестал посылать Блоку свои произведения).

В третьем (январском) номере «Новой земли», где напечатано объявление о продолжающейся подписке на этот журнал, Клюев назван среди авторов, которые «обещали сотрудничество» (с. 24). Такое же объявление было перепечатано и в № 6. Начиная с № 8 за 1911 г. (февраль) участие Клюева в «Новой земле» становится систематическим. В следующем, 9-м (февральском), номере «Новой земли» в списке сотрудников журнала названы и Блок, и Клюев. Стихотворения Клюева (а иногда и проза: «Пленники города», «Притча об источнике и о глупом мудреце») появляются теперь в каждом номере. В 1911—1912 гг. Клюев опубликовал в «Новой земле» значительную часть своих стихотворений, составивших впоследствии сборники «Сосен перезвон» и «Братские песни».

Знакомство и сближение с Брихничевым и его кругом означало перелом в литературной судьбе Клюева. Видя в нем «своего» и упорно выдвигая его на роль пророка «голгофского»

мировоззрения, Брихничев пишет о Клюеве статьи, рекламирует его в анонсах и объявлениях «Новой земли». Летом 1911 г., находясь в Москве, Клюев при поддержке Брихничева завязывает знакомство с Брюсовым, который пишет затем предисловие к сборнику «Сосен перезвон». Эта первая книга Клюева была напечатана в ноябре 1911 г. в московском издательстве В. И. Знаменского также благодаря усилиям Брихничева¹⁰². Как поэт «голгофского христианства» выступает Клюев и в следующей своей книге «Братские песни», появившейся в мае 1912 г. (Книга была выпущена дважды: в сокращенном виде, с подзаголовком «Песни голгофских христиан» — в дешевой серии «Библиотека „Новая земля“», издававшейся одноименным журналом, и в полном виде — в только что созданном издательстве «Новая земля», со вступительной статьей В. Свенцицкого). С этих книг и начинается литературная известность Клюева.

Общение Клюева с «новоземельцами» протекает начиная с 1911 г. непосредственно, уже минуя Блока. Тем не менее важно подчеркнуть, что именно Блок был посредником в знакомстве Клюева с Брихничевым, которое — в итоге — помогло олонечному поэту обрести литературную известность. В письме к Блоку, написанном летом 1912 г., Брихничев с полным основанием замечает: «...Вам обязаны все мы его (т. е. Клюева) появлением»¹⁰³.

Период тесного сотрудничества Клюева с «Новой землей» охватывает два года: 1911—1912. Не приходится сомневаться в том, что Клюев искренне и с большой охотой печатался в органе «голгофских христиан»; многое в их учении было ему и близко, и дорого. Не случайно тема казни, «голгофы» появляется в его собственном творчестве еще до знакомства с Брихничевым и «Новой землей» (стихотворения «Под вечер», «Завещание» и др., написанные скорее всего под влиянием некоторых стихотворений Блока)¹⁰⁴. В то же время поэзия Клюева в целом была свободна от той сектантской узости, которой отличались писания Брихничева, Свенцицкого и других. Роль «поэта голгофского христианства», на которую они упорно его выдвигали, смущала и тяготила Клюева. Примечательно в этом плане письмо Клюева к Блоку, написанное в конце февраля — начале марта 1912 г. (№ 38). С сомнением цитируя Брихничева, считавшего, что стихотворения Клюева — «отклик Елеонских песнопений», олонечкий поэт спрашивает у Блока о том, что его больше всего волнует, — о художественной стороне «братских песен». Становится ясно, что Клюев-художник с известным недоверием относился к своим покровителям из «Новой земли» и воспринимал их несколько иначе, чем Клюев-сектант, «голгофский христианин». И, бесспорно, Клюев имел все основания для сомнений такого рода. Брихничев, как и другие «новоземельцы», не понимал и недооценивал художнические искания Клюева, которые вели его в то время к народному творчеству, к фольклору; он хотел видеть в нем только «проповедника» и требовал от его поэзии, чтобы она полностью превратилась в «песни голгофских христиан». Это обстоятельство отталкивало от «Новой земли» и Блока. 26 августа 1912 г. он писал Брихничеву: «Вы же (т. е. вся «Новая земля»), по-моему, пренебрегаете формой, как бы надеясь, что души людей, принявших Ваше содержание, сами станут формами, его хранящими». Блок пытался объяснить Брихничеву, что его собственный путь — это путь художника и что «голоса проповедника» у него нет (VIII, 401—402). Свойственная Брихничеву ограниченность во взгляде на поэзию и была причиной конфликта между ним и Клеуевым, вспыхнувшего в конце 1912 г.

В 1911—1912 гг. Брихничев был глубоко увлечен Клеуевым и превозносил его как «пророка новейшего времени»¹⁰⁵. «После Христа я никого так не любил, как Клеуева», — признавался Брихничев Брюсову в одном из своих писем к нему (письмо не датировано; штемпель — 29 декабря 1912 г.)¹⁰⁶. Он чрезвычайно переоценивал также значение клеуевской поэзии, ее распространение в народе и воздействие на читателей. «Из своей поездки по Волге я вынес впечатление, что песни Клеуева имеют громадное религиозное значение», — писал Брихничев Блоку в июле-августе 1912 г.¹⁰⁷ По замыслу Брихничева, Клеуев должен был стать главным сотрудником «Нового вина» — журнала, сменившего в декабре 1912 г. «Новую землю». На обложке первого номера был помещен портрет Клеуева, а в самом номере публиковалось его стихотворение «Святая бль» («Солетали ко мне други-воины») с посвящением И. Брихничеву. В том же номере было напечатано и одно стихотворение Блока («В посланьях к земным владыкам»). Кроме того, на обложке «Нового вина» значилось, что в нем «сотрудничают Александр Блок, Валерий Брюсов, Сергей Городецкий, Николай Клеуев». Однако уже во втором номере журнала (январь 1913 г.) имя Клеуева отсутствует, если не считать статьи Брихничева «Богоносец ли народ? (Из бесед с Николаем Клеуевым)». (На обложке второго номера был помещен портрет Блока, а в самом журнале напечатана статья Л. Столицы о нем,

озаглавленная «Христианнейший поэт XX века»). В третьем — и последнем — номере «Нового вина» Клюев вообще не упоминается. Нет его и среди 24 сотрудников журнала, перечисленных на обложке второго и третьего номеров.

Разрыв между «братьями» произошел после того, как Брихничев публично заявил о том, что Клюев —...плагиатор. В письме к Брюсову от 29 декабря 1912 г. Брихничев утверждал, что Клюев позволяет себе *«красть чужое»* и подписываться под ним как под своим¹⁰⁸. Обращаясь к Брюсову и Городецкому, Брихничев требовал третейского суда над Клевым. Кроме того, он послал им свою статью «Новый Хлестаков. Правда о Николае Клеве», которая, по мысли автора, должна была разоблачить плагиатора. «Боюсь, что многие из них, если не все,— писал в ней Брихничев о стихотворениях Клева,— являются произведениями не самого Клева, а какого-нибудь оставшегося неизвестным поэта из народа, стихами которого господин Клев воспользовался, как обыкновенно пользуются чужой вещью — и выдал за свои»¹⁰⁹. Свои обвинения против Клева Брихничев мотивировал тем, что и он сам, и другие люди уже раньше слышали, как в народе поются песни, которые Клев печатает за своей подписью. «В 1909 году — в августе месяце — в станице Слепцовской — на Кавказе — я слышал гимн — «Он придет, Он придет и содрогнутся горы». *Буквально* то же, что помещено в «Братских песнях». Гимн этот пели сектанты «Новый Израиль». Он произвел на меня тогда потрясающее впечатление. Хотел записать его, но мне не позволили»¹¹⁰. Брихничев утверждал также, что в Клеве есть «что-то очень темное», обвинял его, помимо плагиата, в алчности, корыстолюбии, вымогательстве и других пороках.

Статья Брихничева «Новый Хлестаков» не произвела эффекта, которого желал и добивался автор. В отличие от Брихничева, Брюсов и Городецкий хорошо понимали, что Клев не заимствует, а использует народные песни, обрабатывает и приспосабливает их к своим собственным художественным целям. Статья Брихничева была, по всей видимости, известна и Блоку (от С. Городецкого). Дальнейшее развитие его отношений с Клевым говорит, однако, о том, что Блок не придавал ей ни малейшего значения.

Вскоре после закрытия «Нового вина» Брихничев перебирается в Одессу, где пытается организовать издание сборников «Вселенское дело». В письме к Блоку из Одессы, написанном 18 мая 1913 г., Брихничев просит поэта «дать хотя бы небольшую статейку на тему о миссии человечества...»¹¹¹ На это письмо Брихничева Блок скорее всего не ответил (как не отвечал уже на ряд его предыдущих писем)¹¹². Его переписка с Брихничевым на этом прерывается. Что касается Клева, то его отношения с Брихничевым впоследствии восстанавливаются¹¹³, хотя под единым знаменем они больше уже никогда не выступали.

V

Как сложились отношения Блока и Клева накануне Октябрьской революции и после нее? Осени 1915 г. и до середины 1917 г. Клев редко появляется в родной Олони: он живет преимущественно в Петрограде, участвует в организации «крестьянских» вечеров. Его имя часто появляется теперь на страницах столичных изданий. Конец 1915 — начало 1916 г. — апогей его дружбы с Есениным, который находился тогда под огромным влиянием своего «старшего брата». Именно теперь, в 1915—1916 гг., «новокрестьянское» направление в русской литературе складывается окончательно. В Петрограде возникают группы «Краса» и «Страда», в которых поэты-крестьяне (прежде всего Есенин и Клев) объединяются с «городскими» поэтами (Городецкий, Ремизов и др.). Обе группы существовали недолго: сменявшая «Красу» «Страда» распалась весной 1916 г.

21 октября 1915 г. Клев и Есенин вместе навещают Блока, проводят у него несколько часов (ЗК, 269). В записи от 25 октября 1915 г. упомянут вечер «Красы» в Тенишевском училище, на котором выступали Клев, Есенин, Городецкий, Ремизов (ЗК, 271). На этом вечере присутствовал и Блок.

В начале февраля 1916 г. в Петрограде в издательстве М. В. Аверьянова был выпущен четвертый сборник стихотворений Клева — «Мирские думы». На экземпляре книги, подаренной Блоку, Клев написал: «Сладчайшему Брату Александру Блоку автор». Далее следовали излюбленные изречения Клева, заимствованные им из разных источников:

Думушка Мирская
Пресвятая —

Ена дыхом воздохнула
Сына Божьего тронула.

Из песен каргопольских бегунов

Мирская каша гуще.

Народная пословица

Миром ищите ключи от Царства

От словес старца Стефана Поддубного

Мирских умильных думушек

В долгий летний день не высказать,

В ночь осеннюю не выслушать!

Из северных причитов

Головой лягать — мух гонять.

Миром думать — смерть попрасть.

Из бесед со старцем Григорием Распутиным¹¹⁴.

Аналогичным образом Ключев надписал тогда несколько экземпляров «Мирских дум» (один из них был подарен Б. А. Садовскому)¹¹⁵. Книга была получена Блоком 8 февраля 1916 г., о чем свидетельствует собственноручно сделанная им помета на титульном листе.

Февральскую и затем Октябрьскую революции Ключев, как и другие новокрестьянские писатели, встретил восторженно¹¹⁶. Он приветствовал освобождение народа в своих стихах; одним из первых обратился он к образу В. И. Ленина. Глубоко ощущая мировое значение событий 1917 г., поэты стремились передать тогда в своих стихах всю масштабность, космический размах происходящего.

Мы, рать солнценосцев на пупе земном
Воздвигнем столбашенный пламенный дом;
Китай и Европа, и Север, и Юг
Сойдутся в чертог хоромовою подруг,—

писал Ключев в программной «Песне солнценосца»¹¹⁷.

Тем не менее восприятие революции было у Ключева и других поэтов его круга специфическим. Они увидели ее глазами бунтарей и свободолюбцев, всегда ожидавших Свободу, даже боровшихся за нее, однако вкладывавших в это слово прежде всего религиозно-нравственный смысл. Ключеву, Есенину и другим казалось, что они переживают религиозное обновление, являются очевидцами того, как зарождается новая религия. «Пришествие», «преображение», «воскресение» — в этих и подобных словах выражалось их отношение к переломному моменту русской истории.

Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть все небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чаши!—

писал Ключев в декабре 1917 г.¹¹⁸ Одна из наиболее «революционных» поэм Орешина той поры называлась «Я, Господи».

Революция была для новокрестьянских поэтов явлением нового бога, который отличался у них непомерным буйством, разгульной мощью, стихийной силой. Не удивительно, что в их стихах того времени постоянно появляются образы Разина, Пугачева, Буслаева и других бунтарей. «С кистенем ходит красный Господи», — писал Орешин¹¹⁹. «Радостные звуки вечных колоколов» услышал в русской революции А. Ширяевец¹²⁰. В поэме «Отчарь» Есенин, воспевая «буйственную Русь», славил «красное лето», в котором ему, как и Ширяевцу, слышался «волховский звон и Буслаев разгул»¹²¹. «Я, — писал Ключев Городецкому в 1920 г., — радуюсь, что сбылось наше — разинское, самосожженческое, от великого Выгова до тысячелетних индийских храмов гремящее»¹²². Будущее России Ключев неизменно рисовал в те годы как сказочное «мужицкое царство», как патриархальный «киноварный рай» и даже образ Ленина (в стихах, посвященных вождю) пытался наделить «мужицкими» и старообрядческими чертами.

Как «святой бунт» воспринял революцию и Блок, что нашло наиболее полное выражение в его поэме «Двенадцать». «Сжигающий», раскольничий Христос вновь появляется в финале поэмы как Христос, ведущий красногвардейцев¹²³. Христос в «Двенадцати» — скорее, сим-

вол, осеняющий народное восстание, нежели реальный персонаж. А двенадцать человек, изображенные Блоком, это в равной мере и бунтари («разбойники» народных легенд), и святые, апостолы. Попытавшийся еще в 1905 г. соединить революцию и Христа, слить воедино мятеж и святость, Блок осуществляет свой замысел в январе 1918 г. Поэма «Двенадцать» — итог многолетней внутренней работы Блока; говоря об этом произведении, невозможно не вспомнить о «сжигающем», раскольничьем Христе, черты которого проступили в творчестве Блока уже десятилетием раньше и были, вероятно, навеяны образом самого Ключева и общением с ним. «Он, — писал о Блоке Городецкий, — до Октября уловил его лозунги, правда, в их внешней, стихийно-бунтарской форме, но все же уловил и дал им оправдание, опять-таки, как и Ключев, в старой церковной идее Христа»¹²⁴. Характерно, что еще за день до начала работы над поэмой «Двенадцать» Блок набрасывает в дневнике план другой песни — об Иисусе Христе (VII, 316—317). Насколько можно судить по этим обрывочным записям, Блок и здесь попытался увидеть Иисуса и его учеников народными глазами и потому усилил в них бунтарские, «разбойные» черты. За несколько дней до окончания работы над «Двенадцатью» в записной книжке Блока появляются слова: «А свое бы писать (Иисус)» (ЗК, 386). Поэма «Двенадцать» была завершена 28 января 1918 г. А 29—30 января Блок пишет стихотворение «Скифы», где тема революционной России вновь получает религиозно-нравственное звучание («Товарищи! Мы станем — братья!»).

В аналогичном духе разрабатывал тему революции Андрей Белый (поэма «Христос воскрес», 1918), Есенин (поэма «Товарищ», явно переключаясь с финалом «Двенадцати») и, наконец, сам Ключев. В своих стихах тех лет он постоянно сближает русский народ с Христом и революцию с Богородицею (см. стихотворения 1918 г. «Февраль», «Товарищ и др.». Общее для всех этих писателей восприятие революции позволило им в 1917—1918 гг. соорганизоваться и выступить под единым знаменем. Объединяющим центром оказался на недолгое время альманах «Скифы», вдохновителем и организатором которого был Р. В. Иванов-Разумник, близко стоявший в то время к Есенину и Ключеву, с одной стороны, к Белому и Блоку — с другой. Он же был инициатором Вольной философской академии («Вольфилы»), открывшейся в начале 1919 г. (Блок поначалу принимал в делах «Вольфилы» активное участие). «Мы стремимся не дать угаснуть в нашем поколении искре вечной революции, той последней духовной Революции, в которой единый путь к чаемому Преображению», — говорил Иванов-Разумник¹²⁵. Слова эти отражают (расплывчатую в целом) программу «Скифов» и «Вольфилы».

В «Скифах» происходит сближение Белого и Блока с Есениным и Ключевым. («Тесный кружок родных по духу людей», — как именовали себя «скифы» в предисловии к первому выпуску)¹²⁶. Белый опубликовал в сборниках «Скифы» ряд стихотворений (в том числе — знаменитое «Родине»), роман «Котик Летаев», статью «Жезл Аарона (о слове в поэзии)». Во втором сборнике была помещена также хвалебная статья Белого о «Песне Солнца», напечатанной в том же номере. Помимо «Песни Солнца», Ключев опубликовал в «Скифах» два стихотворных цикла («Земля и железо» и «Избанные песни»). Есенин был представлен в «Скифах» главным образом своими поэмами («Марфа Посадница», «Товарищ», «Отчарь» и др.). Кроме того, в обоих выпусках «Скифов» содержались статьи Иванова-Разумника: «Испытание огнем», «Поэты и революция», «Две России». В последней из них он называл Есенина и Ключева «глубиннейшими народными поэтами» и упоминал об их переключке с Блоком¹²⁷. Видимо, так же думал тогда и Блок, который в беседе с поэтом А. Д. Сумароковым (январь 1918 г.) назвал Ключева «единственным истинно народным поэтом»¹²⁸.

Сам Блок в «Скифах» не печатался ни разу, хотя поддерживал в то время тесные отношения с Ивановым-Разумником и другими участниками этого альманаха. «Только случайным отсутствием Александра Александровича в Петербурге и спешностью печатания сборника объяснялось отсутствие имени Блока в „Скифах“, — вспоминал в 1921 г. Иванов-Разумник. Он утверждал также, что Блок дал согласие на участие в третьем сборнике «Скифов», который должен был открываться стихотворением «Скифы» и поэмой «Двенадцать»¹²⁹. Третий сборник «Скифов» не вышел, а оба названных произведения Блока были напечатаны в 1918 г. в левозеро-вской газете «Знамя труда», где Блок сотрудничал тогда вместе с Ивановым-Разумником, Есениным и Ключевым. В той же газете была помещена и статья Блока «Интеллигенция и революция»¹³⁰.

С особым вниманием относился в 1918 г. Блок к тому, что думал и писал тогда Ключев. Об этом свидетельствуют следующие факты. На книге «Стихи о России», подаренной им своей

матери, А. А. Кублицкой, в мае 1915 г.¹³¹, Блок 3 августа 1918 г. делает дополнительную надпись: он цитирует по памяти первую и пятую строфы известного клюевского стихотворения о Ленине («Есть в Ленине керженский дух»). К слову «истока» (строка в записи Блока: «Как будто истока разлух») он делает сноску: «Надо понимать не «источника», а «исхода»», а к слову «старый» (строка в записи Блока: «Там старый колодовый гроб») — еще одну сноску: «Мож(ет) быть, другие слова, но тоже не-особенно удачные»¹³². Ясно, что внимание Блока привлекли к себе опять-таки не столько литературные достоинства этого стихотворения, сколько его рожденная революцией тема и тот своеобразный «раскльничий» облик Ленина, который был создан Ключевым.

Тогда же, в 1918 г., подготавливая к печати сборник своих статей «Россия и интеллигенция», Блок включил в него статью «Литературные итоги 1907 года» (новое название — «„Религиозные искания“ и народ»). Он значительно сократил ее и видоизменил, однако сохранил отрывок, в котором цитировалось письмо Ключева. В этот сборник вошла также статья «Стихия и культура», где приводились выдержки из клюевского письма «С родного берега». (Кроме того, здесь была перепечатана рецензия Блока на роман П. Карпова «Пламень»).

Сближение Блока и Белого с новокрестянскими поэтами было отмечено современной критикой. Один из авторов, С. Гордон, писал о группе, названной им «левыми народниками», следующее: «К этой группе примкнули «коренные» интеллигенты — А. Блок, А. Белый и интеллигенты из недр народных — Ключев, Есенин и другие. Они принимают революцию до конца (...) Революция для них Голгофа: сквозь муки страдания они провидят светлый образ Спасителя. Революцию они переживают мистически, воплощая в ней свои религиозные чаяния. Творения их — сплошной апофеоз христианской веры в искушение через боль и кровь, за которым грядет Христос (...) Апофеоз жертвенности в идеологии левого народничества достигает своего апогея»¹³³.

В начале августа 1918 г. Ключев вновь появляется в Петрограде. Одна из главных причин его приезда — устройство своих издательских дел. С середины 1916 г. Ключев вел длительные переговоры с издателем М. В. Аверьяновым относительно «Песнослава» — двухтомника своих избранных сочинений, который должен был выйти в свет весной 1918 г. «Пришлю Вам „Песнослов“ в окончательном виде и буду ждать издания в радости, с уверенностью во внешности его, соответствующей содержанию», — писал Ключев Аверьянову 3 октября 1917 г.¹³⁴

Однако издание «Песнослава» у Аверьянова уже не могло состояться. Приехав в Петроград, Ключев начинает искать другие издательские возможности. И здесь помощь ему вновь оказывает Блок. Работавший с марта 1918 г. в Театральном отделе Наркомпроса, Блок, видимо, рекомендовал Литературно-издательскому отделу издать стихотворения Ключева. 16 августа 1918 г. Ключев разрывает свой контракт с Аверьяновым. «Имея заявление от Комиссариата Народного Просвещения об издании им моих сочинений в целях широкого распространения в народе, ставлю Вас в известность, дорогой Михаил Васильевич, что договор Ваш со мной, как совершенный вопреки закону и не выполненный Вами по пункту, предусматривающему срок выхода издания, считается отныне *недействительным*. Полученные от Вас деньги сим обязуюсь выплатить. Николай К л ю е в. Офицерская 57, кв. 21, А. А. Блоку для Н. К.»¹³⁵

Адрес Блока в этом письме к Аверьянову Ключев указал не случайно. В летние-осенние месяцы 1918 г. он часто встречается с Блоком, обсуждает с ним свои издательские дела. «Вечером пришел Ключев и ночевал», — записывает Блок 10 августа (ЗК, 420). «Телефон от Ключева (мямлит о своих стихах)» — запись от 4 октября (ЗК, 430). «Встреча с Ключевым» — запись от 14 октября (ЗК, 431).

Тогда же (т. е. в августе 1918 г.) Блок связывает Ключева с В. В. Пашуканисом, руководителем издательства «Земля», где в то время готовились к переизданию тома стихотворений Блока (см. VIII, 516 и 622). Видимо, разговор о возможности издания «Песнослава» в «Земле» состоялся у Блока с Ключевым 10—11 августа. 12 августа Блок записывает: «Утром пришел Р. В. Иванов, с которым мы вместе были в «Земле» и устроили Ключева» (ЗК, 420), 14 августа Блок отдает Ключеву свои экземпляры книг «Братские песни» и «Мирские думы», оставив себе лишь титульные листы с надписями Ключева и сделав на каждом из них помету: «Отдал Ключеву 14.VIII. 1918 для типографии (печатается) в «Земле»»¹³⁶.

Следует заметить, что отношение Блока к поэзии Ключева, прежде весьма сочувственное, в эти годы меняется. В 1917—1918 гг. Ключев не был уже тем робким начинающим поэтом,

который некогда посылал Блоку свои стихотворения. Его поэтический голос приобрел силу, выразительность, самобытность. Давно преодолев влияние символизма, Клюев совершенствовал теперь собственную манеру — густую, сочную, подчас тяжеловесную. Он стремился вдохнуть в свои стихи ощущение земли и плоти, придавал им чувственный характер; в них прорывается иногда эротика хлыстовского типа. Созданный Клеуевым образ России (в стихотворениях, составивших второй том «Песнослава») был ярко орнаментирован, расцвечен «избяной» и церковной символикой, предельно метафоричен и во многом однообразен. Суть стихотворения подчас исчезала благодаря усложненности и обилию образов. Это «материальное» начало поэзии Клеуева, характерное для нее во второй половине 1910 г., ее «телесность» и перегруженность деталями отдаляли от новокрестьянского поэта некоторых из его недавних сторонников. В разговоре с Блоком в январе 1918 г. Есенин называл Клеуева «изографом», а в «Ключах Марии» утверждал, что «сердце его (т. е. Клеуева) не разгадало тайны наполняющих его образов»¹³⁷. Блок также не одобрял этой «пестрядиной» поэзии, в которой господствовал «дух земли». Даже в начале 1918 г. (т. е. в период нового и весьма интенсивного сближения поэтов) Блок в разговоре с А. Д. Сумароковым заявляет, что, по его мнению, книга «Сосен перезвон» — лучшее, что дал Клеуев¹³⁸. Блок принимал, таким образом, лишь раннюю поэзию Клеуева, отмеченную влиянием русских символистов и весьма созвучную его собственным стихам. Своеобразный «русский» стиль, который культивировал Клеуев, как видно, не отвечал вкусу Блока. В июле 1919 г. в рецензии на рукопись стихотворений Д. Н. Семеновского Блок подчеркивал: «В родовом, русском — Семеновский роднится иногда с Клеуевым, не подражая ему, но черпая из одной с ним стихии; это как раз то, что мне чуждо в обоих, что приходится признать, с чем нельзя не считаться, но с чем, по-моему, жить невозможно: тяжелый русский дух, нечем дышать и нельзя лететь» (VI, 342). Аналогичным образом воспринимал тогда Клеуева и Андрей Белый. По свидетельству Р. В. Иванова-Разумника, Белый восторгался его стихотворной техникой, но, с другой стороны, «боялся того духа, который сквозит за «жемчугами Востока» стихов Клеуева»¹³⁹. Особенно чужд Блоку и Белому тот новый «усладный» Христос, образ которого явственно вырисовывается в стихах Клеуева после 1917 г. «Это подлинно «плотной» Христос, хлыстовский Христос», — констатировал Иванов-Разумник¹⁴⁰.

Обе книги «Песнослава» были изданы в 1919 г. в Петрограде. Клеуев к этому времени вновь возвратился в Вытегру, куда он окончательно переселился еще весной 1918 г. (после смерти отца). В Вытегре Клеуев живет приблизительно до середины 1923 г., изредка выезжая в Петроград и Москву. Он принимает активное участие в общественной и культурной жизни этого уездного города, систематически выступает в местной печати со своими стихами и статьями. Его переписка со знакомыми затухает в годы гражданской войны или прекращается полностью.

Ослабевают после 1918 г. и его связи с Блоком. Ни одной из книг Клеуева, изданных в 1919—1920 гг., в библиотеке Блока не обнаружено («Песнослов», «Медный кит», «Песнь солнцепоса», «Избяные песни») ¹⁴¹. Отсутствует имя Клеуева и в записных книжках Блока за эти годы (единственное исключение — запись от 24 октября 1920 г.).

Тем не менее встречи между поэтами, скорее, случайные, происходили и после 1918 г. В начале 1919 г. Клеуев некоторое время находился в Петрограде¹⁴². «Николай Клеуев по слухам в Петербурге, но след его простыл. Я думаю, что он получит, если Вы напишете ему в Смольный», — советует Блок П. Н. Зайцеву в феврале 1919 г. (см. наст. кн., с. 559). 20 февраля 1919 г. в Петроградском литературно-артистическом клубе «Привал комедиантов» состоялся вечер поэтов, где среди других выступал и Блок (ЗК, 450). Клеуев также был объявлен в числе участников вечера¹⁴³, но его выступление не состоялось¹⁴⁴. Совместное чтение намечалось и в петроградском театре «Гротеск», где вечером 24 марта 1919 г. должны были выступить, согласно афише, сохранившейся в архиве Д. М. Цензора, Блок, Гумилев, Замятин, Г. Иванов, Клеуев, Кривич и другие писатели¹⁴⁵. Участие Блока в этом вечере, устроенном петроградским «Союзом деятелей художественной литературы», подтверждается пометой в его записной книжке: «Вечером читал в „Гротеске“...» (ЗК, 453). Однако Клеуев отсутствовал и на этот раз¹⁴⁶. С уверенностью можно сказать, что лишь осенью 1920 г., находясь в Петрограде, Клеуев вновь встречается с Блоком. Свидетельство этому — дарственная надпись Блока на книге «Седое утро»: «Николаю Клеуеву через пространства и времена великие. А. Б. Х. 1920»¹⁴⁷. Это была, по всей вероятности, последняя встреча поэтов.

Об откликах Клюева на смерть Блока ничего не известно. В августе 1921 г. Клюева в Петрограде не было, и ему не пришлось проводить Блока в последний путь. Спустя несколько месяцев, в ноябре 1921 г., в «Летописи Дома литераторов» (№ 2, с. 8) появилось объявление о том, что № 5-7 журнала «Записки мечтателей» «будет весь посвящен Александру Блоку». Среди авторов, чьи воспоминания предполагалось напечатать в этом номере, упомянут и Клюев. Однако месяцем позже в той же «Летописи» это объявление печатается в иной редакции: имена Клюева, Иванова-Разумника, В. В. Гиппиуса и других авторов, названных в № 2, здесь отсутствуют¹⁴⁸. В посвященном Блоку 6-м (последнем) номере «Записок мечтателей» за 1922 г. воспоминаний Клюева не появилось.

7 августа 1922 г. в Доме литераторов состоялся вечер, посвященный памяти Блока. В ознаменование этой же годовщины «Вольфила» устроила несколько открытых заседаний; в них предполагалось и участие Клюева. «В Петроград приехал поэт Николай Клюев, который будет читать свои воспоминания об Ал. Блоке на одном из ближайших заседаний Вольфилы», — сообщала в конце августа 1922 г. газета «Жизнь искусства»¹⁴⁹. В одной из зарубежных хроник упоминалось о том, что на заседаниях Вольфилы, посвященных Блоку, «прочитаны главы из биографии поэта, написанные М. А. Бекетовой, воспоминания о поэте Е. П. Иванова, Н. А. Клюева, Иванова-Разумника, В. А. Княжнина, отрывки из дневника А. Белого и т. д.»¹⁵⁰. Клюев действительно выступал в Вольфиле в конце августа — начале сентября 1922 г.; он читал там свою новую поэму «Мать-Суббота»¹⁵¹. Но рассказывал ли он тогда о своем знакомстве с Блоком и, если рассказывал, то что именно — вопрос этот остается открытым. Ничего неизвестно и о судьбе его «воспоминаний».

Клюев навсегда сохранил о Блоке благодарную память. «Он говорил мне о нем с большой теплотой, проникновенно», — вспоминает В. А. Мануйлов¹⁵², встречавшийся с поэтом в Ленинграде во второй половине 20-х годов. В этот период Клюев поддерживает отношения с близкими поэту людьми (Е. П. Иванов, Р. В. Иванов-Разумник), дружит с П. Н. Медведевым, исследователем и публикатором поэтического наследия Блока¹⁵³. Клюев хорошо помнил отдельные блоковские строки и фразы и подчас цитировал их. «Так разворачивается жизнь, так страдально тропкою проходит душа», — пишет он, например, в одном из писем 1934 г.¹⁵⁴ (дословная цитата из блоковского предисловия к сб. «Земля в снегу»). Надписывая в 1928 г. В. А. Мануйлову первый том «Песнослава», Клюев явно использует обращенную к нему надпись на книге «Седое утро», но перефразирует ее и наделяет совершенно иным смыслом: «Светлому брату Вите Мануйлову через годы и туманы великие еще встретимся и все будет по-новому. Н. К л ю е в»¹⁵⁵. Можно с уверенностью сказать, что свое знакомство с Блоком Клюев до конца жизни воспринимал как самое яркое ее событие, как неповторимую «Нечаянную Радость», которую ему посчастливилось пережить.

Письма Клюева к Блоку печатаются с оригиналов, хранящихся в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39). Выдержки из отдельных писем (помимо отрывков из п. 2, цитированных Блоком в статье «Литературные итоги 1907 года») публиковались в комментариях к письмам Блока (VIII, 587, 595) и в статье «Раннее творчество Н. А. Клюева» (с. 198, 199, 201, 207, 208, 211). Три письма (№ 26, 28 и 35) и отрывки из писем № 1, 2, 12, 31 приведены В. Г. Базановым в статье «Олонецкий крестьянин и петербургский поэт» («Север», 1978, № 8, с. 93—112 и № 9, с. 91—110).

В 1907—1910 гг. Клюев регулярно присылал Блоку свои стихотворения. В общей сложности Блок получил от него около 60 стихотворений (не считая тех, которые были отправлены Блоку для пересылки Миролубову). Это значительная часть раннего поэтического творчества Клюева, во многом предопределившая состав и характер сборников «Сосен перезвон», «Братские песни», «Лесные были». В архиве Блока сохранились рукописи 55 стихотворений Клюева (некоторые из них образуют часть письма, как например, в п. 26 и 28). Не обнаружены автографы упомянутых Клевым стихотворений «Поэт» и «Предчувствие». Отсутствие этих стихотворений объясняется, видимо, тем, что Блок, отправлявший произведения Клеова в редакции различных периодических изданий и альманахов, как правило, в копиях, собственноручно им сделанных, иногда — в виде исключения — посылал и клюевскую рукопись. Это произошло, вероятно, со стихотворениями, приложенными Клевым к п. 2. Не установлено также, какое третье стихотворение было послано Блоком в 1908 г. в журнал «Золотое руно» (см. п. 10, прим. 2 и 3).

Сравнивая подлинники клюевских стихотворений с позднее опубликованными текстами, можно почти в каждом случае обнаружить разночтения. Клюеву было свойственно совершенствовать свои стихотворения и улучшать их от издания к изданию. Некоторые из них Клюев в 1907—1910 гг. подвергал решительной переработке, следуя советам Блока. Редакция стихотворений, сохранившихся в архиве Блока, является, таким образом, первоначальной.

Ниже публикуются 30 стихотворений Клюева (каждый раз — после текста того письма, к которому они были приложены). 15 стихотворений печатаются впервые. Остальные 15 публикуются на том основании, что их автографы существенно отличаются от текстов, позднее появившихся в печати. Исключение составляет стихотворение «На пороге зимы»: оно печатается как составная часть п. 26. Это стихотворение, как и 24 других, не включенных в настоящую публикацию, почти не обнаруживает расхождений с более поздними печатными редакциями. Исправления касаются отдельных слов (реже — строк), названий, знаков препинания и т. п. Сведения об основных публикациях этих стихотворений даются в примечаниях к соответствующему письму.

Автор выражает искреннюю признательность лицам, советами и помощью которых он пользовался в своей работе, прежде всего — М. И. Дикман, Л. Ф. Капраловой, М. С. Лесману, З. Г. Минц, Г. М. Прохорову, К. Н. Суворовой, Р. Д. Тименчику.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Вероятно, письма Блока погибли в Вытегре в 1918—1923 гг. В середине 20-х годов на вопрос В. Н. Орлова о судьбе писем Блока Клюев ответил, что «письма пропали» («Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 1, с. 474).

² Письма Блока датируются приблизительно следующим образом: 1. Октябрь 1907 г. 2. 2 июня 1908 г. 3. Сентябрь 1908 г. 4. Ноябрь 1908 г. 5. Декабрь 1908 г. (открытка). 6. Конец февраля 1909 г. 7. Апрель 1909 г. (до 15 апреля). 8. 13 сентября 1909 г. 9. 11 января 1910 г. 10. Ноябрь 1910 г. 11 и 12. Декабрь 1911 г. — январь 1912 г. (два заказных письма). 13. 7 марта 1912 г.

³ Состав этой группы иногда несколько сужается (в ней не всегда фигурируют Карпов и Шириевец), иногда же значительно расширяется. Например, в известной антологии И. С. Ежова и Е. И. Шамурина «Русская поэзия XX века» (М., 1925) среди «крестьянских» поэтов не значится П. Карпов; он причислен к поэтам, «не связанным с определенными группами». Зато к группе «крестьянских» поэтов отнесены еще шесть человек: П. И. Борисов (наст. фамилия — Глушаков), П. А. Дружинин, И. И. Морозов, М. В. Праскунин, П. А. Радимов и С. Д. Фомин. Видимо, составители антологии руководствовались чертами внешнего сходства между отдельными писателями (происхождение, тематика и т. д.), тогда как при подобной дифференциации следовало бы в первую очередь принять во внимание идейно-эстетические взгляды поэтов, их общественную позицию, подход к поэтическому слову и т. д.

⁴ См. подробнее: А. Г р у н т о в. Первые публикации стихов Н. А. Клюева. — «Север», 1967, № 1, с. 155—157; К. М. А з а д о в с к и й. Раннее творчество Н. А. Клюева (Новые материалы). — «Русская литература», 1975, № 3, с. 192—193 (далее сноски на эту статью даются без указания фамилии автора, названия и выходных данных журнала).

К немногочисленным стихотворениям Клюева, опубликованным в 1904—1905 гг., следует добавить еще одно: «Проснись! Проснись! Минула ночь...» («Родная нива», 1904, № 51, 17 декабря, с. 459). Это стихотворение Клюева (оно публиковалось также в «Семейном журнале», 1912, № 50, с. 15) не было включено Клюевым ни в одно из прижизненных изданий его произведений и не упоминается в указанных выше статьях.

Укажем, кроме того, на стихотворения, предназначавшиеся для сборника «Огни» (один из сборников, изданных «Народным кружком» П. А. Травина в 1905 г.). Об этом издании и стихотворениях Клюева, включенных в него, см. подробно в кн.: И. Б е л о у с о в. Литературная Москва. (Воспоминания 1880—1928). Писатели из народа. Писатели-народники. Изд. 2-е и доп. М., (1929), с. 122—123.

⁵ Письмо Клюева к политическим ссыльным в Каргополь (приблизительно март 1906 г.). — Центр. гос. архив КАСР (г. Петрозаводск), ф. 19, оп. 2, д. 30/4, л. 37 (впервые обнаружено А. Г. Грунтовым).

⁶ См. подробнее: А. Г р у н т о в. Материалы к биографии Н. А. Клюева. — «Русская литература», 1973, № 1, с. 118—119; см. также: «Раннее творчество Н. А. Клюева», с. 192.

⁷ Н. К л ю е в. Песенслов, кн. 2. Пг., 1919, с. 140.

⁸ Там же, с. 205. Приведем попутно слова современного исследователя, который называет среду, в которой шло духовное и нравственно-эстетическое формирование Николая Клюева, «исключительной» — среда раскольников, бунтарей, самосожженцев, приверженцев старотеретических заветов, странников, «бегунов», искателей земли праведной, обетованной (В. Д е м е н т ь е в. Мир поэта. Личность. Творчество. Эпоха. М., 1980, с. 50. Из главы «Олонекский ведун. Николай Клюев»).

⁹ «Я ведь сам сектант. Весь род Карповых — сектанты», — сообщал Карпов Блоку 15 октября 1913 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 268, л. 6). «Дед мой замечательный человек, был старообрядцем, начетчиком», — рассказывал Есенин И. Н. Розанову в феврале 1921 г. (И. Р о з а н о в. Есенин о себе и о других. М., 1926, с. 20).

¹⁰ О тесной связи Ключева с сектантами, особенно хлыстами, говорили некоторые из его современников, основываясь при этом прежде всего на рассказах самого поэта. Так, Р. В. Иванов-Разумник, близко знавший Ключева в течение многих лет, подчеркивал, что Ключев — «громадное явление не баптизма, а хлыстовщины <...>, оказавший неизгладимое влияние на Блока в 1909—1910 гг.» (письмо к Е. П. Иванову от марта 1941 г. из г. Пушкина). А в письме к К. А. Сюйнербергу от 6 июня 1941 г. Иванов-Разумник утверждал, что «Ключев не только «работал» под какого-то хлыстовского «голубя», но и был им в действительности» (оба письма хранятся в собрании М. С. Лесмана). Однако ко всем этим свидетельствам следует подходить с извещной осторожностью.

¹¹ А. Копяткевич, один из организаторов петрозаводской группы социал-демократов, вспоминает, как летом 1906 г. на одном из местных митингов выступал Ключев (вскоре после его выхода из тюрьмы); обращаясь к собравшимся, он называл их «дорогие братья и сестры» и «привизел своей апостольской речью очень сильное впечатление» (Александр К о п я т к е в и ч. Из революционного прошлого Олонецкой губернии (1905—1906 гг.). Петрозаводск, 1922, с. 4—5).

¹² ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 2 об. Письмо находится среди писем Ключева к Миролубову и не имеет обращения; по этой причине оно ранее было ошибочно атрибутировано нами как письмо к Миролубову («Раннее творчество Н. А. Ключева», с. 198). Основание для новой атрибуции — строки: «Рассказ Ваш, про который Вы говорите, мне читать не приходилось. Читал только стихотворение „Проклятье“ <...> Стихотворение „Проклятье“ мне очень правится — таким, как я, до этого далеко. Больше мне ничего Вашего читать не приходилось». Стихотворение Л. Д. Семенова «Проклятье» было напечатано в 3-м номере «Трудового пути» за 1907 г.

¹³ Там же.

¹⁴ «Родная земля», 1907, № 3, 22 января (раздел «Календарь писателя»).

Появление этой заметки, вероятно, связано с пребыванием Ключева в январе 1907 г. в Петербурге и его сближением с литераторами символистского круга.

¹⁵ См. подробнее в статье О. В. Цеховицера «Символизм и царская цензура». — В кн.: «Уч. зап. ЛГУ». Серия филол. наук, вып. 11, 1941, с. 292—294.

¹⁶ ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 2 об.

¹⁷ Письмо Ключева к Е. М. Добролюбовой опубликовано в статье «Раннее творчество Н. А. Ключева», с. 194.

¹⁸ Подробнее о военной службе Ключева см.: «Раннее творчество Н. А. Ключева», с. 199—200.

¹⁹ Раннее творчество Н. А. Ключева, с. 194.

²⁰ М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Биографический очерк. Пг., 1922, с. 94.

²¹ «Блоковский сб.», 1, с. 396.

²² См. подробнее статью Д. Е. Максимова «Блок и революция 1905 года». — В кн.: «Революция 1905 года и русская литература». М.—Л., 1956, с. 246—279.

²³ Слова из предисловия к книге «Лирические драмы» (предисловие написано в августе 1907 г.; книга вышла в феврале 1908 г.) — (IV, 434).

²⁴ Начальные слова предисловия к сборнику «Нечаянная радость» (II, 369).

²⁵ См. подробнее: «Раннее творчество Н. А. Ключева», с. 196, 203 и др.

²⁶ Б. А. Филиппов указал на общность между строками стихотворения Ключева «К родине», помещенного в сб. «Сосен перезвон», и заключительными строками из блоковского стихотворения «Балаган» (Н. К л ю е в. Соч., т. I, Мюнхен, 1969, с. 55). Добавим к этому еще несколько наблюдений. Выражение «лохмотья пены» («Я говорил тебе о бoгe») Ключев заимствовал из блоковского стихотворения «Голос в тучах», опубликованного в журнале «Трудовой путь» (1907, № 3). Блок, в свою очередь, видимо, воспользовался ключевским образом «заревое море», которым завершается стихотворение «Завещание», присланное Блоку в конце 1908 г. Эти слова появляются в стихотворении Блока «Голоса скрипок», посвященном и отправленном Е. П. Иванову в феврале 1910 г.

В предисловии к сб. «Лирические драмы» (см. прим. 23) Блок писал: «В лирике закрепляются переживания души <...> Переживания эти обыкновенно сложны, хаотичны; чтобы разобраться в них, нужно самому быть „немножко в этом роде“» (IV, 433). Этот сборник Блок в июне 1908 г. отправил Ключеву (см. п. 7, прим. 1). Тогда же, летом 1908 г., работая над статьей «С другого берега», Ключев употребляет блоковское выражение, взятое в кавычки. «<...> чтобы понять ответы мужика, особенно из нашей глухой и отдаленной губернии <...> нужно быть самому „в этом роде“» (см. прим. 42).

²⁷ Вопрос о влиянии Блока на раннее творчество Ключева представляет собой самостоятельную и большую проблему, требующую особого исследования. В настоящей статье этот вопрос подробно не рассматривается (см. прим. 54).

²⁸ «Вопросы жизни», 1905, № 9, с. 54.

²⁹ «Весы», 1905, № 8, с. 5—16.

³⁰ А. Б е л ы й. Начало века. М., 1933, с. 139.

³¹ «Голос земли», 1912, № 30, 10(23) февраля.

³² М. М. П р и ш в и н. Собр. соч. в 8 томах, т. 1, М., 1982, с. 72.

³³ Там же, с. 473.

³⁴ М. Пришвин. Собр. соч., т. 4, М., 1957, с. 10. См. также: «Контекст 1974». М., 1975, с. 336.

³⁵ Тема «Блок и Аввакум» исследуется В. Г. Базановым в статье «Гремел мой прадед Аввакум! (Аввакум. Ключев. Блок)». В кн.: «Культурное наследие Древней Руси (Истоки, становление, традиции)». М., 1976, с. 334—348.

³⁶ А. Белый. Настоящее и будущее русской литературы.— «Весы», 1909, № 3, с. 79—80.

³⁷ М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 115.

³⁸ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 358(2), л. 45, об.— 46.

³⁹ А. Белый. Начало века, с. 302.

О стремлении Белого к «уходу» говорится и в его воспоминаниях о Блоке, причем имя Ключева упомянуто здесь в одном ряду с именами А. Добролюбова и Л. Семенова. «Мне мечталась,— пишет Белый,— тихая праведная жизнь нас всех вместе (т. е. Белого, Блока, С. М. Соловьева и Л. Д. Блок), чуть ли не где-то в лесах или на берегу Светлояра, ожидающих восстания Китежа (или Грааля). И однажды, в квартире Марконет, у меня сорвалась подобная фраза: „Ах, как бы хорошо нам зажить там вместе“. И казалось, что нет в этом ничего невозможного,— да и не было ничего невозможного: ведь ушел же Добролюбов, ушел к Добролюбову светский студент Л. Д. Семенов через два с лишним года после этого, ушел сам Лев Толстой, пришел оттуда, из молитвенных чаш и молен северя, к нам сюда Николай Ключев, наконец я сам уходил (не на Восток, правда, а на Запад) уже в 1912 году, ища не старцев, не Китежа, а, может быть, рыцаря Грааля... Не удивительно, что на заре „символизма“, на заре нашей культурной жизни, нам казалось, что уйти всем вместе из старого мира и легко и просто, потому что Новый Мир идет навстречу к нам» (Андрей Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. В кн.: «Александр Блок в воспоминаниях современников». Т. I. М., 1980, с. 249).

⁴⁰ Эта крестьянская утопия изложена Ключевым в его прозаическом эссе «Пленники города» («Новая земля», 1911, № 22). См. подробнее: «Раннее творчество Н. А. Ключева», с. 205—206.

⁴¹ М. Бронный. Об одном эпизоде биографии Блока.— В кн.: «Тезисы I Всесоюзной (III) конференции „Творчество А. А. Блока и русская культура XX века“». Тарту, 1975, с. 177—178.

⁴² К. М. Азадовский. Олонечная деревня после первой русской революции (статья Н. А. Ключева «С родного берега»). В кн.: «Социальный протест в народной поэзии». («Русский фольклор», XV). Л., 1975, с. 206. (В дальнейшем цитируется без ссылок).

⁴³ В. Г. Базанов. «Гремел мой прадед Аввакум!» (Аввакум. Ключев. Блок), с. 342.

⁴⁴ Письма Блока к С. Ю. Копельману приведены В. Беклемишевой в ее воспоминаниях («Встречи»), опубликованных Р. Б. Заборовым в статье «Новое об Александре Блоке».— См.: «Книги. Архивы. Автографы». М., 1973, с. 53.

⁴⁵ Сергей Городецкий. Воспоминания об Александре Блоке. В кн.: «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1, с. 338.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Д. Е. Максимов. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока.— В кн.: Д. Е. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока, Л., 1981, с. 6—151.

⁴⁸ М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 141.

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 536(3), л. 134.

⁵⁰ Там же, л. 139.

⁵¹ Там же, л. 142 об.— 144. Женя— Е. П. Иванов.

⁵² Оригинал письма Блока к матери от 21 декабря 1911 г., видимо, утрачен. Текст его приведен полностью в письме А. А. Кублицкой-Пиотух к М. П. Ивановой от 23 декабря 1911 г. «Родная Маша, посылаю Вам Сашино письмо целиком,— добавляет Александра Андреевна.— Прочтите его. Это лучший ответ на Вашу „критику“ Ключева» (там же, л. 154—155).

⁵³ См.: В. Гиппиус. Встречи с Блоком— В кн. «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2, М., 1980, с. 82.

⁵⁴ Сразу же после появления сборника «Сосен перезвон» критика стала говорить о влиянии Блока на раннее творчество Ключева. Это прежде всего подчеркивал в своих статьях и рецензиях С. Городецкий. «Влияние его (т. е. Блока) стихов несомненно»,— утверждал он в газете «Речь» (1911, № 334, 5/18/декабря, с. 3). В статье «Незакатное пламя», отмечая, что Ключев «органически заражен» Блоком, Городецкий восклицал: «И поистине безбрежен поцелуй двух этих поэтов, учителя и ученика, Блока и Ключева» («Голос земли», 1912, № 30, 10/23 февраля). Влияние Блока на Ключева подчеркивал также критик П. М. Пильский в статье «Мужик и символизм (Новый поэт Н. Ключев)», напечатанной в одесской газете «Южная мысль» (1911, № 74, 27 ноября).

«Эта маленькая книжка,— писал о сборнике «Сосен перезвон» один из рецензентов,— посвящена автору „Нечаянной радости“ А. Блоку. И недаром: г. Ключев— явный поклонник поэтического дарования Блока, и это видно из всего строя его лиры. Очень часто те же размеры стиха, тот же ритм, те же настроения и почти та же внутренняя озаренность, которую Брюсов назвал „огнем религиозного сознания“». (Цит. по кн.: «Книгоиздательство (торгового) дома» „В. И. Знаменский и К^о“. Каталог. М., 1912), с. 5). Приведем также мнение Б. Садовского, считавшего, что «на первых его (т. е. Ключева) стихах лежала печать несомненного влияния Блока. Это был Блок, плохо усвоенный, чуждый первобытной душе, но поко-

ривший ее неодолимостью своих чар» (Б. Садовской. О народных поэтах. — В кн.: Б. Садовской. Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916, с. 144).

⁵⁵ Библиотека ИРЛИ.

⁵⁶ С. Есенин. Собр. соч. в 6 т., т. 6. М., 1980, с. 105.

⁵⁷ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39, л. 68.

⁵⁸ Там же, л. 73 об. Любопытно, что и самого Клюева один из авторов, писавших о нем, назвал «Пророком Нечаянной Радости». Статья с таким названием принадлежала перу писателя-коммуниста А. В. Богданова (1898—1925), одного из наиболее видных деятелей Вытегорской партийной организации в 1919—1923 гг., и во многом основывалась на его личных встречах и беседах с Клюевым (А. В. Богданов. Пророк Нечаянной Радости (творчество поэта Н. Клюева). — «Известия Олонекского губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» (Петрозаводск), 1918, № 90, 26 мая; перепечатано: «Известия Вытегорского совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов», 1919, № 4, 18 января; № 6, 25 января; «Вытегорская коммуна», № 17, 5 марта).

⁵⁹ Библиотека ИРЛИ. «День Прокопа...» — 27 февраля (ст. стиль). «Преподобный Прокопий декаполит, перезимник, дорогорушитель» (см.: «Народный календарь». СПб., 1911, с. 8). «Прокоп полузимний» — народное название. В том же стиле — надписи на «Лесных былях». Подаренных Брюсову, Гумилеву, Ремизову.

⁶⁰ Из других новокрестьянских поэтов Блок хорошо знал и ценил Есенина (их знакомство относится к 1915 г.). А. Белый вспоминал: «Он (Блок) любил возиться с „молодыми“: он — открыл юношу Городецкого; покровительствовал Леониду Семенову (†). Возился одно время с Есениным (Есенин любил Блока: кажется, будучи вовсе неизвестным, проездом через Петербург, он отправился к Блоку с улицы, застал его: и Блок его пригнул; петербургская эпопея Есенина начинается со встречи его с Блоком (и потом уже Городецкий, Клюев, Разумный и т. д.). Блока любил Орешин» (А. Белый. Дневниковые записи. — См. наст. т., кн. 3, с. 800).

Однако творчество С. Клычкова Блок воспринял недоверчиво (см. п. 43, прим. 39) и отклонил предложенную им встречу (VIII, 434). Не принял он и А. Ширяевца, который, находясь в Петербурге в мае-июне 1915 г., пытался встретиться с Блоком. В письме к В. С. Миролюбову 10 марта 1916 г. обиженный и раздраженный Ширявец рассказывает: «Сладко журчащий о России, о русском народе г. Блок, оказываясь, не расположен заводить знакомства с писателями из народа. Не принял меня, а до меня не принял Сергея Клычкова (по рассказу А. Тинякова), который тшечно пытался познакомиться с ним. Один только Есенин попал к нему, да и то обманным путем (тоже по рассказу Тинякова). Честь и слава! Оно, конечно, не подобает потомуку крестоносцев иметь дело с разным сбродом... Из-за этого поссорился я с Тиняковым, который защищал его и выразился так: „Если бы я был знаменем — тоже не принял бы“. Знакомство мое с г. Блоком кончилось тем, что после нескольких писем к нему и вызовов по телефону, я, явившись к нему, проторчал в прихожей, и горничная вынесла мне книгу его „Стихи о России“, которую я купил в магазине и с которой явился к их степенству с просьбой дать автограф. Автограф-то в книге был, но автора видеть не сподобился... Мерси и на том, что увидел горничную знаменитости...» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1265, л. 15—16 об.).

⁶¹ П. Карпов. Говор зорь. Страницы о народе и интеллигенции. СПб., 1909, с. 6, 14, 15, 18, 53 и др.

⁶² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 268, л. 3.

⁶³ Там же, л. 1.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Письмо Л. Н. Толстого к П. И. Карпову от 20 ноября 1909 г. — Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 80, М., 1955, с. 205.

⁶⁶ Письмо П. И. Карпова к Л. Н. Толстому от 16 ноября 1909 г. — Там же.

⁶⁷ Письмо от 8 декабря 1909 г. из Петербурга. — ГБЛ, ф. 25, карт. 14, ед. хр. 6, л. 78.

В письме дана развернутая и весьма любопытная характеристика Карпова: «Письмо Пимену Карпову я, если Вы на этом стоите, передам, — пишет З. Гиппиус Белому, — но раньше я должна сказать Вам про него. Мы его видели, долго с ним говорили (и еще будем говорить), мы знаем его, а Вы не знаете. Он очень неприятный, самомнительный, честолюбивый, ругающий интеллигенцию сплошь, а сам в интеллигенцию лезущий, главное же — круглый невежда. Это бы ничего, если б он свое невежество сознавал, но он к каждому слову прибавляет „я знаю, знаю“, и в одну кучу „интеллигентов-человекодавов“ сваливает декабристов, революционеров, Каляева и Боборыкина етс. Можете себе вообразить этот хаос. К тому же он получил ободряющее письмо от Л. Толстого за то, что советует разрушить города и жить „среди злаков и цветов“, и письмо это его отравило. Ваше — будет для него тоже лишней каплей яду. Мне его жаль. Если б он ускромнился и вошел в разум — то он мог бы стать значительным явлением. Я считаю, что Блок неправ, когда не захотел его даже видеть» (там же).

⁶⁸ Письмо к П. Карпову от 27 января 1910 г. — VIII, 303—304. Впрочем, у Блока встречаются и иные суждения — в пользу «опрощения» и физического труда. См., например, написанное в мае 1906 г. стихотворение «Май жестокий с белыми ночами» в особенности его последние строки («Но достойней за тяжелым плугом / В свежих росах поутру идти — III, 161).

⁶⁹ Письмо без даты. — ГПБ, ф. 124, ед. хр. 1791. Судя по письмам П. Карпова к В. Иванову оно относится к самому концу ноября 1910 г. (ГБЛ, ф. 109, карт. 27, ед. хр. 19, л. 1—3).

⁷⁰ Слово из статьи «С родного берега».

⁷¹ Сергей Г о р о д е ц к и й. Воспоминания об Александре Блоке. В кн.: «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1, с. 338. Мнение Городецкого подтверждается также сохранившимся экземпляром книги «Говор зорь», испещренным пометами Блока (см.: Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 2, с. 16—23).

⁷² Письмо от 21 января 1912 г. — ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 141.

⁷³ См. прим. 9.

⁷⁴ ГПБ, ф. 614, ед. хр. 56, л. 1.

⁷⁵ Ср., например, 7-ю строку стихотворения «Прельщение». В рукописи: «Прельщенная душа, как прежде, не жалеет». В печатной редакции: «Прельщенная душа — она уж не жалеет» («Бодрое слово», 1909, № 17, сентябрь, с. 22). Ср. также публикуемый ниже текст «Песня девушки» с текстом, напечатанным в «Бодром слове» под названием «Современная былина» (1909, № 5, март, с. 39—43).

⁷⁶ Непосредственным поводом к этому послужило известное письмо Г. С. Петрова к митрополиту Антонию, отрывки из которого Миролубов напечатал в «Трудовом пути» (1908, № 1).

⁷⁷ Письмо к Вас. И. Немировичу-Данченко от 18 ноября 1910 г. из Харькова. — ИРЛИ, ф. 204, ед. хр. 73, л. 5.

⁷⁸ См.: В. П. С в е н ц и ц к и й. «Христианское братство борьбы» и его программа. М., 1906.

⁷⁹ Свенцицкий писал также драмы и повести, обсуждая и углубляя в них главным образом одну тему — нравственно-религиозные искания современного «интеллигента». Наиболее известное из его беллетристических произведений — повесть «Антихрист (Записки странного человека)», которой интересовался Блок (V, 486).

⁸⁰ «Новая земля», 1912, № 3—4, январь, с. 17.

⁸¹ Эти сведения о себе Брихничев сообщает в своей статье «Чего ждать от духовенства», опубликованной в газете «Руль» 6 сентября 1912 г. (№ 367).

⁸² ГБЛ, ф. 516, карт. 3, ед. хр. 39, л. 1.

⁸³ Там же. О Брихничеве см. также: Вл. Э р н. Пастырь нового типа. М., 1907; В. Г. Б а з а н о в. Трудная биография. — «Звезда», 1979, № 12, с. 176—188.

⁸⁴ Письмо не датировано. Рукой Короленко: «Отвётил 30/XI—08». — ГБЛ, ф. 135, раздел II, № 19, ед. хр. 65, л. 1.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 173, л. 1.

⁸⁷ Против каждого из этих стихотворений рукой Блока помечено: «Посл(ал) 17/II Слушай земля».

⁸⁸ И. Б р и х н и ч е в. Поэт голгофского христианства. — «Новая земля», 1912, № 1-2, с. 6.

⁸⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 173, л. 2 об.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ И. Б р и х н и ч е в. Новое религиозное сознание (Что такое голгофское христианство?). — «Руль», 1912, № 358, 9 июля.

⁹² Там же.

⁹³ В. С в е н ц и ц к и й. Наши ближайшие задачи. — «Новая земля», 1911, № 2.

⁹⁴ М. П р и ш в и н. Не от мира сего. — «Русские ведомости», 1910, № 251, 31 октября. Перепечатано в кн.: М. М. П р и ш в и н. Собр. соч. в 8 томах, т. 1. М., 1982, с. 749.

⁹⁵ В. Г. Б а з а н о в. К творческим исканиям Блока. В кн.: «А. Блок и современность». М., 1981, с. 217.

⁹⁶ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 173, л. 4 об.

⁹⁷ Там же, л. 5 об.

⁹⁸ Об участии Блока в «Новой земле» см.: В. Г. Б а з а н о в. К творческим исканиям Блока, с. 214—215.

⁹⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 173, л. 4 об.

¹⁰⁰ И. Б р и х н и ч е в. Северное сияние (о Николае Алексеевиче Клюеве). — «Руль», 1912, № 355, 18 июня. Цитируемый фразам из письма Блока предшествуют слова: «Вот что об этой жажде знания Клюева писал мне в декабре 1910 г. Александр Блок».

¹⁰¹ Употребление слова «Жизнь» в религиозно-нравственном смысле встречается в литературе послереволюционного периода сравнительно часто. Ограничимся лишь одним характерным примером. Издававшийся в конце 1907 — начале 1908 г. в Москве двухнедельный религиозно-философский журнал «Живая жизнь», в котором будущие «голгофские христиане» (Аггеев, Брихничев, Свенцицкий) пытались объединиться с символистами (З. Гиппиус, А. Белый) и философами (Аскольдов, Бердяев, Булгаков, Флоренский и др.), обосновывал свою программу следующим образом: «Журнал ставит себе задачей служить по мере сил торжеству живой жизни. Признавая религию за единый живой источник сил, необходимых для этого торжества, имея свои надежды, верования и теоретические взгляды (...) журнал будет ко всему подходить, все освещать с точки зрения своего основного отношения к жизни, в которой главное не преходящее и злободневное, а вечное, нетленное, живое» (рекламный проспект «Живой жизни», печатавшийся во многих периодических изданиях на рубеже 1907 и 1908 гг.). Журнал «Живая жизнь» можно — с некоторыми оговорками — назвать предшественником «Новой земли» и «Нового вина».

¹⁰² См. подробнее в статье «Раннее творчество Н. А. Клюева», с. 207—211.

¹⁰³ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 173, л. 7 об.

- ¹⁰⁴ См. подробнее прим. 17 к п. 12.
- ¹⁰⁵ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 173, л. 7 об. Слова из недатированного письма Брихничева к Блоку (судя по содержанию — июль-август 1912 г.).
- ¹⁰⁶ ГБЛ, ф. 386, карт. 78, ед. хр. 18, л. 5.
- ¹⁰⁷ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 173, л. 7.
- ¹⁰⁸ ГБЛ, ф. 386, карт. 78, ед. хр. 18, л. 5.
- ¹⁰⁹ ГБЛ, ф. 386, карт. 55, ед. хр. 21, л. 1.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 173, л. 11.
- ¹¹² На открытке Брихничева со штемпелем «Москва 2.1.12» рукой Блока помечено: «Не отвечать».
- ¹¹³ «Брихничев и я хотели ехать по осени в Ташкент, но война помешала», — сообщает Ключев Шириевцу 15 ноября 1914 г. (ИМЛИ, ф. 29, оп. 3, ед. хр. 25).
- ¹¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39, л. 75 об.
- Упоминания Ключева, притом неоднократные, о его «беседах» с Распутиным не нашли до настоящего времени документального подтверждения. Сам же Ключев был явно склонен преувеличивать свою близость к «старцу», сопоставлять и даже отождествлять себя с ним (см. «Песнослов», кн. 2, с. 205). Взгляд на Ключева как на фигуру, родственную Распутину, был присущ и некоторым из его современников, в частности Р. В. Иванову-Разумнику. «О Ключеве и его „распутинстве“ никакой новости Вы мне не сообщили, — пишет он 22 апреля 1941 г. Е. П. Иванову. — Разве Вы не видели с самого начала (а не только после Вольфины), что Ключев по крайней мере двоюродный брат Распутина?» (письмо находится в собрании М. С. Лесмана).
- ¹¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 70.
- ¹¹⁶ «Наше время пришло», — говорил Ключев в феврале 1917 г. Эти слова приводит Р. Ивнев в своих воспоминаниях об Есенине («Сергей Александрович Есенин. Воспоминания». М. — Л., 1926, с. 18).
- ¹¹⁷ Песнослов, кн. 2, с. 168.
- ¹¹⁸ Там же, с. 183.
- ¹¹⁹ П. О р е ш и н. Дулейка. Саратов, 1919, с. 13.
- ¹²⁰ А. Ш и р я е в е ц. Алые маки. Песни последних дней. Пг., 1917, с. 8.
- ¹²¹ С. Е с е н и н. Собр. соч., т. II. М., 1977, с. 30, 32.
- ¹²² Цитируется по копии, хранящейся в собрании М. С. Лесмана. Письмо не датировано.
- ¹²³ Подробнее об осмыслении Блоком образа Христа см. в кн.: В. Н. О р л о в. Поэма Александра Блока «Двенадцать». М., 1962, с. 84—103; Л. К. Д о л г о п о л о в. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX веков. М. — Л., 1964, с. 145—181; е го же. Александр Блок. Личность и творчество. Изд. 2. Л., 1980, с. 181—203; Б. С о л о вь е в. Поэт и его подвиг. Творческий путь Александра Блока. Изд. 4-е. М., 1980, с. 632—644; В. Г. Б а з а н о в. К творческим исканиям Блока, с. 200—205 и др.
- ¹²⁴ Сергей Г о р о д е ц к и й. Воспоминания об Александре Блоке. — В кн.: «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1, с. 341.
- ¹²⁵ А. Б е л ы й, Р. В. И в а н о в - Р а з у м н и к, А. В. Ш т е й н б е р г. Памяти Александра Блока. Пг., «Вольная философская ассоциация», 1922, с. 63.
- ¹²⁶ «Скифы». Пг., 1917, с. VIII (предисловие, подписанное «Скифы»).
- ¹²⁷ «Скифы». Сб. 2. Пг., 1918, с. 230.
- ¹²⁸ А. С у м а р о к о в. Моя встреча с А. Блоком. — В кн.: «Александр Блок в воспоминаниях современников». Т. 2. М., 1980, с. 191.
- ¹²⁹ А. Б е л ы й, Р. В. И в а н о в - Р а з у м н и к, А. В. Ш т е й н б е р г. Памяти Александра Блока, с. 57.
- ¹³⁰ По своим политическим взглядам новокрестьянские поэты тяготели к социалистам-революционерам (Ключев, как указывалось, был связан с ними уже в 1905—1906 гг.). Именно в петроградском левосеросовском издательстве «Революционная мысль» был выпущен в 1918 г. сборник «Красный звон», составленный из произведений четырех поэтов: Ключева, Есенина, Орешина и Шириевца. Это был первый (и последний) групповой сборник новокрестьянских поэтов, их единственное выступление под общей обложкой.
- ¹³¹ Надпись 1915 г.: «Маме! 27 мая 1915 г.» См. наст. т., кн. 3, с. 90—91. См. также письмо Блока к матери от 29 мая 1915 г. («Письма к родным», II, с. 266).
- ¹³² Библиотека ЦГАЛИ, (48879/5063а).
- ¹³³ С. Г о р д о н. Приспособление к трагедии (О левом народничестве). — В кн.: «Слово о культуре. Сборник критических и философских статей». М., 1918, с. 81—82.
- ¹³⁴ ИРЛИ, ф. 428, оп. 1, ед. хр. 49.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39, л. 68 и 75. См. также прим. 141.
- ¹³⁷ С. Е с е н и н. Собр. соч. в 6 томах, т. 5. М., 1979, с. 184—185.
- ¹³⁸ А. С у м а р о к о в. Моя встреча с А. Блоком. — В кн.: «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2, с. 191.
- ¹³⁹ Р. В. И в а н о в - Р а з у м н и к. «Три богатыря». — «Летопись Дома литераторов», 1922 № 3 (7), 1 февраля, с. 5.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ См.: Алфавитный каталог библиотеки А. А. Блока, составленный им самим (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 338). В этом каталоге значатся: «Сосен перезвон» (оба издания), «Братские

песни», «Лесные были» и «Мирские думы». Возле названий книг Блок делает несколько приписок. Под словами «Н. Клюев. Сосен перезвон» помечено (в скобках): «мам(ин) экземпляр» прод(ан) за 800—XII 1920». Названия «Братские песни» и «Мирские думы» зачеркнуты; рядом с каждым из них — помета: «Отд(ал) Ключеву». Ниже следует запись (последние шесть слов приписаны карандашом): «Две вычеркнутые книги отданы Ключеву 14.VIII. 1918 для типографии (печ(атается) в „Земле“). Но он не дал стихов „Земле“» (л. 88 об.).

¹⁴² Новый 1919 год Ключев встречал в мастерской Передвижного театра П. П. Гайдербурова. Об этом свидетельствует появившееся затем в печати описание новогоднего праздника, где между прочим сказано: «В третьем часу ночи читал свои стихотворения Н. А. Ключев». — «Записки Передвижного общедоступного театра», 1919, вып. 17 (январь), с. 14.

¹⁴³ См.: «Жизнь искусства», 1919, № 82, 20 февраля, с. 2.

¹⁴⁴ В статье об этом вечере, написанной М. Кузьминым, отмечалось, что «из двадцати участников присутств(овало) только двенадцать, причем не было ни Ахматовой, ни Гумилева, ни Есенина, ни Ключева» (М. Кузьмин. Вечер поэтов. — «Жизнь искусства», 1919, № 91, 5 марта, с. 1).

¹⁴⁵ ЦГАЛИ, ф. 543, оп. 1, ед. хр. 7, л. 95.

¹⁴⁶ «Вечер закончился чтением стихов. Выступили поэты: А. Блок, Н. Гумилев, Георгий Иванов, Валентин Кривич, Всеволод Рождественский и Дмитрий Цензор» («Жизнь искусства», 1919, № 105, 27 марта, с. 2).

¹⁴⁷ Собрание Н. Б. Чиркова (Ленинград). См. также наст. т., кн. 3, с. 82.

¹⁴⁸ «Летопись Дома литераторов», 1921, 20 декабря, № 4, с. 4.

¹⁴⁹ «Жизнь искусства», 1922, № 33 (856), 22—28 августа, с. 4.

¹⁵⁰ «Новая русская книга», 1922, № 8, с. 28.

¹⁵¹ «Жизнь искусства», 1922, № 35 (858), 5 сентября, с. 5.

¹⁵² Запись беседы с В. А. Мануйловым от 5 сентября 1976 г.

¹⁵³ Сохранился экземпляр книги «А. Блок. Неизданные стихотворения 1897—1919. Л., 1926» со следующей дарственной надписью П. Н. Медведева: «Милому другу и светлому брату Алексею Николаевичу Ключеву с любовью составитель. 22.I.926. Пб.» (Музей Пушкинского Дома).

¹⁵⁴ Письмо от 10 июня 1934 г. к Н. Ф. Садовой. — ИРЛИ, Р. I, оп. 12, ед. хр. 534, л. 4.

¹⁵⁵ Библиотека В. А. Мануйлова.

1

<Дер. Желвачева,
конец сентября — начало октября (до 3) 1907 г.>

Александр Александрович!

Я, крестьянин Николай Ключев, обращаюсь к Вам с просьбой — прочесть мои стихотворения и, если они годны для печати, то потрудиться поместить их в какой-либо журнал¹. Будьте добры — не откажите. Деревня наша глухая, от города далеко, да в нем у меня и нет знакомых, близко стоящих к литературе. Если Вы пожелаете мне отписать, то пишите до 23 октября. Я в этом году призываюсь в солдаты (21 год²) и 23 октября последний срок. Конечно, и родные, если меня угонят в солдаты, могут переслать мне Ваше письмо, но хотелось бы получить раньше. Мы, я и мои товарищи, читаем Ваши стихи, они-то и натолкнули меня обратиться к Вам³. Один товарищ был в Питере по лесной части и привез сборник Ваших стихов; нам они очень нравятся. Прямотаки удивление. Читая, чувствуешь, как душа становится вольной, как океан, как волны, как звезды, как пенный след крылатых кораблей⁴. И жаждятся чуда прекрасного, как свобода, и грозного, как Страшный Суд... И чудится, что еще миг и сухим песком падет тяготенье веков, счастье не будет загадкой и власть почитанием. Бойцы перевяжут раны и, могучие и прекрасные, в ликующей радости воскликнут: «Отныне нет смерти на земле, нужда не постучится в дверь и сомнение в разум. Кончено тленное пресмыкание и грядет Жизнь, жизнь бессмертным и свободным, — как океан, как волны, как звезды, как пенный след крылатых кораблей!»

Бога ради, простите написанное. Я человек малоученый — так понимаю Вас, — и рад, и счастлив возможности передать Вам свое чувствование. Много бы у Вас хотелось спросить — очень тяжело не говорить — прошу Вас, напишите по возможности скорее, доставьте и мне «*Нечаянную радость*».

Адрес: Олонецкая губ(ерния), Вытегорский уезд, станция Маринская, деревня Желвачева⁵ — Ключеву.

Остаюсь — Николай К л ю е в

Не можете ли мне сообщить адреса — поэта Леонида Дмитриевича Семёнова? ⁶

*

Вот и лето прошло, пуст заброшенный сад,
На дорогу открыта калитка.
Из поблекшей травы сквозь сырой листопад
Сиротливо глядит маргаритка.
Чьих-то маленьких ног на дорожке следы
И обрывки письма у крокета.
На скамье позабытый букет резеды —
Это память угасшего лета:
Были грезы и сны, и порывы ума.
Сгибло все под дыханьем ненастья.
Позабытый букет да обрывки письма
Нам с тобою остались от счастья.

*

Я поведаю миру былину,
Про кручину недавний рассказ.
Мне хотелось бы спеть про кручину,
Чтоб катились слезы из глаз,
Много в небе лазурно-бездонном
Светлых звезд и лучистых планет —
Много горюшка в сердце народном
Накопилось за тысячу лет!
Сколько листьев в осенние ночи
Перелетные вихри сорвут, —
Столько слёз материнские очи
На Руси неповедано льют!
И не столько скалистых порогов
Громоздится в надречной дали,
Сколько высится мрачных острогов
По раздолью родимой земли!
Ты проймись про горюшко наше
Ладословная песня звончей;
Степь от солнца вольнее и краше —
От заправки душа удалей.
Кабы птицей душа очутилась,
Буйнокрылою чайкой морской,
Не с надрывным бы стоном кружилась
Над рокошущей гневно волной.
Кабы молодцу шапка повыше —
Мглистей ночи казалась б бровь...
Чайка-песня бьет крыльями тише
Там, где трупы, застенки и кровь.

Н е м а я л ю б о в ь

Поведай мне, дитя, с безбрежными глазами,
С пучиною волос и мраками ресниц,
Не песня ль моря ты, где, вея парусами,
Несутся корабли при всполохах зарниц?

Увы! Созвучий мир, сиянья радуг полный,
Орлиных клетотов и сини берегов,
Постичь не в силах ты душой слепорожденной,
Как в рифмах уловить певучий гул валов.

Ты только взором жжешь, как знойная пустыня,
 Далека стиха приборам грозным,
 В песчанности твоей затерянный отныне
 Я сфинксом становлюсь, жестоким и немым.

Датируется на основании письма Блока к матери, в котором 9 октября 1907 г. поэт сообщал: «За мое отсутствие получили (...) очень трогательное письмо от крестьянина Олонечкой губернии» (VIII, 215). Отсутствие Блока в Петербурге длилось пять дней (с 3 по 7 октября включительно). 8 октября утром Блок возвратился из Киева, куда ездил для участия в «Вечере нового искусства». Таким образом, письмо Клюева могло прибыть в Петербург самое позднее 7 октября (почтовый путь от Олонечкой губернии до столицы длился тогда, судя по другим письмам Клюева, от 4-х до 6-ти дней).

¹ В письме было прислано пять стихотворений. Два из них («Горниста смолк рожок... Угрюмые солдаты» и «Вот и лето прошло, пуст заброшенный сад») были написаны на том же листе, что и письмо (на обратной стороне). Три других стихотворения («Я поведаю миру былинку», «Мы любим только то, чему названья нет» и «Немая любовь») — на отдельном листе.

Стихотворения «Вот и лето прошло, пуст заброшенный сад», «Я поведаю миру былинку» и «Немая любовь» печатаются впервые. Стихотворения «Горниста смолк рожок... Угрюмые солдаты» опубликовано К. М. Азадовским с автографа, хранящегося в ИРЛИ («Раннее творчество Н. А. Клюева», с. 199—200). Стихотворение «Мы любим только то, чему названья нет» было включено Клюевым в сб. «Сосен перезвон» (оба издания) и впоследствии — в «Песнослов».

Комментируя письмо Блока к Е. П. Иванову, А. Косман указывал, что в своем первом письме Клюев прислал Блоку лишь два стихотворения («Горниста смолк рожок... Угрюмые солдаты» и «Вот и лето прошло, пуст заброшенный сад»). Датируя данное письмо январем 1908 г., комментатор сообщал также, что «Блок напечатал эти стихи» (Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову. Редакция и предисловие Ц. Вольпе. Подготовка текста и комментарии А. Космана. М.—Л., 1936, с. 124). Утверждения А. Космана (в основном ошибочные) перешли затем и в некоторые из последующих исследований о Клюеве.

² Как установил А. К. Грунтов, Клюев родился 10 октября 1884 г. (см. его статью «Материалы к биографии Н. А. Клюева», — «Русская литература», 1973, № 1, с. 118—119). Однако сам поэт указывал иные даты своего рождения: чаще всего 1886 или 1887 г. Так, в «Деле департамента полиции», заведенном на Клюева в связи с его арестом в 1906 г., значится: «Родился в 1886 году» (ЦГАОР, ф. 7, ед. хр. 1567, ч. I, л. 1). Автобиографическая справка, собственноручно написанная Клюевым в середине 20-х годов, начинается со слов: «Родился 1887 г.» (ИМЛИ, ф. 173, оп. 1, ед. хр. 10).

³ Книгой Блока, «натолкнувшей» Клюева на мысль написать ему, была «Нечаянная радость» (М., «Скорпион», 1907). Как следует из последующих писем Клюева к Блоку, стихотворения этой книги произвели на него, действительно, неизгладимое впечатление (п. 23, 29, 33, 40 и др.). См. также посвящение книги «Сосен перезвон»: «Александру Блоку — Нечаянной Радости».

⁴ Ср. это место с заключительными строками блоковского предисловия к сборнику «Нечаянная радость»: «Слышко, как вскипают моря и воют корабельные сирены. Все мы потечем на мол, где зажглись сигнальные огни. Новой Радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли» (II, 370).

⁵ Деревня Желвачева (или Желвачево), где проживал тогда Клюев вместе с родителями, находилась на реке Андоме в Макачевской волости Вытегорского уезда Олонечкой губернии (ныне — Вытегорский район Вологодской области), в 36 верстах к северу от г. Вытегра. Подобно многим Олонечким селениям, эта деревня состояла всего из нескольких крестьянских дворов. В 1873 г. она насчитывала 9 дворов с 53 жителями («Список населенных мест Олонечкой губернии по сведениям 1873 года». СПб., 1879, с. 1036). В начале XX в. число жителей в ней уменьшилось до 45 («Список населенных мест Олонечкой губернии по сведениям за 1905 год». Составил И. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1907, с. 166). «Живу я в деревне, о 8-ми дворах», — писал Клюев С. А. Гарину в 1913 г. (письмо не датировано; дата установлена по содержанию. — ЦГАЛИ, ф. 146, оп. 1, ед. хр. 38, л. 4). Почтовое отделение Мариинское (деревня Марьино) находилось приблизительно в 10 верстах от деревни Желвачева. «Живу я в бедности и одиночестве в лесной деревушке, около 500 верст от чугунки, еще дальше водой, не близко и от почтового отделения», — рассказывал Клюев А. А. Измайлову в 1913 г. (дата письма установлена по содержанию. — ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 147, л. 1).

Некоторые подробности о деревне Желвачева сообщает И. П. Брихничев в своей статье, посвященной Клюеву и написанной в основном со слов самого поэта (некоторые детали явно расцвечены автором, желавшим подчеркнуть экзотику жизни в глухой Олонии). «Село Желвачево лишено растительности, — рассказывает Брихничев. — Около одной избы каким-то чудом выросла вишенка. Старики, посовещавшись между собой, решили срубить деревцо, «чтобы было гладко»... и срубили... (...) Односельчане его (т. е. Клюева) занимаются земледелием, но это занятие так бедно вознаграждается скудной природой севера, что им приходится еще заниматься и рыболовством и звероловством, чтобы свести концы с концами. В урочное время за шкурками зверьков является в деревню целая стая алчных скупщиков и

выменивают роскошные шкурки на безделушки». Брихничев упоминает также о том, что в родной деревне Ключева появлялись время от времени «сыльные с Кавказа и других мест», оказавшие влияние на развитие поэта (И. Брихничев. Северное сияние (о Николае Алексеевиче Ключеве). — «Руль», 1912, 18 июня, № 355, с. 2).

⁶ Леонид Дмитриевич Семенов (1880—1917), поэт-символист, внук известного русского ученого и общественного деятеля П. П. Семенова Тянь-Шанского. В 1889 г. Семенов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, но в 1901 г. перешел на историко-филологический факультет. Сблизился с Блоком в студенческом литературном кружке, которым руководил доцент Б. В. Никольский. Л. Д. Семенову посвящено стихотворение Блока «Жду я смерти близ денницы», написанное в январе 1904 г.

Духовные искания Семенова накануне первой русской революции отличаются крайней неутолимостью. После «кровавого воскресенья» Семенов с энтузиазмом включается в политическую борьбу. Присоединившись к группе социал-демократов, он участвует в деятельности Крестьянского союза, избирается депутатом в I Государственную думу, летом 1906 г. ведет революционную агитацию среди крестьян Курской губернии. Огромное влияние оказывает на него в это время М. М. Добролюбова (1880—1906), сестра ушедшего «в народ» поэта А. М. Добролюбова, считавшаяся невестой Семенова. В июле 1906 г. за произнесение антиправительственных речей Семенов был задержан в Курской губернии и заключен в тюрьму, из которой освободился в декабре 1906 г. Постепенно в нем совершается глубокий внутренний переворот. Считая любую общественную работу бесплодной, он, подобно А. М. Добролюбову, принимает, в конце концов, решение уйти «в народ». В 1908 г. Семенов осуществляет свое намерение и последние десять лет своей жизни проводит в основном в Рязанской губернии. «Уход» Семенова сопровождается его почти полным отказом от литературной деятельности, которой до этого он активно занимался (в 1905 г. в Петербурге в издательстве «Содружества» вышел в свет его сборник «Собрание стихотворений», на который Блок откликнулся сочувственной рецензией («Вопросы жизни», 1905, № 7); кроме того, Семенов сотрудничал в журналах «Новый путь», «Трудовой путь» и др.). Особую главу в биографии Семенова образуют его личные отношения с Л. Н. Толстым.

Из работ и публикаций последнего времени, посвященных Семенову, см.: В. Сапогов в. Лев Толстой и Леонид Семенов (об одном корреспонденте Л. Н. Толстого). — «Уч. зап. Костромского пед. ин-та, вып. 20, филол. серия, 1970, с. 111—128; «Л. Д. Семенов Тянь-Шанский и его „Записки“». Публикация З. Минц и Э. Шубина. — «Труды по русской и славянской филологии». XXVIII. Литературоведение. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 414). Тарту, 1977, с. 102—146. Об отношениях Ключева и Семенова см. во вступительной статье, см. также: «Раннее творчество Н. А. Ключева», с. 194—196.

2

(Дер. Желвачева, октябрь — ноябрь (до 12 ноября) 1907 г.)

Я получил Ваше дорогое письмо и «Нечаянную радость», умилен честью, которую Вы оказали мне, Вашей сердечностью ко мне, так редко видящему доброе человеческое отношение.

В лютой нищете, в темном плену жизни такие переживания, какие Вы доставили мне, — очень дороги. Благодарю Вас!

Вы пишете, что не понимаете крестьян, это немножко стесняет меня в объяснении, поневоле заставляет призывать на помощь всю свою «образованность», чтобы быть сколько-нибудь понятным. Раньше я читал только два отдела Вашей книги — «Нечаянная радость» и «Ночная фиалка», остальное было вырвано, теперь прочел всю и дерзаю сказать Вам, что несмотря на райские образы и электрические сны душа моя как будто раньше видела их, видела — «Осеннюю волю», молодость, сгубленную в хмелю, незнаемый, но бесконечно родной образ, без которого нельзя плакать и жить, видела Младу — дикой вольности сестру, «Взморье» с кораблем, уносящим торжество, чаяние чуда и прекрасной смерти¹.

Простите мне мою дерзость, но мне кажется, что если бы у нашего брата было время для рождения образов, то они не уступали бы Вашим. Так много вмещает грудь строительных начал², так ярко чувствуется великое крыленье!... И хочется встать высоко над Миром, выплакать тяготенье тьмы огненно-звездными слезами и, подъяв кропило очищения, окропить кровавую землю³, в славословии и радости дав начало новому дню правды.

Вы — господа чуждаетесь нас, но знайте, что много нас, неутоленных сердец, и что темны мы только, если на нас смотреть с высоты, когда все, что

внизу, кажется однородной массой, но крошка искренности, и из массы выступают ясные очертания сынов человеческих, их души, подобные яспису и сардису⁴, их ребра, готовые для прободения.

Вот мы сидим, шесть человек, все читали Ваши стихи, двое хвалят — что красивы, трое⁵ говорят, что Ты⁶ от безделья и что П. Я.⁷ пишет лучше Вас, — за сердце щиплет, и что в стихотворении «Прискакала дикой степью» слово «красным криком» не Ваше, а Леонида Андреева⁸, и что Вы — комнатный поэт, стихотворение «День поблек — изящный и невинный» — одна декорация и что после первых четырех строк — Вы свихнулись «не на то». Что такое «голубой кавалер», нимб, юр?⁹ Что «Сказка о петухе и старушке» — это пожар в причте. Милые, милые, дорогие мои братья! Я смотрю на них и думаю: призри с небеси и видь, и носе за виноград сей, юже насади десница твоя!¹⁰

Наш брат вовсе не дичится «вас», а попросту завидует и ненавидит, а если и терпит вблизи себя, то только до тех пор, покуда видит от «вас» какой-либо прибыток. О, как неистово страданье от «вашего» присутствия, какое бесконечно-окаянное горе сознавать, что без «вас» пока не обойдешься! Это-то сознание и есть то «горе-гореваньице» — тоска злючая-клевушая, — кручинушка злая беспросветная, про которую писали Никитин, Суриков, Некрасов, отчасти Пушкин и др. Сознание, что без «вас» пока не обойдешься, — есть единственная причина нашего духовного с «вами» несближения, и — редко, редко встречаются случаи холопской верности нянь или денщиков, уже достаточно развращенных господской передней. Все древние и новые примеры крестьянского бегства в скиты, в леса-пустыни, есть показатель упорного желания отделаться от духовной зависимости, скрыться от дворянского вездесущия. Сознание, что «вы» везде, что «вы» «можете», а мы «должны» — вот необоримая стена несближения с нашей стороны. Какие же причины с «вашей»? Кроме глубокого презрения и чисто телесной брезгливости — никаких. У прозревших из «вас» есть оправдание, что нельзя зараз переделаться, как пишете Вы, и это ложь, особенно в Ваших устах, — так мне хочется верить. Я чувствую, что Вы, зная великие примеры мученичества и славы, великие произведения человеческого духа, обманываетесь в себе. Так, как говорите Вы, может говорить только тот, кто не подвел итог своему мирозерцанию. — И из Ваших слов можно заключить, что миллионы лет человеческой борьбы и страдания прошли бесследно для тех, кто «имеет на спине несколько дворянских поколений».

Еще я Вас спрошу: — хорошо ли делаю я, стремясь попасть в печать? Стремлюсь же не из самолюбия, а просто чтобы увидеть — реальный результат затраченной незримой энергии. — Окружающим же меня любо и радостно за меня, — они гордятся мной, просят меня, чтобы я писал больше. Присылаю Вам еще стихотворений¹¹ — напишите, чего, по-Вашему, в них не хватает. Я мучусь постоянным сомнением — их безобразием, но отделять их некогда, надо кормиться, — а хлеб дорогой.

Нельзя ли исправить подчеркнутые строки в стихах — по-моему, они очень плохи. Да и вообще, все, что плохо с моей стороны, — пусть не огорчает Вас. Такой уж у меня характер.

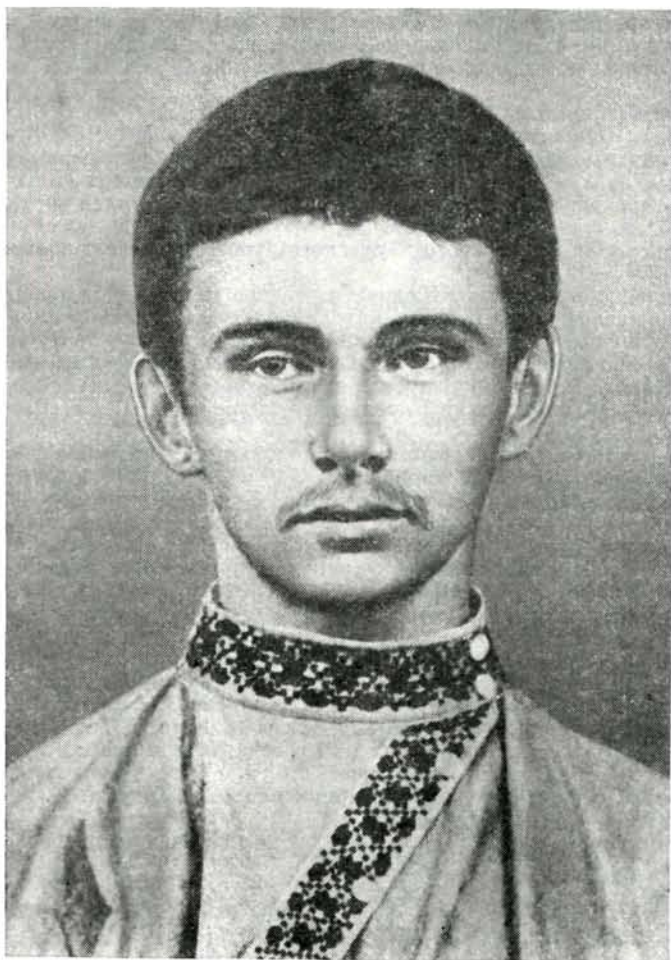
Пойду в солдаты, пропадут мои песни¹² — про запас прощайте, примите на память мою любовь к Вам, к Вашей «Нечаянной радости».

Нельзя ли что-либо из моих произв(едений) поместить в «Русское богатство» или «Трудовой путь»¹³. С «Трудового пути» я получил 10 руб. 80 коп., за которые очень благодарен.

Если вздумаете писать, то пишите так: Олонецкая губ(ерния), Вытегорский у(езд), станция Мариинская, деревня Желвачева. Клавдии¹⁴ Клюевой¹⁵.

Писать нужно заказным письмом, иначе у нас потеряется, почтовое отд(еление) от нас далеко. Письма идут через правление, где могут заваляться.

Датируется на основании письма Блока к матери от 27 ноября 1907 г., в котором говорится: «Письмо Клюева окончательно открыло глаза» (VIII, 219). В это же время Блок пишет статью «Литературные итоги 1907 года», цитируя в ней отрывки из письма Клюева. Ясно, что

Н. А. КЛЮЕВ

Фотография, 1900-е годы
Литературный музей, Москва

данное письмо написано между 13 октября и 12 ноября, т. е. до того как Ключева забрали в солдаты (см. п. 3, прим. 1).

¹ «Осенняя воля» и «Взморье» — названия стихотворений из сб. «Нечаянная радость»; «электрические сны» — неточно процитированные Ключевым слова из блоковского стихотворения «В кабаках, в переулках, в извивах» (сб. «Нечаянная радость»); «молодость, стубленная во хмелю» — перифраз блоковской строки из стихотворения «Осенняя воля»; «Млада — дикой вольности сестра» — образ из стихотворения «Прискакала дикой стенью» (сб. «Нечаянная радость»); «корабль, уносящий торжество» — перифраз строки из стихотворения «Взморье».

² Французский учений М. Никё в статье «Блок и призыв Ключева» обратил внимание на то, что выражение «строительные начала» появляется в драме Блока «Песнь Судьбы» (1908); их произносит Человек в очках (четвертая картина). Это совпадение М. Никё объясняет как «непосредственный отзвук ключевских писем» (M. N i q u e x. Blok et l'appel de Klyuev. — «Revue des études slaves». Tome 54 (4). Paris, 1982, p. 626).

Наблюдение М. Никё представляется совершенно справедливым, тем более что весь монолог Человека в очках живо напоминает рассуждения Блока о «народе» и «интеллигенции», навеянные именно ключевскими письмами. «Она (Фанна) принесла нам часть народной души. За то мы должны поклониться ей в ноги, а не смеяться. Мы, писатели, живем интеллигентской жизнью, а Россия, неизменная в самом существе своем, смеется нам в лицо. Эти миллионы окутаны ночью; еще молчат их дремлющие силы, но они уже презирают и ненавидят нас. Они придут и, зная, принесут неведомые нам строительные начала» (IV, 134). Аналогичные мысли Блок излагал в начале января 1908 г. Н. В. Недоброво и А. И. Белецкому, после чего прочитал им письмо Ключева, где упоминается о презрении и ненависти крестьян к «господам» (см. вступ. ст.); об этом же идет речь и в его докладе «Народ и интеллигенция» (ноябрь 1908),

в письме к матери от 5—6 ноября и т. д. О «презрении» Блок писал, видимо, и самому Ключеву (см. ответ Ключева в п. 26: «... не презираю, а скорее жалею Вас...»).

³ Курсивом выделены отрывки, приведенные Блоком в статье «Литературные итоги 1907 года».

⁴ Образ, заимствованный из Нового Завета: «И Сей Сидящий видом был подобен камню яспису и сардису...» («Откровение святого Иоанна Богослова», 4, 3).

⁵ Далее зачеркнуто несколько слов, из которых можно разобрать первые два: «зовут Вас».

⁶ Слова «Ты», «Твой», «Твоя» и т. п. в некоторых стихотворениях книги «Нечаянная радость» написаны с заглавной буквы («Белый конь чуть ступает усталой ногой», «Пляски осенние» и др.).

⁷ П. Я. — криптоним известного русского поэта, революционера-народовольца П. Ф. Якубовича (1880—1911).

Влияние гражданской лирики Якубовича отчетливо проявляется в ранних стихах Ключева. Среди книг, принадлежавших Ключеву, находился и том «Стихотворений» П. Я., который, покидая Вытегру, поэт подарил своему земляку Михаилу Ручьеву, брату вытегорского поэта С. И. Ручьева, с надписью: «Михайлу Ручьеву с пожеланием весны и юности малиновой. Н. Ключев. 1923» (Альбом фотоснимков к материалам о творчестве Н. А. Ключева с аннотациями А. К. Грунтова. — Научный архив Карельского филиала АН СССР (Петрозаводск), Разряд XI, оп. 2, ед. хр. 12, л. 4).

⁸ Основанием для такого утверждения послужило, видимо, название известной антивоенной повести Л. Андреева «Красный смех» (1904).

⁹ Голубой кавалер — образ из стихотворения «A l'ombre»; нимб, юр — слова из стихотворений «An Hans Guenther» и «Ты оденешь меня в серебро» (сб. «Нечаянная радость»).

¹⁰ Псалтирь, псалом 79, 15—16. В каноническом переводе: «Боже сил! обратись же, призи с неба и воззри, и посети виноград сей; Охрани то, что насадила десница Твоя, и отрасли, которые ты укрепил Себе».

¹¹ См. п. 10, прим. 2 и 3.

¹² Далее зачеркнуто шесть слов, из которых можно разобрать: «а может и я пропаду».

¹³ В «Русском богатстве» Ключев не печатался, хотя еще летом 1907 г. Л. Д. Семенов пытался связать его с редакцией этого журнала. «Хотелось бы мне просить Вас прислать мне хотя бы ту книжку „Трудового пути“, в которой мое стихотворение, а в случае помещения в „Русское богатство“, то и эту книжку», — писал ему Ключев 15 июня 1907 г. (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 1). В «Трудовом пути» Ключев в 1907 г. печатался дважды: в № 5 было опубликовано его стихотворение «Холодное, как смерть...», а в № 9 — стихотворение «Назарма».

¹⁴ После слова «Клавдии» рукой Блока приписано «Алексеевне». К. А. Ключева (в замужестве Расцеперина) — сестра Ключева.

¹⁵ В этом месте письма можно разобрать полустертый первоначальный текст: «Ключеву, имени не нужно».

3

«Петербург, 19 февраля 1908 г.»

Сестра писала мне, что Вы спрашивали у ней мой адрес¹. С 5-го января я нахожусь в Питере, в Николаевском военном госпитале, если что имеете сообщить — то пишите: Здесь, Николаевский военный госпиталь, третье нервное отделение, палата № 23². Может быть, найдете возможным зайти лично — прием по четвергам и воскресеньям с 2 ч. до 4 ч. дня.

Приветствую Вас Н. К л ю е в

Открытка. Датируется по почт. шт.

¹ Сохранилось письмо К. А. Ключевой к Блоку от 12 января 1908 г., в котором она сообщает: «Коля находится с 13 ноября на военной службе» и указывает его адрес: «Финляндия, г. Выборг, Выборгский крепостной пехотный батальон, 5-я рота» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 271, л. 1).

² Те же сведения о себе Ключев сообщает и Миролюбову 25 января 1908 г. (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 3).

4

«Дер. Желвачева, 16 мая 1908 г.»

Здравствуй, господин Блок.

Вы напечатали мое письмо¹. К чему это?

Будьте благожелательны, отпишите мне и пришлите что-либо из новой поэзии. Я очень буду Вам благодарен. Если что соблаговолите, то вышлите закрыто, иначе потеряется.

Я пробыл зимой в Петербурге четыре месяца, писал Вам письмо, но ответа не получил... Не оставьте, пожалуйста, в просьбе.

Ваш — Николай К л ю е в

Адрес. Олонецкая губ(ерния), Витегорский уезд, станция Марининская, деревня Желвачева, Николаю Ключеву.

На обороте листа — приписка рукой Блока:

«Я ответил 2 июня большим письмом о „народной душе“».

¹ Имеются в виду отрывки из п. 2, приведенные Блоком в статье «Литературные итоги 1907 года».

5

⟨Дер. Желвачева, май 1908 г.⟩

Простите за беспокойство, я снова присылаю Вам стихи ¹ — прошу поместить их в какой-либо подходящий журнал (может быть, годятся в «Золотое руно»).

Если годятся, то сообщите, я буду дожидаться. Я пробыл в Питере 4 месяца, хотел зайти к Вам, походил мимо дома, а потом раздумал. Мне рассказывал В. С. Миролюбов, что Вы опубликовали мое письмо к Вам в «Золотом руне» ² и что потом было по этому поводу писано в газетах Розановым ³ и в «Столичной почте» тоже ⁴ — мне бы хотелось прочесть — не можете ли переслать эти статьи мне. Читать мне нечего — хочется, как в жару воды испить, прочесть книгу А. Доброголюбова «Из книги Невидимой» ⁵. Не можете ли снабдить меня и ею.

Не томите молчанием, откликнитесь — адрес: Олонецкая губ(ерния), Витегорский уезд, станция Марининская, деревня Желвачева, Николаю Ключеву.

Радостно приветствую Вас!

*

... брату

Зеленеют травкою могилы,
Голубеют талые кресты...
Я принес тебе, мой милый,
Росный ладан и цветы.
Не грусти о прошлом невозвратном,
Ты нетленно светел навсегда,
Чьи-то руки ткут в огне закатном
Для тебя бессмертия года.
Осенюсь могильною иконкой,
Накормлю малиновок кутьей
И опять с клюкою и котомкой
Побреду тележной колеей.

Убелись, душа моя, белее,
Позабудь печаль и суету,
Возвращусь я прежнего святее
Целовать заветную плиту.
На распутьях дальнего скитанья,
Как пчела медвяную росу,
Соберу певучие сказанья
И тебе, родимый, принесу.
В глубине народной незабытым
Ты живешь, кровавый и святой...
Опаленным, сгибнувшим, убитым —
Всем покой за дверью гробовой.

*

брату

Под плакучею раkitой
Бледный юноша лежал.
На прогалине открытой
Распростертый умирал.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок.
Оглядеть простор поляны
Взор измученный не мог.
Каркал ворон в выси синей,
Круги ровные чертя.
Умирало над пустыней
Солнце, дали золотя.

Вечер близился к пределу,
Затемнялась неба гладь.
К отсывающему телу
Не пришла родная мать.
В вечный путь не снарядила
Дорогого мертвеца,
Кровь багряную не смыла
С просветленного лица.
Только заревом повита,
От заката золотым,
Одинокaя раkита
Тихо плакала над ним.

Датируется по содержанию.

¹ На обратной стороне листа — два стихотворения, одинаково озаглавленные «...брату» (подразумевается «убитому брату» или «казненному брату»). Двенадцать строк первого сти-

хотворения опубликованы впоследствии (с разночтениями и без названия) в сб. «Братские песни» как самостоятельное стихотворение («Осеюсь могильною иконкой»), позднее перенесенное в «Песнослов» и в сб. «Медный кит» (Пг., 1919). Второе стихотворение печатается впервые.

² Статья Блока «Литературные итоги 1907 года» с отрывками из клюевского п. 2 была напечатана в журнале «Золотое руно», 1907, № 11—12.

³ Статья В. В. Розанова, подписанная «В. Варварин» и озаглавленная «Автор „Балаганчика“ о петербургских религиозно-философских собраниях», появилась 25 января 1908 г. в газете «Русское слово» (№ 21). Корреспондент Блока охарактеризован в статье Розанова как «бывший дворовый человек», как «бородач», подпоясанный шаблями или «пенистой лирикой», но скорее всего, кажется, «пенистыми похвалами и лестью Блока...», «Блок выбрал в корреспонденты неудачного „мужичка“...» — заключает автор фельетона, добавляя, что «и Блок — не настоящий русский умный человек, образованный в работе и рабочий в образовании, и „мужичок“ его взят откуда-нибудь из ресторана, где он имел достаточно поводов завидовать ку-тящим „господам“».

⁴ В петербургской газете «Столичная почта» 14 февраля 1908 г. была опубликована статья Д. Философова «Декадентские мужички» (№ 237), весьма язвительная в отношении Блока. Повторяя выдержки из письма Клюева, опубликованные Блоком, автор резюмировал: «...крестьяне сбиты с толку — это факт, может быть, и грустный. Однако не еще ли более грустно, что сбиты с толку и мы, интеллигенты?»

⁵ Имеется в виду издание: А. М. Добролюбов. Из Книги Невидимой. М., «Скорпион», 1905. Книга представляет собой собрание написанных Добролюбовым стихов, молитв, притч, проповедей и т. д. В ней ярко отразился анархический социально-религиозный бунт Добролюбова против современной ему цивилизации в различных ее проявлениях (Город, Образование, Искусство и т. д.). «Книга Невидимая» обличает «бывших единомышленников» Добролюбова (т. е. поэтов-символистов), содержит призывы к опрощению и «уходу». О Добролюбове см. статьи С. А. Венгерова и В. В. Гишпиуса в кн.: «Русская литература XX века. 1890—1910», т. I. Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1914, и статьи А. С. Пругавина «Новая секта...» («Речь», 1913, № 3, 4/17 января) и «Декадент-сектант» («Русские ведомости», 1912, № 282, 7 декабря и № 287, 13 декабря). См. также статьи К. М. Азадовского: «Путь Александра Добролюбова» — в кн.: «Блоковский сб.», 3, с. 124—146, и «Блок и А. М. Добролюбов» — в кн.: «Тезисы I Всесоюзной (III) конференции „Творчество А. А. Блока и русская культура XX века“», с. 96—102.

Взгляды и личный пример Александра Добролюбова оказали на Клюева (после 1905 г.) огромное воздействие, о чем прежде всего свидетельствуют его письма к Блоку. (Об отношении Клюева к А. Добролюбову см. «Раннее творчество Н. А. Клюева», с. 194—195). Впоследствии влияние Добролюбова на Клюева ослабевает. Однако даже после Октябрьской революции Клюев возвращался к мыслям и словам Добролюбова, пытался приложить их к новой действительности. Так, в 1919 г. в одном из номеров уездной вытегорской газеты, литературный отдел которого в ту пору практически возглавлял Клюев, рядом со стихами С. Есенина, В. Кириллова, А. Шириева и самого Клюева (раздел озаглавлен: «Поэты великой русской революции») были помещены некоторые изречения Александра Добролюбова («Звезда Вытегры», 1919, № 62, 7 сентября).

6

⟨Дер. Желвачева, 6 июня 1908 г.⟩

Здравствуйте, г. Блок. Пишу Вам третье письмо за один май. От Вас не получал ни одного. Будьте добры, удостойте ответом, мне так хочется услышать Вас. Прошу Вас — не найдете ли возможным прислать мне книгу А. Добролюбова «Из книги Невидимой». Что-нибудь из поэзии. Я буду очень благодарен. Сообщите, куда можно посылать стихи, кроме «Трудового пути». Адреса каких-либо журналов. Не откажите.

Приветствую Вас

Олонеккая губ⟨ерния⟩. Вытегорский у⟨езд⟩, станция Мариинская, деревня Желвачева — Н. Клюеву

Открытка. Датируется по почт. шт.

7

⟨Дер. Желвачева, 27 июня 1908 г.⟩

Получил Ваши книги¹. Очень благодарен. Жду ответа на стихотворения. Приветствую Вас.

К л ю е в

⟨Дер. Желвачева, июль-август 1908 г.⟩

Здравствуйте, дорогой Александр, не знаю как Вас по отчеству¹. Много Вам кланяюсь и желаю благополучия и в делах Ваших скорого и счастливого успеха. Уведомляю Вас, что книги я получил, за что очень благодарен. Пуще прежнего и больше всех других нравятся в них только Ваши произведения: «Ночная молитва», «Так окрыленно, так напевно», «Я вам поведал неземное», «Искушение», «Сын и мать»² и «Король на площади»³. А насчет опубликованного письма не беспокойтесь, я не то чтобы разобиделся, а просто что-то на душе неловко: не договорил ли я чего, или переговорил, или просто не по чину мне бытым быть. От Миролюбова я получил письмо⁴, просит написать ему что-нибудь показать французским друзьям, а переслать ему письмо нет никакой возможности, кроме как через Вас, потому что уж больно любопытно будет на почте да и многим другим — какие такие дела я с заграницей имею⁵ — человек-то я больно не форсистый, прямо подозрительно для знающих меня. Письмо Миролюбов велел послать «заказным». Прошу Вас, будьте добры, перешлите, не задерживая, эти стихи по адресу: Франция. Париж. France. Paris. Poste restante. V. S. Mirolubov. *Заказное*

Об отправлении по этому адресу — пожалуйста, не задержите уведомлением. Я буду ждать с нетерпением — больше хочется слышать что-нибудь от Виктора Сергеевича⁶ — на Вас надежда, не откажите.

Вам я тоже посылаю заказное письмо со стихами⁷ — напишите, будут ли они помещены в какой-либо журнал. Теперь мне вовсе писать некогда стихов, сеносос, — у⁸ народа нужда.

Оставайтесь с Богом. Кланяюсь Вам — не забывайте меня.

Н. К л ю е в

Адрес старый: Олонецкая губ⟨ерния⟩, Вытегорский у⟨езд⟩, ст⟨анция⟩ Маршенинская, дер⟨евня⟩ Желвачева.

⟨Приписка справа⟩ Извините за беспокойство.

⟨Приписка слева⟩ Письмо пошлите заказным. Нравятся ли Вам посылаемые Миролюбову стихотворения?

Датируется по связи с п. 6, 7 и 9.

¹ «Забывчивость» Ключева в этом письме кажется сомнительной и вызванной, скорее всего, той уязвленно-вызывающей позой, которую он занял по отношению к Блоку уже в своих первых письмах к нему.

Следует, однако, заметить, что Ключев был в действительности весьма забывчив на имена и отчества. Во всех его предыдущих письмах к Блоку начиная с п. 2 обращение также отсутствует; оно появляется лишь в следующем письме (п. 9). Свое письмо к А. А. Измайлову, с которым он вступил в переписку уже в 1907 г. (письмо не датировано; судя по содержанию — 1913 г.), Ключев начинает словами: «Благодарю Вас, г. Измайлов (имени и отчества Ваших я не знаю), за добрые слова» (ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 147, л. 1). Наконец, в письме «С родного берега» (см. п. 9, прим. 1) Ключев путает даже инициалы В. С. Миролюбова, к которому всегда относился почтительно и искренне («Дорогой С. В. ...»).

² Эти стихотворения Блока были опубликованы в петербургском альманахе «Белые ночи», в котором, кроме того, содержались стихи Ю. Верховского, М. Волошина, С. Городецкого, В. Иванова, А. Кондратьева, В. Пяста, Ф. Сологуба и др. Блок представлен в этом альманахе стихотворным циклом «Томления весны» (15 стихотворений, среди них стихотворение об А. М. Добролюбове, озаглавленное «Одному из декадентов»). Одно стихотворение Блока «Белые ночи» («С каждой весною пути мои круче») помещено в конце альманаха.

³ Одна из трех драм, составивших сб. «Лирические драмы» (см. п. 7, прим. 1).

⁴ В. С. Миролюбов находился за границей с марта 1908 г. по март 1913 г. Его переписка с Ключевым, относящаяся к этому периоду, не обнаружена.

⁵ После освобождения из тюрьмы (в июле 1906 г.) и вплоть до 1917 г. Ключев находился под наблюдением местных властей, что в частности заставляло его с осторожностью вести свою переписку. Это и было главной причиной, вынудившей Ключева обратиться к Блоку с просьбой о посредничестве между ним и В. С. Миролюбовым. В одном из писем к А. А. Измайлову (письмо не датировано; судя по содержанию — январь 1915 г.) Ключев рассказывает: «Почтовое отделение от меня далеко, письма идут через волостное правление, а там много всякого любопытствующего начальства, у которого я на дурном счету, — так что Ваше письмо, верно, попало Попу или Уряднику, а не то и самому Становому» (ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 147, л. 12).

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

ЛИРИЧЕСКІЯ ДРАМЫ.

БАЛАГАНЧИКЪ.
КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ.
НЕЗНАКОМКА.

МУЗЫКА КЪ БАЛАГАНЧИКУ*.

М. А. КУЗМИНА.

ОБЛОЖКА РАБОТЫ К. А. СОМОВА.

Изд. „ШИПОВНИКЪ“ С.ПБ.
1908.

Николаю Николу

съ праткуван тр думи.

Александру Блоку

2 юни 1908.

СПБ.

БЛОК. «ЛИРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ». СПБ., 1908 С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Н. А. КЛЮЕВУ
ОТ 2 ИЮНЯ 1908 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

* В. С. Миролубов.

7 Имеется в виду п. 5.

8 Далее зачеркнуто слово «крещеных».

9

〈Дер. Желвачева, 1 сентября 1908 г.〉

Дорогой Александр Александрович.

Что слышно про мои стихи из «Золотого руна» — собираюсь вскорости при-
слать Вам еще много. Простите, что утруждаю Вас, напишите мне, что и как?
Напишите, как Вам нравится эта статья? ¹ Меня она очень заботит. О получе-
нии этого письма тоже прошу известить вскорости.

Датируется по связи с п. 10.

¹ Это письмо (точнее, записка на клочке бумаги) было приложено к большой, только что
написанной Ключевым статье «С родного берега». Заказное письмо было, по всей видимости,
отправлено Блоку в Петербург и оттуда переслано ему в Шахматово. Статья Ключева глубоко
потрясла Блока. «Если бы ты знал, какое письмо было на днях от Ключева (...). Это — доку-
мент огромной важности (о современной России — народной, конечно), который еще и еще ут-
верждает меня в моих заветных думах и надеждах», — писал Блок Е. П. Иванову 13 сентября
1908 г. (VIII, 252). Прежде чем отправить статью во Францию, Блок собственноручно пере-
писал ее. (На первом листе копии сверху — приписка рукой Блока: «Получ(ил) 11/IX08.
Шахм(атово)»). Несколько отрывков из нее были затем приведены Блоком в его статье «Сти-
хия и культура», написанной в конце 1908 г. Полный текст статьи см. в публикации К. М.
Азадовского «Олонекская деревня после первой русской революции» в кн.: «Социальный про-
тест в народной поэзии» («Русский фольклор», XV). Л., 1975, с. 200—209.

10

〈Дер. Желвачева, середина сентября 1908 г.〉

Здравствуй, дорогой Александр Александрович. Много Вам кланяюсь и
желаю от Господа — блага и Духа осенителя — мира душевного. Воспевать

красоту наружную — не обходя незримого, в мудрейшей воле пребывающего. 1 сентября послал Вам письмо для В<иктора> С<ергеевича> М<ироплюбова> и со страхом и трепетом дожидаю, что он скажет. Не хотелось бы мне брать на себя ничего подобного, так я чувствую себя лживым, порочным — не могущим и не достойным говорить от народа. Одно только и утешает меня, что черпаю я все из души моей, — все, о чем я плачу и воздыхаю, и всегда стараюсь руководиться только сердцем, не надеясь на убогий свой разум-обольститель. Всегда стою на часах души моей, и если что и лгу, то лгу бессознательно — по несовершенству и греховности своим. О простите меня, все дорогие мои! Я не виноват, виновен кто-то другой от меня. Простите за утруждение, сообщите, какие из этих стихов годны¹. Некоторые я, кажется, уже посылал Вам, теперь — в переделанном виде². Что слышно из «Золотого руна» и какие три стихотворения Вы послали в него³. Жадно, нетерпеливо жду ответ!

Еще раз — мир Вам.

Адрес прежний.

Любящий Вас Н. К л ю е в

Песня девушки

В красовитый летний праздничек,
На раскат-широкой улице,
Будет гульное гуляньице,
Пир-мирское столованьице.
Как у девушек-согревушек
Будут поднизи плетеные,
Сарафаны золоченые.
У дородных добрых молодцев,
Мигачей и залихватчиков,
Перелетных зорких кречетов,
Будут шапки с кистью до уха,
Опояски соловецкие
Из семи шелков плетеные.
Только я млада о гульбище
Выйду в гуне — старой ребуше,
Нищим лыком опоясана.
Сгломоятся красны девушки —
Белолицые согревушки,
Как от тóропа повального
Отшатятся на сторонущку.
Парни ражие удалые
За куветы встанут талые,
Притулятся на завалины
Старики, ребята малые —
Диво дивное увидючи,
Промежду себя толкуючи:
Чья здесь ведьма захудалая
Ходит в землю носом клюючи.
Уж не горе ли голодное,
Лихо злое, подколенное,
Забегало частой раской,
Кóрбой темною, дремучею,
Через лягу — грязь топочую
Во селенье домовитое,
На гулянье красовитое?
У нас время не догуляно,
Зелено вино не допито,
Молодцы не доцелованы,

Запотаи не долюбованы,
Сладки пряники не съедены,
Серебрушки не доменяны.
Тут я голосом, как молотом,
Выбью звонны колокольные!
Не дарите меня золотом,
Только слушайте, крещенные!
Мне не спалось ночью синею,
Перед Спасовой заутреней.
Вышла к озеру по инею,
По росе медвяной, утренней.
Стала озеро выпрашивать,
Оно стало мне рассказывать
Тайну тихую поддонную —
Про святую Русь — крещеную.
От озерной прибауточки —
Водяной, потайной басенки,
Понабережье насупилось,
Пеной-саваном окуталось.
Тучка сизая заплакала —
Слезным бисером прокапала,
Рыба в заводях повытухла,
На лугах трава повызябла.
Я поведаю на гульбище
Праздничанам-залихватчикам,
Что мне виделось в озерышке,
Во глуби, на самом донышке.
Из конца в конец я видела
Царство белое кручинное
Все столбами огорожено.
Меж столбов бруссы дубовые —
Поперечины положены,
Петли новые, пеньковые
Хомутами заморожены.
Кто завечен Свету Белому,
Доброрадью человечьему,
Кто в пустыне верным пастырем,
На земле смиренным пахарем,

В темну ночь оборонителем,
 Во миру честном рачителем,
 Молит Солнышко тихошенько,
 Чтоб пекло оно теплешенько,
 Чтобы малому и старому
 Была жира приволожная,
 Чтоб ни тварь в лесу голодная,
 Ни гадюка подколодная,
 Не кусали и не жалили,
 А Свят Духа Бога славили,
 Тот головушку безвинную
 Залагает во петелочку,

И казнят его без милости
 Палачи немилосердные.
 Оттого в заветный праздничек
 На широкое гуляньице,
 Выйду я млада непутную,
 Встану вóтдаль неславутною,
 Как кручинная крушинушка,
 Та пугливая осинушка,
 Что шумит-поет по осени
 Песню жалкую, свирельную,
 Ронит листья-слезы желтые
 На могилу безыменную ⁴.

О с е н н я я с к а з к а

Сдивовалось дивушко,
 Бедушка стряслась.
 Горькая осинушка
 Кровью изошлась.
 Полымем разубрана,
 Вся красным-красна,
 Может быть, подрублена
 Топором она.
 Может, червоточина
 Гложет сердце ей.
 Черная проточина
 Въелась меж корней.
 Облака по просини
 Крутятся в кольцо...
 От кручинной осени
 Вянет деревцо.

Не узнать без знахаря
 Тяготу обид...
 Труп кровавый пахаря
 В полюшке лежит.
 С заунывным шорохом
 Стелется трава,
 И ружейным порохом
 Пахнет синева.
 Кутает долинушку
 Заревой багрец...
 Видела осинушка
 Пахаря конец.
 И горючей жалостью
 В сердце пронзена
 До корней кровавостью
 Изошлась она ⁵.

Сентябрь <1908 г.>

Датируется по содержанию и на основании помет Блока в «Записной книжке» 21 и 28 сентября: «Письма Ключева» (ЗК, 114—115).

¹ К данному письму было приложено пять стихотворений: «Я говорил тебе о боге» (над стихотворением — надпись: «Посвящается Л. Д. Семенову»), «Любови начало было летом» (с припиской в конце стихотворения: «Сентябрь 1908»), «Песня девушки» («В красовитый летний праздничек»), «Песня о Царе-Соколе и о трех птицах божьих» и «Осенняя сказка». После стихотворения «Я говорил тебе о боге» — приписка, сделанная Ключевым: «Адрес. Станция Маринская. Олонецкой губ(ернии), Вытегорского уез(да), деревня Желвачева».

Первые два стихотворения были напечатаны в журнале «Золотое руно», 1908, № 10, с. 25—26. К каждому из них рукой Блока (красным карандашом) сделана приписка: «Зол(отое) Руно, 1908, № 10». Рядом со стихотворением «Я говорил тебе о боге» зачеркнуто несколько слов, написанных рукой Блока (красным карандашом); можно разобрать: «20.X.08. Моск(ов-ский) журнал».

Стихотворение «Песня о Царе-Соколе и о трех птицах божьих» Блок отправил в петербургский журнал «Бодрое слово», в котором он тогда сотрудничал (приписка рукой Блока: «Посл(ал) 24 II <т. е. 24 февраля 1909 г.> в „Бодрое слово“»). Озаглавленное «Песня о Соколе и о трех птицах божьих», это стихотворение было напечатано в «Бодром слове» (1909, № 7, апрель, с. 1—6); печатный текст почти полностью совпадает с рукописным (См. также п. 19, прим. 1).

«Песня о Соколе и о трех птицах божьих» была затем помещена Ключевым в журнале «Новая земля» (1911, № 21, июль, с. 10—11) и включена в первое издание сб. «Сосен перезвон»; позднее (с изменениями в тексте) напечатана в «Лесных былях» и (с новыми изменениями) в «Песнослов» и в сб. «Медный кит».

² Имеются в виду стихотворения «Я говорил тебе о боге» и «Любови начало было летом», находящиеся среди стихотворений, которые Ключев отправил Блоку вместе с п. 2. Три из них были позднее (видимо, летом 1908 г.) посланы Блоком в «Золотое руно». Поскольку опубликованный текст полностью совпадает с текстом автографов, приложенных к данному пись-

той плитой, покрытой пестрыми письменами, затейливо фигурными знаками далекой, неизвестной руки, в которых нужно разбираться с тихостью сердца и с негордостью духа. Я не умею читать книгу с пеной у рта, и если вижу в написанном много личной гордости, сомнения, то всегда смотрю на это, как путник на развалины Ниневии: «Вот, мол, было царство и величие и слава, а стал песок попираемый»¹. «Нечаянная радость» веет тихой мудростью, иногда грешной, и, видимо, присущей Вам острой страстью, умно прикрытой рыцарским обожанием «к прекрасной», кой-где сытым, комнатным благодушием, чаще городом, где идешь, и все мимолетно², где глухо и преступно, где господином чувствует себя только богач, а несчастных, просящих хлеба, никому не жаль³, изредка — самомнительным, грубо-балаганным фокусом. «Нечаянная радость» — калейдоскоп, где пестрые камешки вымысла, под циркуль и наугольник, кропотливой работой расположены в эффектный узор, быстро вспыхивающий и еще мгновеннее угасающий. Отдаленная, уплывающая в пьяный сумрак городских улиц⁴ музыка продюгшего, бездомного актерского оркестра, скрашенная двумя-тремя аккордами псалтири. Уличная шарманка с сиротливой птичкой, вынимающей за пятак розовый билетик счастья, с хозяином полумужчиной, с невозможной⁵ похотью в глазах, с жаждой встречи с вольной девой в огненном плаще⁶, который играет и поет только для того, чтобы слушали⁷. Я недоумеваю, за что бранили меня⁸ публицисты, когда я высказал Вам впечатление, оставшееся от чтения этой книги, по бумажной ли привычке лаяться, по подозрению ли Вас в рекламе (хотя я не знаю, что было рекламного в моих словах) или по брезгливому представлению о нашей серости, по барскому отношению к простому человеку... Бог с ними и с публицистами, не для них я пишу Вам, но обидно, что люди, считающие себя лучшими в царствии, светом родной земли, духовно не выше публики, выведенной в «Царе Голоде» в картине «Суд над голодными»⁹, родственны с нею во взглядах на крестьянина: «оно говорит...», «оно не понимает...», «в таких случаях нужен, казалось...» Отчего милостивые господа хохочут? — спрашиваю я у них.

Отлил пулю помещик Энгельгард, что народ фефёла¹⁰ — ему есть вера. Скажу я, что Ваши стихи красивы, — «господа» публицисты догадываются: «Верно Блок дал на сороковку». Мне чувствуется, что отношения людей литературы умышленно нелепы и лживы. Литературные судьи, как и уголовные, избравшие своей эмблемой виселицу, служат смерти, осуждают во имя дьявола, а не во имя Духа истины, а потому и дела рук их ни на волос не устраниют лжи жизни — безобразия отношений человеческих, а прекрасному даже вредят, потому что оно всегда робкое, по каплям нарождающееся.

Нечто по каплям уроденное вижу я и в новой книге «Земля в снегу» — молитвенное пенье предвесенних ласковых капель, борьбу тела с духом. Земля в снегу... Небо как голубой далекий брат¹¹, чуть слышны колокола¹², над равниной бело и смертно¹³, как тонкий сон надвигается и кутает безбрежной тишиной «предчувствуемое». Что оно? Задумчивая ли голубоокая Мэри¹⁴, легковейная ли весна¹⁵, палач ли, вобьющий в ладонь роковой гвоздь¹⁶, да свершится «последнее» — перед ликом Родины суровой закачается на кресте завершительная жертва¹⁷. Земля в снегу — символ голубиной чистоты и Духа высоты, но старый грех, каранирная <?> мусорность жизни, уродливой изначала, изъязвили целомудренный белый покров бурыми, как сукровица, проталинами «культурной» страсти, за которой, несмотря на пышный художественный альков, настойчиво маячит мертвый, провалившийся рот¹⁸. Смертная ложь нашего интеллигента это, как мне кажется, не присущее ему по Духу вавилонское отношение к женщине. Многие стихи из Вашей книги похабны по существу, хотя наружно и прекрасны — сладкий яд в золотой, тонкой чеканки чаше, но кто вкусит от нее? Питье усохнет, золотой потир треснет, выветрится и станет прахом. Смело кричу Вам: не наполняйте чашу Духа своего трупным ядом самоуслаждения собственным я — я!

В общем «Земля в снегу» проще «Нечаянной радости», меньше веет городом, а по заголовкам и выпискам из прошлых поэтов знакомее при чтении. Но вы-

писки почти над каждым стихом как будто выдают тайную робость перед чужим суждением¹⁹. (Прикрываться авторитетом — мудрый прием рецидивиста²⁰, указывающего судье на Англию как на оправдание своих дел). Отдел «Вольные мысли» — мысли барина-дачника, гуляющего, пьющего, стреляющего за девочками «для разнообразия» и вообще «отдыхающего» на лоне природы. Никому это не нужно, кроме Чулкова, коему посвящены эти «Мысли».

Милы и родны стихи: «В этот серый, летний вечер...», «Русь» (без строчки «И ведьмы тешатся с чертями»), «Мы встретились с тобою в храме», «Осенняя любовь», «Прошли года», «О несказанном», «Я насадил мой светлый рай», «Колдунья», «Инок», «В четырех стенах», — принимаю — старые мысли в них — первые четыре и шестой стихи. «Прости»²¹.

Стихотворения «Песельник», «Пляска» — балаганные прищелкивания про Таньку и Ваньку.

Я читал их на беседе (посиделке), девки долго смеялись над словом «лови лесной туман косой»²², а в «Пляске» слово «лютики» будто с того света свалилось²³, незнакомое, уродливое, смешное, как барыня в буклях, с лорнетом и в плиссе, попавшая в развеселый девичий хоровод, где добры молодцы — белы кречеты, красны девушки — што малинушка. Я не упоминаю про внешность стихов, потому что не придаю ей, кроме музыкального, никакого значения.

Земля в снегу... Верю, что будет весна, найдет душа свет солнца правды, обретет великое «Настоящее», а пока надтреснутый колокол пусть звенит и поет и вместе с выгой, лесными тропами и оврагами, на огни родных изб несется звон его — вспыхивает, как ивановский червячок в сумерках человеческих душ, отчего длиннее и кручиннее становится заповочка, крепче думушка сухотная неотпадная, голее горюшко голое, ярче и больнее ненависть зеленоглазая, изначальная ярость Земли-матери, придавленной снегами до часа и дня урочного²⁴.

Что Вы думаете про такое стихотворство, как моя «Песня о царе соколе и о трех птицах Божиих»? Можно ли так писать — не наивно ли, не смешно ли²⁵? Если пожелаете, то опубликуйте это письмо²⁶, а потом пришлите мне газету. Простите, если что неладно — не огорчайтесь, мне так жалко с Вами расстаться. Буду ждать ответа — мир Вам — Н. К л ю б в.

Датируется на основании письма Блока к матери от 2 ноября 1908 г.: «Всего важнее для меня — то, что Ключев написал мне длинное письмо о „Земле в снегу“, где упрекает меня в интеллигентской порнографии (не за всю книгу, конечно, но например, за „Вольные мысли“)» (VIII, 258).

¹ Ниневия — древний город в Северной Месопотамии, разрушенный мидийцами в 612 г. до н. э. Неоднократно упоминается в Ветхом Завете (см. напр.: Книга пророка Наума, Книга пророка Софонии, 2, 13—15 и др.).

² Вольно процитированная Ключевым первая строка стихотворения «Иду — и все мимо-летно» (сб. «Нечаянная радость»).

³ Перифраз двух строк из стихотворения Блока «Еще прекрасно серое небо»: «Еще несчастных, просящих хлеба/Никому не жаль, никому не жаль!» (сб. «Нечаянная радость»).

⁴ Перифраз строки «Уплываешь ты в сумрак снеговой» из стихотворения Блока «Там в ночной завывающей выгоде» (сб. «Нечаянная радость»).

⁵ Рукou Блока исправлено: «Не возмужавшей».

⁶ «Вольная дева в огненном плаще» — строка из стихотворения Блока «Иду — и все мимо-летно» (сб. «Нечаянная радость»).

⁷ Далее зачеркнуто одно слово.

⁸ Далее зачеркнуто: «и Вас».

⁹ «Царь Голод» — драма Л. Андреева (1908) — своеобразный отклик на события первой русской революции. Третья картина драмы называется «Суд над голодными». Появление одного из голодных, символизирующего все крестьянство, сопровождается следующими репликами из зала, где расположились «сытые»: «Оно, быть может, кусается», «оно кланяется», «оно не понимает» и т. п. «Отчего милостивые господа хохочут?» — спрашивает голодный. На это следует ответ: «Это не твое дело, голодный. Ты этого не поймешь. Ты что сделал, голодный?» — «Мы убили дьявола», — отвечают крестьяне; последние слова послужили Ключеву эпиграфом к статье «С родного берега».

¹⁰ Имеется в виду статья публициста М. А. Энгельгардта «Без выхода», опубликованная в либеральной петербургской газете «Свободные мысли» (1908, № 35, 7 января, с. 1—2). Объясняя поражение русской революции бессилием и слабостью русского народа, Энгель-

гардт безапелляционно называл его «фефёлой». Одним из откликов на статью Энгельгардта была напечатанная в журнале «Наш журнал» (1908, № 1, с. 62—63) анонимная заметка «В черные дни. (Из письма крестьянина)», автором которой был Клюев. (Обоснование авторства Клюева дается в статье «Раннее творчество Н. А. Клюева», с. 200—204).

¹¹ Перифраз нескольких строк стихотворения «Я в четырех стенах — убитый» (сб. «Земля в снегу»). У Блока: «А в небе — золотом расшитый/Наряд бледнеет голубой. Как сладко, и светло, и больно./Мой голубой далекий брат» и т. д.).

¹² Строка из стихотворения «О нескazanном» (сб. «Земля в снегу»).

¹³ Контаминация образов «снежной равнины» и «белой смерти», характерных для сб. «Земля в снегу» (см. прежде всего циклы «Снежная маска», «Закрытие огнем и мраком»).

¹⁴ Слова из стихотворения «Нет имени тебе, мой дальний» (сб. «Земля в снегу»).

¹⁵ Слова из стихотворения «В синем небе, в темной глубине». Это стихотворение, наряду с предыдущим («Нет имени тебе, мой дальний»), вошло в состав цикла «Мэри» (сб. «Земля в снегу»).

¹⁶ Перифраз двух строк из стихотворения «Когда в листе сырой и ржавой» (сб. «Земля в снегу»; цикл «Осенняя любовь»). У Блока: «Когда палач рукой костлявой/Вобьет в ладонь последний гвоздь».

¹⁷ Перифраз двух строк из того же стихотворения. У Блока: «Пред ликом родины суровой Я закачаюсь на кресте».

Мотив жертвы (точнее — революционной жертвы), непосредственно соотносящийся с образом Христа, станет одним из ведущих в творчестве Клюева 1909—1911 г. Вполне вероятно, что именно строки блоковского стихотворения «Когда в листе сырой и ржавой» вдохновили Клюева на создание ряда стихотворений о революционере-мученике. Уже в приложении к следующему письму Клюев присылает Блоку несколько произведений такого рода («Завещание», «И опять я мудро весел», «Под вечер»). Следует также подчеркнуть, что «голгофская» тема в поэзии Блока и Клюева — продолжение и развитие определенной традиции, уже существовавшей в русском революционно-гражданском искусстве. «Сочетание богоборческого (или атеистического) и антиклерикального пафоса с апологией Христа, понимаемого как жертвующий собой за народное дело революционер — характерная черта революционной и демократической культуры XIX в., — пишет З. Г. Минц в кн.: «Лирика Александра Блока. Вып. 3. Александр Блок и традиции русской демократической литературы XIX века» (Тарту, 1973, с. 99).

¹⁸ Вольно цитируемая Клюевым последняя строка стихотворения «Не пришел на свиданье» (сб. «Земля в снегу»). У Блока: «Провалился мертвый рот».

¹⁹ Значительная часть стихотворений сб. «Земля в снегу» имела эпиграфы, заимствованные из произведений самых различных авторов (Платон, Гейне, Ибсен, Лермонтов, Тютчев, Фет, Ап. Григорьев, Вл. Соловьев, Л. Андреев, С. Городецкий и др.). В последующих изданиях Блок отказался от большинства эпиграфов, а также снял или изменил многие названия.

²⁰ В подлиннике: рецепдивиста.

²¹ Заголовки и первые строки стихотворений сб. «Земля в снегу» («В этот серый летний вечер» — первая строка стихотворения «Цыганка»; «Мы встретились с тобою в храме» — первая строка стихотворения «Холодный день»; «Осенняя любовь» — цикл, состоящий из трех стихотворений; «Я насадил мой светлый рай» — второе стихотворение из цикла «Сын и мать»).

²² Неточно цитируемая Клюевым строка из стихотворения «Песельник». У Блока: «Эй, девка, собирай лесной туман косой!» В «Собрании стихотворений» (1911—1912) «Песельник» отсутствует.

²³ Клюев имеет в виду следующие строки из стихотворения «Пляска»: «Эй, желтенькие лютики,/Весенние цветки!» В «Собрании стихотворений» вошло без заглавия.

О различном понимании фольклора у Блока и Клюева пишет В. Г. Базанов, сопоставляя в частности блоковскую «Пляску» и клюевскую «Плясею» (В. Б а з а н о в. Олонекский крестьянин и петербургский поэт. — «Север», 1978, № 8, с. 106—108).

²⁴ Клюев использует в этом отрывке слова и образы из блоковского предисловия к сб. «Земля в снегу». У Блока: «Надреснутый колокол мерно качается и поет серебряным голосом (...) Я знаю сам страны света, звуки сердца, лесные тропинки, глухие овраги, огни в избах моей родины (...) И снега, застилающие землю — перед весной» и т. п.

²⁵ См. п. 10, прим. 1. Вопрос Клюева не случаен. Это стихотворение (как и несколько других, ему родственных) знаменует собой начало нового «лиро-эпического» этапа в его поэтическом творчестве (см. подробнее: «Раннее творчество Н. А. Клюева», с. 211—212).

²⁶ Блок действительно предполагал напечатать это письмо Клюева. «Письмо его вообще опять настолько важно, что я, кажется, опубликую его», — сообщал он матери 2 ноября 1908 г. (VIII, 258). Публикация не состоялась, однако раздумья над этим письмом Клюева отражены в письме Блока к матери от 5—6 ноября 1908 г. и в докладе «Россия и интеллигенция», прочитанном 13 декабря 1908 г. в Религиозно-философском обществе (см. прим. М. И. Дикман к письму Блока от 5—6 ноября 1908 г. — VIII, 594).

Простите, Бога ради, дорогой Александр Александрович, за мое письмо. Быть может, я холодно отнесся к тому, что требует теплоты, благоговения, про-

Н. Клюев.
1912.
Москва.
Народный поэт
поэт.

Н. А. КЛЮЕВ

Фотография из альбома Н. М. Гариной с ее надписью: «Н. Клюев, 1912 г., Москва. Народный поэт»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

никновенного внимания. Простите меня, не омрачайте своих образов моей грубостью, ибо Вы истинны в «своей» правде, без которой Вы не художник, и только теперь я так больно почувствовал это. Я так тоскую, что не могу всего высказать Вам, ибо многое не укладывается в буквы, но я знаю, Вы бы поняли меня на словах и были бы светлы. Не знаю, что писать в «Русскую мысль»¹, я ничего из новых писателей не читал, кроме «Трудового пути», Ваших книг да «Царя Голода»; газет я тоже не читаю, разве когда в городе в чайной почитаешь «Свет»².

Получил из Москвы, Скатертный переулок, дом 13, кв. 21 денег за стихи 3 рубля 15 копеек, но не знаю, из Золотого ли руна они или нет, получал их отец и не посмотрел перевод, а на отрезном купоне журнального имени не прописано, а только адрес с изображением лебедя³.

Посылаю В<иктору> С<ергеевичу> М<иролюбову> эту рукопись. Стихотворение «Ты разлюбила»⁴ он хвалил, но не успел поместить, а потому присылаю его Вам снова. Извините за беспокойство, за мою навязчивость. Быть может, все скоро отойдет от меня.

Мир Вам и свет.

<Приписка к стихотворению «Победителям»⁵> В «Русскую мысль» — думаю писать — и про литературу, но только сколько знаю, а так в общем могу написать свои мысли⁶. Как Вам кажутся эти стихи⁷. Не помню, были ли они Вам присланы. «Возвращение»⁸ — переделано.

<Приписка к стихотворению «Зимняя сказка»⁹> «Слово»¹⁰ нужно отдельным листом и ни отнюдь иначе. Так передайте ему.

<Приписка к стихотворению «Под вечер»¹¹> Еще раз напоминаю Вам, что

если стоит, то опубликуйте мое письмо без урезок. В<иктору> С<ергеевичу> собираюсь писать. Не огорчайтесь, если что не ладно, прошу Вас. Я всегда боюсь за свои слова, все кажется плохо и не так. Буду ждать ответ. Привет и мир Вам. Любящий Вас Н. К. Адрес старый.

*

Прошли те времена, когда неліцемерно
Мы верили с тобой в божественность небес,
На звездную лазурь взирая суеверно
В предчувствии святых несбыточных чудес.
Без чуда небеса, поблекнув, отсияли,
Души не озарил полночный звездопад,
Украшенный чертог безумно мы искали,
А обрели тюрьму и мрачный каземат.

Безвинною четой, подвергнуты изгнанию,
 В краю, где гаснет жизнь в пустынной тишине,
 Не верим больше мы обманному сиянью
 Созвездий золотых, горящих в вышине.
 Сосновый дымный сруб, занесенный метелью,
 Для нас стал алтарем таинственно-святым,
 Где зажигает сны над снежною постелью,
 Как звезды в небесах, незримый херувим ¹².

*

Ты разлюбила мир иконы,
 Мерцанье кроткое лампад,
 Собора белые колонны
 И монастырский старый сад.
 С тоской глубокою во взгляде,
 Лицом девически светла,
 В старинном клетчатом наряде
 Ты в город каменный пришла.
 Гуляешь ночью до рассвета,
 А днем усталая сидишь,
 И перья смятого берета
 Иглою неловкою чинишь.
 Такая хрупко испытая
 Рассветным кажешься ты днем,
Моя квартира холостая
Пропахла пудрой и бельем.

По ней слоняешься небрежно
 Ты вечерами без огня,
 Зовет и тянет неудержно
 Соблазном улица тебя.
 Томит загадкою красивой,
 Сулит грядущее простить,
 И ты уходишь торопливо,
 Боясь мгновенье упустить.
 А утром смотришь богаделкой
 Так виновато глубоко,
Берет с кричащею отделкой
Забросив в угол далеко.
 Сидишь убито, чуть не плача,
 Потупив судорожный взгляд...
Тебя постигла неудача:
Из моды вышел твой наряд ¹³.

В о з в р а щ е н и е

Посв. Леониду Семенову

Помню я обедню строгую,
 Позолоту царских врат,
 Свитый млечною дорогою
 Ряд мерцающих лампад.
 Солею, ковром покрытую,
 Тени синие углов,
 Над толпою, тесно сбитою,
 Тяжкий гул колоколов.
 Опьяненный перезвонами,
 Гулом четко золотым,
 Дал обет я пред иконами
 Стать блаженным и святым.
 Но в ответ мольбе медлительной
 Помню: с выси голубой
 Голос ясно повелительный
 Мне ответил: Ты не мой.
 С той поры я тенью серою
 По земле скитаться стал,

И уж больше с детской верою
 Откровенья не искал.
 Минул срок грехопадению,
 И посланец горних сил
 К позабытому смирению
 Нечестивца возвратил.
 Был он белый и сияющий
 С ветвью райскою в руке,
 Перед ним, спасенья чающий,
 Преклонился я в тоске.
 И услышал уходящие
 В вечность темную года,
 Разгадал слова горящие
 В книге жизни и суда.
 Знаки замысла предвечного
 Зодиака и креста,
 И на диске солнца млечного
 Лик прощающий Христа.

*

Все напевней и благостней звоны,
 Колокольные выси темней.
 Выходи на вечерние склоны
 Убаканых звоном полей.
 Омрачаются дымкою ночи
 В небесах заревые цветы,
 Надвратного ангела кротче

Пред иконой склонилася ты.
 Помолись о сияющем лете,
 О светилах в пространстве ночном,
 Обо всех, кто томится на свете
 Одиноким во мраке глухом.
 Помолись о безбурных возвратах
 Моряков в океанах седых,

Об угасших в сырых казематах,
Неоплаканных, юных, святых.
Отлетят лебединые зори,

Мрак и вьюги на землю сойдут,
И на тлеюще-дымном просторе
Безнадежно молитвы замрут¹⁴.

*

И опять я мудро весел,
Синеок, как глубь озер.
На сафьяне старых кресел
Тот же дремлющий узор.
Те же ветхие обои
Догорают в тишине,
Но в беззвучности покоя
Роковое мнится мне.
Поцелуй и шопот клятвы,
Умереть и жить любя,—
Накануне судной жатвы

В Отчем Царствии последний,
На земле полусвятой?
И не станет ли, как тучке,
Мне родною синева...
На терновника колючке
Кровь — заметная едва.
Кто прошел стезею правой,
Не сомкнув хвалебных уст...
Шелестит листвою ржавой
За окном мерновыи куст:
Чтоб на Божьем аналое
Сокровенное читать,
Надо тело восковое
На заклание отдать¹⁵.

Побелевшие поля.
Кто я? Кто я невечерний,
Не рассветный, не дневной,

П л о в е ц

Нужны цари из Истинного Града,
Умеющие Башню различать.

Д а н т е

Посвящается А. Блоку

В страну пророков и царей
Я челн измученный направил
И на безбрежности морей
Творца Всевидающего славил.
Рукою благостной Господь
Развеял сумрак непогодный
И дал мне светлую милоть
И пояс, радуге подобный.
Молниевиден стал мой лик
И ясновидящ взор туманный,
Прозрев за далью материк
Земли, пловцу обетованной...

Но сон угас, как зори мая,
Надводным холодом дыша,
И с той поры о дивном крае
Томится падшая душа.
Ей снятся солнечные стены
Нерукотворных городов,
И в ледяном мерцаньи пены
Сиянье чудится венцов.
Как будто в сумраке далече,
За гранью стынувшей зари,
Пловцу отважному навстречу
Идут пророки и цари¹⁶.

П е с н я о м е р т в о м ж е н и х е

Вы не пойте, вихри звонкие,
Не шумите, буйнокрылые,
Не клоните низко маковку
У надрубленной березыньки.
Та березка белокожая,
Деревинка не ядреная,
До сырой земли наклонится,
Как былинка переломится.
Ой не меть, стрелок, в лебедушку,
Не кровавь стрелой озерышка,
Порази каленовострою
Птицу-ворона могильного.
Ой ты, солнце огнеокое,
Надосветное, высокое,
Не рони закатна золота

Во озерышко глубокое —
Не пугай сорогу малую,
Водяницу пододонную,
Не мани улыбкой алою
За туманность небосклонную.
Дай излить, золотиликое,
Горе девичье великое...
Мое горе — медный колокол,
Непогодю надколотый:
Стриж летит над колокольнею,
Канет ласточка касатая —
Стонет медь позеленевшая,
Больно крыльями задетая.
Так и слухами уколото
Запевае песню горюшко,

И звенит она, как золото,
Разливается, как морюшко.
То приветна, то суровая
Быль-кручина ладословая.
Петухи поют дворцовое,
Пташки жубруют садовое,
Кличут-чивкают зазнобушек,
Коноплянников-воробушек.
Только мне, неприголубленной,
Кликать некого в окошечко,
Во светлице новорубленной
Одинокой тяжелешенько.
Не проедет по поддконью
Богосуженный с гармоникой,
Не зажжет звонкоголосую
На лице зарю малинову.
Ты пошто, гармонь звончатая,
До поры обезголосилась —
Не допела, не дославила
Жизнь-кручину молодецкую.

Стародавняя кручинушка,
Как угрюмая крапивушка,
Затомила сердце ясное
У удалого детинушки.
Выжгла очи соколиные,
Красён жар с лица повывела,
Довела головку буйну
До брусовой перекладины.
Так не вейтесь, вихри звонкие,
Вкруг стекольчата окошечка,
Полетайте, скорокрылые,
На распутия святорусские.
Пойте в ельниках малиновкой,
Плачьте чайкой над озерами,
Разливайтесь колокольчиком
Над окольею дороженькой.
Чтоб голубке норовилось,
Сизу-голубю любилось,
Старцу ветхому, преклонному
По писанию молилося¹⁷.

Датируется по содержанию.

¹ Из последующих писем (п. 14 и 16) явствует, что в ноябре 1909 г. Блок просил Ключева написать для «Русской мысли» статью о современной русской литературе. Вопрос об участии Ключева в только что реорганизованной «Русской мысли» Блок, без сомнения, согласовал с Д. С. Мережковским, который с 1909 г. возглавил беллетристический отдел журнала. «Мы, действительно, вошли в «Русск(ую) Мысль» как заведующие литер(атурным) и литер(атурно)-критич(еским) отделом, должны теперь готовить книжку к 1 января» — сообщала З. Н. Гиппиус А. Белому 30 октября 1908 г. из Петербурга (ГБЛ, ф. 25, карт. 14, ед. хр. 6, л. 68).

Знакомый с несколькими статьями Ключева (в том числе и с теми, которые до настоящего времени не обнаружены), Блок, несомненно, высоко ценил публицистические выступления олонечного поэта. В одном из несохранившихся писем к И. П. Брихичеву Блок сообщал: «Ключев пишет в прозе очень замечательные вещи. Но... если просить у него статьи, он сейчас же сошлется по скромности на малограмотность и малокнижность» (цит. по статье И. Брихичева «Северное сияние», опубликованной в газете «Руль», 1912, № 355, 18 июня; в статье приведены выдержки из неизвестных ныне писем Блока к И. П. Брихичеву). Предлагая редакции «Русской мысли» своего олонечного корреспондента в качестве автора, Блок, возможно, рассчитывал на то, что Ключев — в духе своих статей и писем того времени — подвергнет резкой критике «город» и «интеллигентскую» культуру с позиций «народа».

² «Свет» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, крайне националистическая по своему направлению; издавалась в Петербурге в 1882—1916 гг. Благодаря дешевизне газета имела огромное распространение.

³ Судя по адресу, названному Ключевым, денежный перевод был получен им из московского журнала «Лебедь», который издавался с ноября 1908 г. по апрель 1909 г. Блок был одним из сотрудников этого журнала и печатался в нем. 10 ноября 1908 г. он, как указывалось выше (см. п. 10, прим 4), послал в «Лебедь» стихотворение Ключева «Осенняя сказка». Однако ни «Осенняя сказка», ни другие произведения Ключева в журнале «Лебедь» не появились.

⁴ Имеется в виду стихотворение «Ты разлюбила мир иконы», которое затем, полностью переделанное и озаглавленное «Грешница», было опубликовано в журнале «Новая земля» (1911, № 19, июль, с. 14—15); под тем же названием вошло в первое издание сб. «Сосен перезвон» и (без заглавия) — во второе («Бледна, со взором полным боли»). В «Песнословие» — без заглавия и в измененном виде («За лебединой белой долей»).

⁵ Стихотворение «Победителям» («Свое вы счастье проклянете») опубликовано в статье «Раннее творчество Н. А. Ключева» (с. 204—205) с автографа, хранящегося в архиве В. Я. Брюсова. Рукописный текст в архиве Блока имеет помету, сделанную его рукой: «Послал 17/II Слушай земля» т. е. данное стихотворение было послано им 17 февраля 1909 г. в царипынский журнал «Слушай земля», где оно, однако, опубликовано не было.

⁶ Насколько можно судить по последующим письмам Ключева к Блоку (см. п. 14 и 16), статья для «Русской мысли» так и не была им написана.

⁷ В данном письме Ключев прислал Блоку 13 стихотворений: «Прошли те времена, когда нелицемерно», «Ты разлюбила мир иконы», «Возвращение», «Победителям», «Все напевней и благодней звоны», «И опять я мудр и весел», «Пловец», «Завещание», «Зимняя сказка», «Из книги Откровения», «Горние звезды, как росы», «Песня о мертвом женихе» и «Под вечер».

Шесть стихотворений в настоящей публикации не воспроизводятся. О стихотворениях «Победителям», «Зимняя сказка» и «Под вечер» см. соответствующие примечания к данному

письму. Стихотворение «Завещание» впервые напечатано в журнале «Новая земля» (1911, № 18, май, с. 2) и вошло затем в оба издания сб. «Сосен перезвон» и впоследствии — в «Песнослов» и сб. «Медный кит». Печаталось также в журнале «Северная звезда» (1916, № 1, с. 39—40). Всюду под тем же названием и без изменений в тексте. Стихотворение, озаглавленное «Из книги „Откровения“» («Я был в Духе в день Воскресный»), было позже без заголовка и с эпиграфом из Апокалипсиса напечатано в журнале «Новая земля» 1911, № 10, март, с. 15. Затем вошло в оба издания сб. «Сосен перезвон» и «Песнослов». Стихотворение «Горние звезды, как росы» опубликовано в статье «Раннее творчество Н. А. Клюева» (с. 202—203). Перепечатано в кн.: Н. К л ю е в. Стихотворения и поэмы. М., 1977, с. 107.

⁸ Впоследствии без заголовка и посвящения, в сокращенном виде и с рядом существенных поправок это стихотворение («Помню я обедню раннюю») вошло в оба издания сб. «Сосен перезвон»; перенесено в «Песнослов».

⁹ На автографе этого стихотворения после названия «Зимняя сказка» следует: «Посвящается Елене Добролюбовой» (одной из четырех сестер А. М. Добролюбова). Рядом с этими словами Блок красным карандашом поставил знак †. Впоследствии без заголовка и посвящения это стихотворение («Ты все келейнее и строже») печаталось в сб. «Сосен перезвон» (оба издания), в «Песнослов» и сб. «Медный кит». Сличение опубликованного текста с рукописным обнаруживает существенные расхождения в концовке стихотворения (см. об этом подробнее в статье «Раннее творчество Н. А. Клюева», с. 196; там же на с. 194—195 см. о знакомстве Клюева с Е. М. Добролюбовой).

¹⁰ «Слово» или, возможно, «Слово божие к народу» (см. п. 18 и 20) — название неизвестного произведения Клюева, отправленного им через Блока В. С. Миролюбову. Судя по упоминаниям о «Слове» в п. 16, 18 и 20, это сочинение Клюева носило антиправительственный характер.

¹¹ Стихотворение «Под вечер» («Я надену черную рубаху») было впервые напечатано в журнале «Новая земля», 1910, № 13, декабрь, с. 5. С публикации этого стихотворения начинается сотрудничество Клюева в «Новой земле». Затем оно вошло в сб. «Сосен перезвон» (во втором издании — без заголовка) и впоследствии — в «Песнослов» и сб. «Медный кит». Текст автографа имеет четыре строки, вычеркнутые Блоком (красным карандашом) и позднее не включенные Клюевым ни в одну из редакций (строки 4—8: «На камнях затеют тени пляску./ За стеной чиликнет воробей./ Искривятся судорожно маски/ В золотистом свете фонарей»).

¹² Печатается впервые.

¹³ Отдельные строчки, подчеркнутые Блоком, выделены курсивом.

¹⁴ Печатается впервые. Отдельные строки (в том числе — 4 последних) вошли затем — в измененном виде — в стихотворение «Заревет нагорные склоны», впервые напечатанное под заглавием «Валентине Брихичевой» в «Новой земле» (1912, № 9—10, март, с. 8) Позднее — в «Братских песнях» и «Песнослов».

¹⁵ Последние двенадцать строк образовали позднее самостоятельное стихотворение с разночтением в двух первых строках («Как звезда пролетной тучке,/ Мне — отчизна — синева...») и незначительными расхождениями в последующих. Впервые опубликовано в журнале «Новая земля» (1912, № 3—4, январь, с. 11; первая строка: «Как звезде, крылатой тучке»); вошло в сб. «Братские песни» и впоследствии — в «Песнослов».

¹⁶ Печатается впервые. Эпиграф из «Божественной комедии» (Чистилище, песнь XVI) в переводе О. Чюминой.

¹⁷ Печатается впервые.

14

⟨Дер. Желвачева, ноябрь—декабрь 1908 г.⟩

Ответил на Ваше письмо с просьбой от «Русской мысли», получили ли Вы его?

Я пишу для «Русской мысли», но сведения мои по этому предмету очень скудны. Передайте это Мережковскому. Хоть я и чувствую, что есть, что писать, но нельзя ли чего другого.— Жду ответ.

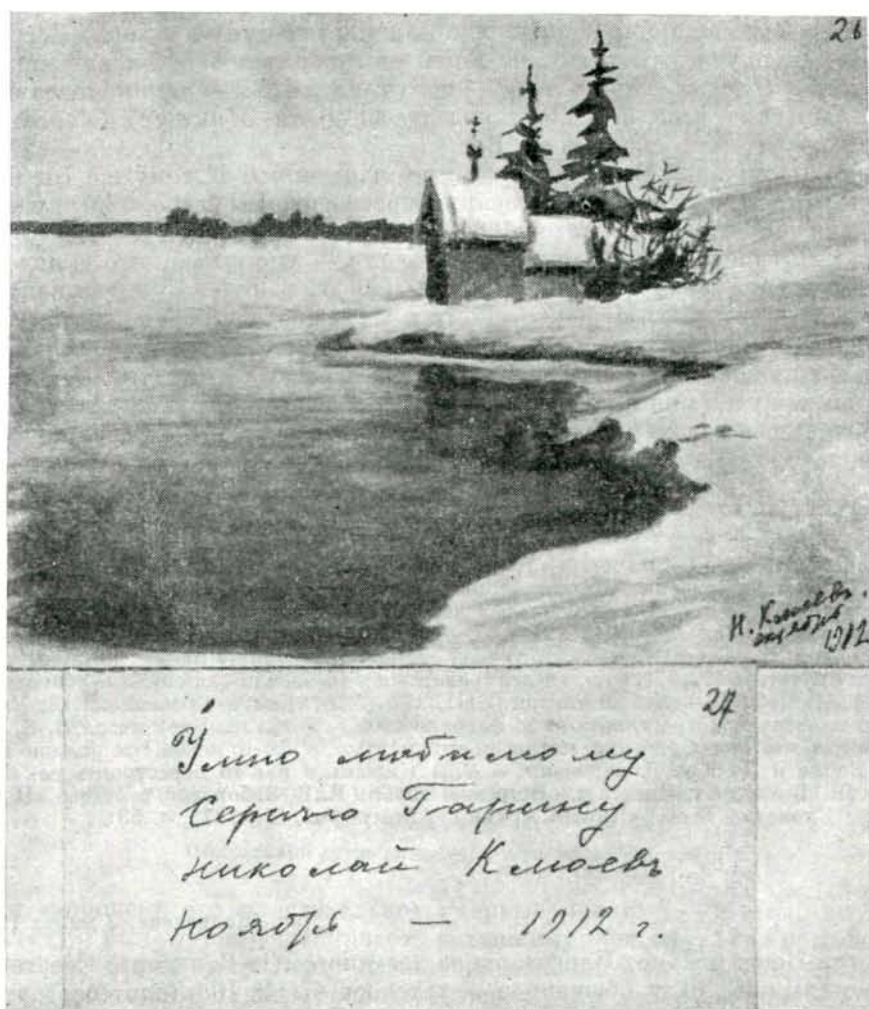
Приветствую Вас Н. К.

Открытка. Почт. шт.: Мариинское ⟨нрзб.⟩

15

⟨Дер. Желвачева, 28 декабря 1908 г.⟩

Здравствуйте, дорогой Александр Александрович, получил Вашу открытку, Вы в ней не сообщаете явственно, получили ли мое письмо заказное. Я же обеспокоен этим зловеще. Как только получите эту открыточку, то потрудитесь ответить кряду же. Приметы письма моего следующие: Стихи — «Ты все келейнее и строже», «Возвращение», «Из книги Откровения», «Горние звезды», «Ты разлюбила», «Свое вы счастье» — и «пол-листа» — для В⟨иктора⟩ С⟨ергея⟩

СЕВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ С ЧАСОВНЕЙ

Рисунок Н. А. Ключева с подписью «Н. Ключев. Октябрь 1912» и дарственной надписью: «Умно любимому Сергею Гарину. Николай Ключев. Ноябрь — 1912 г.»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

вича»¹. Получили ли Вы такое письмо? Еще я в нем сообщал, что из «Золотого руна» денег не получал, а получил из «Лебеда» три руб. 15 коп.² Низко Вам кланяюсь и желаю Вам света и тихости душевной. Мир Вам и любовь. Адрес мой прежний. Жду ответа «подробного».

28 декабря.

Какие стихи в «Лебеде» — сообщите тоже.

Открытка. Почт. шт.: Маринское 30.12.08; СПб. 4.1.09.

¹ См. п. 13, прим. 5, 7, 8, 9 и 10.

² См. п. 13, прим. 3.

Здравствуйте, дорогой Александр Александрович. Еще раз беспокою Вас своим письмом, — но я *очень* озабочен о судьбе письма со стихами: «Ты все келейнее», «Из книги Откровения», «Горние звезды», «Возвращение», «Победи-

телям», «Ты разлюбила мир иконы» и с полулистом для В<иктора> С<ергеевича>. От Вас я получил открытку, но в ней не говорится о таком письме. *Очень и очень прошу Вас: известите меня* — получили ли Вы с таким содержанием письмо¹. Особенно меня беспокоит пол-листа — для В<иктора> С<ергеевича>. И не столько за себя, сколько за Вас.

Долгое же молчание Ваше кажется мне «зловещим». К тому же Вы писали в открытке, что стряслись какие-то неприятности и что Вы беспокожны душой²...

Получали ли что от В<иктора> С<ергеевича>?

Думая, что прежние мои письма не дошли, — упоминаю, что я ничего из «Золотого руна» не получил, получил из «Лебеда» 3 руб. 15 к., за какое стихотворение — не знаю. Мережковскому писал, писал и сорвал, потому всего мало в голове, хоть на сердце и есть многое — про поэзию настоящего времени. Хотелось бы любовно прочесть — Бальмонта, Брюсова — что-либо. Уж больно цветущи кажутся мне их стихи, которые мне изредка приходилось прочитывать кой-где, но в целом я ничего, буквально ничего не читал ни из поэзии, ни из прозы нового. Жду Ваше письмо. Привет Вам и любовь.

Датируется по содержанию.

¹ Имеется в виду п. 13.

² В декабре 1908 г. — январе 1909 г. Блок был «беспокоен душой» прежде всего потому, что Л. Д. Блок ждал ребенка. «Мне теперь очень трудно вообще. Вы знаете, что мы с Любовью Дмитриевной со дня на день ждем ребенка», — писал Блок 22 января 1909 г. А. Н. Чеботаревской и Ф. К. Сологубу (VIII, 271). «Вы не можете себе представить, как мне трудно и тяжело — не только сейчас, но весь этот сезон. Даже, когда вижу людей, которых люблю, хочу от них прятаться <...> Думаю, что эта тревога имеет совсем не одни личные основания», — писал он А. Н. Чеботаревской 30 января (VIII, 272—273). О смерти ребенка Л. Д. Блок см. выше, — комментарий к п. Чулкова от 21 февраля 1909 г. Тогда же Блок писал В. Е. Беклемишевой о том, что «ждал ребенка, потрясен его смертью, и что-то новое, что должно войти в их <т. е. Блока и Любовь Дмитриевны. — К. А.> жизнь и как-то перестроить ее, погибло навсегда» (В. Б е к л е м и ш е в а. Встречи. Опубл. Р. Б. Заборовой в статье «Новое об Александре Блоке». — В сб.: «Книги. Архивы. Автографы». М., 1973, с. 53).

17

⟨Дер. Желвачева, 3 марта 1909 г.⟩

Получил Ваше письмо. Благодарю за все много. От В<иктора> С<ергеевича> ничего не слышно. Жду обещанное — хотелось бы № 10 «Золот<ого> руна» и из поэзии — новых. Впрочем — предоставляю на Ваше усмотрение. За все буду больно благодарен. Меня Ваше письмо гораздо обрадовало. Я это время прихварывал — и до сих пор не очень здоров. Простудился — или что другое — не знаю. Приветствую Вас братски и желаю всего светлого.

марта 3 1909 года

Открытка. Почт. шт.: СПб. 7.3.09 (другой штамп стерся).

18

⟨Дер. Желвачева, 12 марта 1909 г.⟩

Очень благодарю Вас, дорогой Александр Александрович, за присланное. Это большая, большая радость для меня. Какие книги! Как веет от них мучительным исканием «Радости». Каждая заставка вопиет «о смысле». Я, например, поражен, почти пришиблен царственностью стихов из Бодлера — Вячеслава Иванова¹, умилен Вашим словом «о Прозрачности» и о «Кормчих звездах»². Сколько красоты, пророчески провидящих полу-мгновений. И уж стыдно мне показывать Вам свою мазию, уж заранее я краснею, что скажете Вы. Есть народное выражение: «Свет глаза крадет». Вот и Вы украли у меня глаза наружные и на серой глыбе сердца чуть-чуть наметили — иные очи — жажду струнно-певучей мудрости. Ведь, Вам-то она сестра и милый брат, завечерело, чуть слышны колокола...³ Похожи⁴ на «Соломона» корочки у альманахов «Шиповник»⁵,

положить, что Блок послал ему и восьмой альманах (1909), где были напечатаны два произведения Л. Д. Семенова: повесть «У порога неизбежности» и разрозненные высказывания, объединенные под заглавием «Листики». Девятый альманах, где была напечатана блоковская «Песня Судьбы», увидел свет в апреле 1909 г.

⁶ «Черные маски» — пьеса Л. Андреева, опубликованная в седьмом альманахе «Шиповник» (1908). Об отношении Блока к этому произведению см. его письма к матери от 24 и 30 ноября 1908 г. («Письма к родным», т. I, с. 234 и 237), а также запись от 11 декабря 1908 г. (ЗК, 123).

⁷ Слова из стихир св. Иоанна Дамаскина на отпевание покойников (мирян). В современном переводе: «Я плачу и рыдаю всякий раз как помыслю о смерти и увижу лежащую в гробу созданную по образу Божию нашу красоту безобразною, бесславною, не имеющую никакого вида» (Требник. Н.-Новгород, 1927, с. 101).

⁸ Зачеркнуто слово «пропущено».

⁹ См. п. 13, прим. 10.

¹⁰ «Единое на потребу» (т. е. «одно только нужно») — неточная цитата из Евангелия от Луки: «Марфа, Марфа, печешься о мнозем, единое на потребу...» (10, 41—42). Слова эти были использованы Л. Толстым в качестве заголовка для одной из его статей, написанной в 1905 г. и напечатанной в 1906 г.

19

⟨Дер. Желвачева, 3 апреля 1909 г.⟩

Из «Бодрого слова»¹ получил деньги 23 руб. Очень за них благодарен, они так кстати подшли². Писал я что-то Вам про «Черные маски» несуразное³. Спутал два текста в один и разобрался, когда письмо уже было заклеено. Думаю написать Вам подробно вскоре. Что нового у Вас? Извините за беспокойство.

Любящий Вас Н. К.

Открытка.

¹ Клюев пишет здесь о гонораре, полученном им из журнала «Бодрое слово» за публикацию в нем «Современной былины» и «Песни о Соколе и о трех птицах божьих» (см. п. 10, прим. 1 и 4). Как выясняется из письма Блока к Р. С. Ельциной, фактической издательнице «Бодрого слова», Блок 24 февраля 1909 г. отправил в этот журнал не два, а три стихотворения. «Прилагаемые 3 стих. (одно — собственноручное, а другие два — переписаны) принадлежат крестьянину Николаю Ключеву, которого, если Вы помните, начал печатать Виктор Сергеевич. Теперь Клюев постоянно переписывается со мной и через меня — с В(иктором) С(ергеевичем), а стихи свои посылает мне с просьбой печатать. Выберите из этого, что найдете подходящим, и вышлите ему, какой назначите гонорар...» (см. наст. т., кн. 2, с. 229). Какое именно третье стихотворение Ключева («собственноручное») отправил Блок 24 февраля 1909 г. в «Бодрое слово», установить трудно. Стихотворение «Прельщение», опубликованное позднее в «Бодром слове» (см. п. 20, прим. 10), было получено Блоком лишь в апреле 1909 г. и, поскольку в его архиве сохранился клюевский подлинник, послано им в журнал также в переписанном, а не «собственноручном» виде.

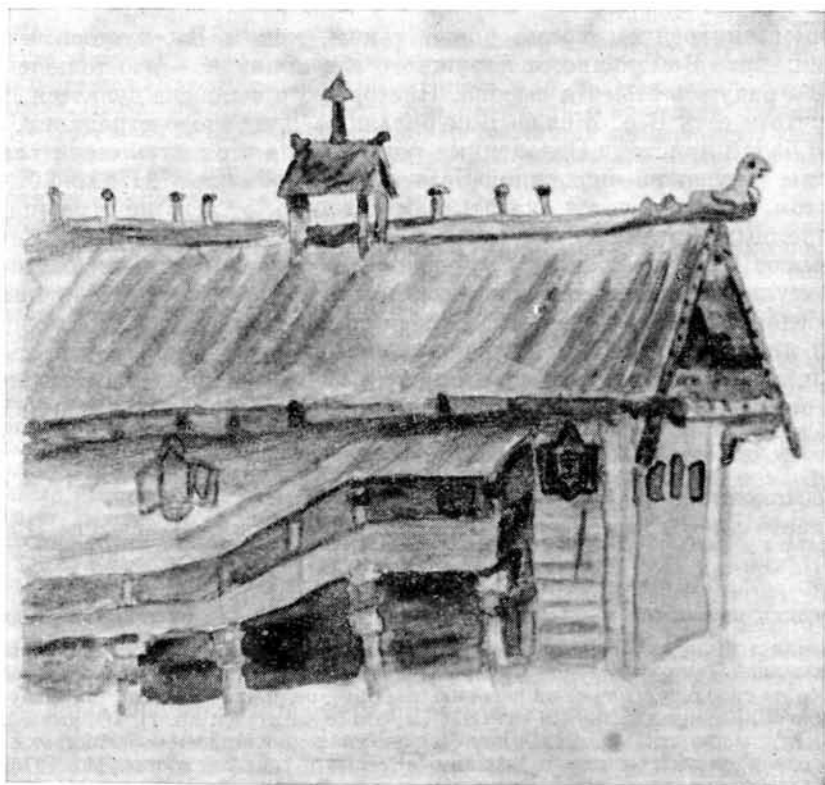
² Так в оригинале.

³ Так в оригинале.

20

⟨Дер. Желвачева, апрель 1909 г.⟩

Благодарю Вас, дорогой Александр Александрович, что не забыли меня. Письмо я Ваше получил, и оно мне дорого — потому справедливо. В одном фальшь, что Вы говорите, что я имею что-то против Вас за тяготение Ваше к культуре. Я не знаю точного значения этого слова, но чувствую, что им называется все усовершенствованное, все покоряющее стихию человеку. Я не против этого всего усовершенствованного от электричества до перечницы-машинки, но являюсь врагом усовершенствованных пулеметов и американских ошейников¹ и т. п.: всего, что отнимает от человека все человеческое. Я понимаю Ваше выражение «Не разлучным с хаосом», верю в думы Ваши, чувствую, что такое «Суета» в Ваших устах. Пьянящие краски жизни манят и меня, а если я и писал Вам, что пойду по монастырям, то это не значит, что я бегу от жизни. По монастырям мы ходим потому, что это самые удобные места: народ «со многих губерний» живет праздно несколько дней, времени довольно, чтобы прочесть к примеру хоть «Слово Божие к народу», и еще кой-что «нужное». Вот я и хожу и желающим не отказываю, и ходить стоит, потому удобно и сильно и свято неотразимо. Без этого же никак невозможно².

ИЗБА

Рисунок Н. А. Ключева

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Я не считаю себя православным, да и никем не считаю, ненавижу казенного бога, пещь Ваалову Церковь, идолопоклонство «слепых», людоедство верующих — разве я не понимаю этого, нечаянный брат мой!

В одном я грешу, что пленяет меня «грусть несказанных намеков»³; боюсь, что

«Люди придут и растратят
Золоторунную тишь,
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчут камыш»⁴.

А «одинокая участь светла, безначальная доля свята»⁵. Не знаю, как бы Вам пояснее, так хорошо выражено это Вами в отделе «Нечаянная радость». И я люблю Вас заочно тихо, не спрашивая, «что» Вы такое есть. И не желать Вам мира, а я подразумеваю под ним высушую, самую светлую радость, — я не могу — сердце не позволяет. Такой уж я человек заморожен, что от дум и восторгов и чаяния радости жизнь для меня разделена на два — в одном красота, «жемчужовые сны наяву»⁶, в другом нечто «Настоящее», про что говорить я не умею, но что одно со мной нерушимо, но что не казенный бог или «православие».

Дорогой мой Александр Александрович, буде Вам тяжело валандаться со мной, то Вы напишите мне об этом и простите меня. Не омрачайте Духа своего моей серостью.

В<иктор> С<ергеевич> говорил мне, что Вы больно впечатлительный и милый и что я должен показывать Вам свои стихи. Но если для Вас это нудно, то не откажите хоть передавать все присылаемое В<иктору> С<ергеевичу>. Вам кажется странным, что Вы не знаете меня в лицо, а мне ничуть, я часто вижу

Вас в своем внутреннем храме ровно таким, каким Вы чувствуете в письмах. Мне слышно, что Вам тошно от наружного зла в жизни — это тоже знак благополучия, и радуюсь этому я высоко. Настоящее в человеке делается из ничего, это-то ничто и есть Все. Желая Вам большого Духовного страдания, «чтоб услышать с белой пристани Отдаленные рога»⁷, и на этот путь «если встанешь — не сойдешь, и душою безнадежной Безотзывное поймешь»⁸. Не мне бы говорить Вам об этом, но так хочется сказать Вам что-либо, от чего не страшна бы стала «шучина темных встреч»⁹.

Присылаю Вам еще стихов¹⁰ и буду ждать ответа нетерпеливо и о присланных с «полулистом» тоже. Не забудьте упомянуть, *какое* стихотворение помещено в «Лебеде» и пошлет ли деньги «Золотое руно» за те стихи. Не можете ли Вы прислать мне этот № 10¹¹, так жадно хочется читать, но чтения взять негде. Все эти просьбы исполняйте, если они для Вас не сопряжены с неудобствами, если же они *чуть* неудобны, то и не нужно Вам беспокоиться и простите меня за них...

Любящий Вас — НК

Адрес прежний.

Не знаете ли Вы, где Семен Федорович Быстров¹². Кажется, Вы знакомы с ним?

Датируется по связи с п. 21 («Получили ли до отъезда мое письмо со стихами...»).

¹ «Америка» была для Клюева своего рода символом, олицетворением ненавистной ему машинной цивилизации. «... какой бы крест, какую бы голгофу понес — чтобы Америка не надвигалась на сизоперую зарю, на часовню в бору, на зайца у стога, на избу-сказку», — писал Клюев Ширавцу в конце 1914 г. (ИМЛИ, ф. 178, оп. 1, ед. хр. 1). «О, как я люблю свою родину и как ненавижу Америку, в чем бы она ни проявлялась», — заявляет он в августе 1915 г., в одном из своих писем к Есенину («Есенин и современность». М., 1975, с. 240). В своих стихах Клюев также сокрушался о том, что «в куньем раю громыхает Чикаго» («Песнослов», 2, с. 65).

² Весь данный отрывок — яркое свидетельство того, что Клюев и после освобождения из тюрьмы продолжал активно заниматься революционной пропагандой среди крестьян северных губерний. Читая верующим «Слово божие к народу» или «еще кой-что „нужное“» Клюев в религиозной форме излагал им свои социальные и политические взгляды. Характерно, что свою опасную подпольную деятельность сам Клюев воспринимает как «святое дело» («потому удобно и сильно и свято неотразимо»), уподобляя себя в известной мере своему литературному герою тех лет — революционеру-мученику.

³ Строка стихотворения Блока «Федору Смородскому» («Нежный! У ласковой речки») из сб. «Нечаянная радость».

⁴ Четверостишие из того же стихотворения.

⁵ Две строки стихотворения Блока «Полюби эту вечность болот» (сб. «Нечаянная радость»).

⁶ Последняя строка стихотворения «Облака небывалой улады» (сб. «Нечаянная радость»).

⁷ Неточно процитированные Клюевым две строки стихотворения «Последний путь» (сб. «Земля в снегу»). У Блока: «Ты услышишь с белой пристани/Отдаленные рога».

⁸ Из того же стихотворения. У Блока: «И на этот путь оснеженный/Если встанешь — не сойдешь,/И душою безнадежной/Безотзывное поймешь».

⁹ Перифраз последней строки стихотворения «На страже» (сб. «Земля в снегу»). У Блока: «И канет темная комета/В пучины новых темных встреч».

¹⁰ Как следует из содержания п. 21, Клюев отправил Блоку четыре стихотворения: «Поэт», «Предчувствие», «Змей» и «Прельщение». Автографы двух первых стихотворений в архиве Блока не сохранились. Оба стихотворения опубликованы по автографам, находящимся в ИРЛИ, в кн.: Николай К л ю е в. Сочинения, т. 2. Мюнхен, 1969, с. 210—211. Стихотворение «Змей» с подзаголовком «Из серии „Тюрьма“» было впервые опубликовано в журнале «Новая земля» (1912, № 15—16, с. 11). В сокращенном и переделанном виде (без названия и подзаголовка) вошло в сб. «Братские песни» и — позднее — в соответствующий раздел «Песнослава». Стихотворение «Прельщение» публиковалось в журнале «Бодрое слово» (1909, № 17, сентябрь, с. 22—23); см. альм. «Поэзия» 43, М., 1985, с. 106. Сличение печатного текста с рукописным обнаруживает несколько мелких расхождений (исправления, возможно, были сделаны Блоком при копировании и пересылке стихотворения).

¹¹ Клюев не случайно столь настойчиво просил Блока прислать ему № 10 «Золотого руна» за 1908 г., а еще ранее интересовался судьбой своих стихотворений, отправленных Блоком в редакцию этого журнала (см. п. 10, прим. 2 и 3). Публикация на страницах такого рафинированного и «современного» издания, как «Золотое руно», была для молодого крестьянского поэта немаловажным событием, как бы знаменовавшим его вступление в «новейшую» литературу, к которой Клюев тогда тяготел и тянулся, признание его писателями символистского

лагеря. И действительно, появление стихотворений Ключева в «Золотом руне» не прошло незамеченным. Так, близкая к символистам петербургская газета «Утро» сообщала читателям в ноябре 1908 г. (раздел «Календарь писателя»): «Вышел № 10 „Золотого руна“. Интересны стихи крестьянина Н. Ключева, воспринявшего всю сложность современной поэзии, ученика А. Блока» («Утро», 1908, № 24, 10 ноября, с. 4). Из текста этой неподписанной заметки ясно, что в литературных кругах, где читалось и имело распространение «Золотое руно», было к тому времени известно и о знакомстве Ключева с Блоком, и о стремлении Блока всячески поддерживать олонечного поэта.

¹² Семен Федорович Быстров (1877—1942?) — писатель-прозаик, сын деревенского священника. Одно время работал сельским учителем; в годы первой русской революции занимался пропагандой среди крестьян. «Уже давно прошло 17 октября; я два раза и чаще делал в своей школе митинги. Духовенство мне запретило заниматься с крестьянами... Меня присудили к аресту», — рассказывал Быстров 15 августа 1906 г. в своем автобиографическом письме, написанном по просьбе В. С. Миролюбова (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 345). Рассказы Быстрова 1905—1908 гг. были посвящены в основном жизни сельского духовенства. Один из них («Отставной поп») был помещен в «Русском богатстве» (1905, № 9). Быстров печатался также в «Трудовом пути».

В начале 1908 г. в связи с привлечением Миролюбова к суду и его отъездом из России Быстров в течение нескольких месяцев почти единолично ведал редакционными делами. В мае 1908 г. выезжал из Петербурга в Тамбовскую губернию.

Знакомство Быстрова с Ключевым состоялось, видимо, в январе — феврале 1908 г., когда олонечный поэт, находясь в Петербурге (в Николаевском военном госпитале), писал для «Нашего журнала» публицистическую заметку «В черные дни» (см. подробнее в статье «Раннее творчество Н. А. Ключева», с. 200—201).

21

⟨Дер. Желвачева, начало июля 1909 г.⟩

Насилу дождался возможности написать Вам, дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович>. Стосковался я по Вам очень. — Не видали ли в далеких краях ¹ В<иктора> С<ергеевича>? Как он поживает? Как бы мне хотелось сказать ему кой-что. Чтоб не кручинились они попусту, милые, милые люди. Что нужно забыть «кто горд и зол, что тучи вдали встают, и слышатся песни далеких сел, что плачет сердце, просится в бой, зовет и манит» ². Ах, дорогие мои, милые люди! Сколько раз я говорил про то, что теперь исполнилось. Дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович>, будьте светлы, властной ненужности не подчиняйтесь. Безбрежно счастье смотреть в глаза белому сиянию жизни.

В мае получил письмо из «Золотого руна» — просят написать статью «Интеллигенция и народ». Извиняются, что денег за стихи в № 10 потому не высылали, что не знали адреса. — Теперь, т. е. 6 мая, некто Г. Тастевен ³ распорядился, чтобы выслали, но вот уж два месяца, а их нет. Что бы написать, что интересно чистой публике знать про интеллигенцию и народ, а так я не знаю. Разницы всякие по воздуху ловить — мукушка одна. Да и стоит ли овчинка выделки? Вот если бы оказалась возможность пожить в Питере, то чувствую, что написал бы. Низко Вам кланяюсь и жду ответа. Адрес старый. Если что мое в «Лебедь», в «Слушай земля», и какое стих<отворение> в «Бодрое Слово»? Очень хочется знать. Получили ли до отъезда мое письмо со стихами: «Поэт», «Предчувствие», «Змей», «Прельщение» ⁴.

Мир Вам.

Датируется по содержанию. На листе — помета красным карандашом, сделанная Блоком: «Июль 1909».

¹ С середины апреля 1909 г. Блок путешествовал по Италии и Германии.

² Неточная цитата из стихотворения «На родине» (сб. «Земля в снегу»).

³ Генрих Эдмундович Тастевен — секретарь «Золотого руна». В августе 1908 г. Тастевен писал Блоку, что стихи Ключева «очень интересны» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 424).

⁴ См. п. 20, прим. 10.

22

⟨Дер. Желвачева, 4 сентября 1909 г.⟩

Здравствуйте, дорогой Александр Александрович, пятый месяц пошел, как не получал я от Вас весточки. Послал в Подсолнечную заказное письмо, получили ли Вы его? Очень мне хочется знать, видали ли Вы В<иктора> С<ергееви-

ча). Я получил из тех краев очень нехорошее письмо — и тяжелое для сердца. Необходимо также мне узнать, какое отношение, кроме литературного, имеете Вы к В<иктору> С<ергеевичу>?

Всегда Ваше долгое молчание почему-то мне кажется зловещим, и так тяжело становится и даже одиноко на душе, что со мной очень редко бывает. Не забывайте меня. Жду от Вас письмаца.

Любящ<ий> Вас Н. К л ю е в

Я по-прежнему стихи пишу.

4 сентября

На последнем чистом листе письма — помета Блока: «Получ<ено> в Шахм<атово> 9.IX.09».

23

<Дер. Желвачева, конец сентября 1909 г.>

Дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович>. Я очень обрадован Вашим письмом¹, благодарен за теплоту Вашу. Писал бы Вам больше, но боюсь наболтать нежное. За последнее время так не хочется говорить. Буду молчать. Не знаю, верно ли, но думаю, что игра словами вредна, хоть и много копошится красивых слов, — позывы сказать, но лучше молчать. Бог с ними, со словами-стихами. Буду бороться с ними². Присылаю Вам еще, быть может, последние³. Будьте добры написать, *какие* стих<отворения> мои напечатаны в № 5 «Бодрого слова»⁴ и «Лебеде»⁵ и предполагаете ли из новых поместить что и что это за «Новый журнал для всех», имеет ли он общее со старым «Ж<урналом> для всех»?⁶ И, простите назойливость, что это за грусть мутная в Вашем последнем письме⁷ — куда же сокрылась «Нечаянная радость»? Дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович> — неверно то, что в хаосе нет света своего, «Покорности» умиленной. Радуйтесь. (Жду ответ поскорее).

В разлуке

Мне хотелось бы плакать, моя дорогая,
В безнадежном отчаянии руки ломать,
Да небес бирюза так нежна голубая,
Так певуча реки искрометная гладь.
Я, как чайка, люблю по-надречные дали—
Очертанья холмов за тумана фатой,
В них так много живой, но суровой печали,
Колыбельных напевов и грусти родной.
И еще потому я в разлуке не плачу,
Хорошо от других гнев и слезы свои,
Что провижу вдали на крыльях удачу
Долететь сквозь туман до желанной земли.
Неисчетны, дитя, буйнокрылые рати
В путь отлетный готовых собратьев-орлов,
Но за далью безбрежной ли степь на закате,
Зарубежных синей ли весна берегов?
Иль все та же и там разостлалась равнина
Безответных на клекот курганов-полей,
И о витязе светлом не легче кручина
В терему заповедном царевне моей!

Датируется по связи с п. 24 («...в конце сентября отписал по петербургскому адресу...»).

¹ Блок ответил Ключеву 13 сентября 1909 г. (см. ЗК, 159).

² В этом письме Ключева впервые появляется тема «ухода» и «молчания». Как следует из дальнейших писем, Ключев на грани 1909—1910 гг. всерьез думал о том, чтобы — вслед за А. Добролюбовым и Л. Семеновым — совсем отказаться от литературного творчества, т. е. «замолчать». Свой «уход» из культуры А. Добролюбов обосновал прежде всего в «Книге Невидимой» (см. п. 5, прим. 5), а Л. Семенов — в «Листках», опубликованных в восьмом альманахе «Шишовник» (см. п. 18, прим. 4). «Писание это окостевание всего живого»; «Писать это

значит — не верить живому делу, душе»; «... стыдно всякого писания, всякого слова написанного, потому что это забота о внешнем», — доказывал в «Листках» Семенов (с. 47, 48).

³ В данном письме Ключев прислал Блоку пять стихотворений. На той же стороне листа, что и письмо — стихотворение «Девичья песня» («Вы белила — румяны мои»). Под заглавием «Девичья» это стихотворение было впервые опубликовано в альманахе «Аполлон» (СПб, 1912). Под тем же названием — в сб. «Лесные были» и журнале «Северная звезда» (1916, № 1, с. 31). На обратной стороне листа с письмом — стихотворения «На волнах» («Сердцу сердца говорю») и «Под ветром» («Не оплакано былое»). Оба стихотворения были под теми же названиями опубликованы (с исправлениями) в журнале «Новая земля» (1911, № 22, август, с. 5—6 и 1912, № 9-10, март, с. 8); затем вошли в сб. «Братские песни» и впоследствии — в «Песнослов» (разночтения незначительны). На отдельном листе — стихотворения «Песня» («Как во нашей ли деревне») и «В разлуке» («Мне хотелось бы плакать, моя дорогая»). Первое стихотворение было впервые опубликовано в альманахе «Аполлон» (СПб., 1912, с. 37—38) под заглавием «Теремная»; вошло затем в сб. «Лесные были» (название — «Слободская») и под тем же названием — в «Песнослов». Разночтения незначительны. Стихотворение «В разлуке» печатается впервые.

⁴ См. п. 10, прим. 1 и 4.

⁵ См. п. 13, прим. 3.

⁶ «Новый журнал для всех» издавался с ноября 1908 г. в Петербурге (до 1916 г.) и по своему направлению был отчасти похож на миролюбовский «Журнал для всех» (1896—1906), который всегда выделялся своим демократизмом, а в последние (революционные) годы приобрел ярко выраженный антиправительственный характер и в конце концов был закрыт цензурой. Блок с 1909 г. сотрудничал в «Новом журнале для всех», о чем, возможно, он и сообщил Ключеву в своем письме к нему 13 сентября 1909 г.

⁷ О смятенном состоянии духа, в котором находился Блок, вернувшись из Западной Европы в Россию, свидетельствует ряд документов. «Что-то стало тяжело на душе», — признавался Блок Е. П. Иванову 9 августа 1909 г. (VIII, 291). Спустя десять дней после того как было послано письмо Ключеву, Блок записывает: «Ночное чувство непоправимости всего подползает и днем» (ЗН, 160).

24

⟨Дер. Желвачева, 4 ноября 1909 г.⟩

Получил Ваше письмо из Шахматова и в конце сентября отписал по петербургскому адресу ¹ — получили ли Вы что?

Жду не дождусь от Вас письмишка, вот уже почти два месяца, но я не унываю и все жду, жду... Желаю Вам доброго от любви моей.

Адрес старый.

1909 г. Ноябрь — 4.

Открытка. Почт. шт.: Марининское. 7.11.09. Петербургский штемпель отсутствует.

¹ Имеются в виду блоковское письмо от 13 сентября 1909 г. и п. 23.

25

⟨Дер. Желвачева, 29 декабря 1909 г.⟩

Дорогой Алек<сандр> Алек<сандрович>, после Вашего письма из Шахматова пишу Вам третье письмо по старому петербургскому адресу. Четвертый месяц от Вас не слышать ничего, верно Вы меня совсем забыли, но страшно не хочется верить в это. — Не допускается мысль, что это разрыв духовный меж нами. Так хорошо бывает на душе от Вас, и этого жалко — смертно. Всего Вам светлого, дорогой Александр Александрович. Я живу по-старому, т. е. в бедности и одиночестве наружно. Услышьте меня на этот раз — потрудитесь написать что-либо. Радуйтесь. Любящий Вас.

Н. К.

Адрес прежний.

29 декабря 1909.

Открытка.

26

⟨Дер. Желвачева, 22 января 1910 г.⟩

Здравствуйте, дорогой Александр Алек<сандрович>. Получил Ваше письмо от 11 января. Оно резко, но не отличимо от прежних. Если бы Вы не упоминали

Я не боюсь потерять свою ра-
дость, потому, что она была
добрым, тем злом была!
Тот же значимый есть в Единобо-
жии не может искупить!
много всю жизнь, все бы
друга, жизнь знает, что
медленно, невосполнить
возмездия, можно потерпеть
дальше, но не перенести
всю жизнь о радости.
Все же радость не может
искупить и когда придет
совершенство, знавшие радость
будут в радости.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ К. Ф. НЕКРАСОВА, ВЪ ЯРОСЛАВЛЯ.

Н. А. КЛЮЕВ, «СОСЕН ПЕРЕЗВОН»

с дарственной надписью «Александр Блоку — Нечаянной Радости. Николай К л ю е в. Осень. 1913 г.»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

почти в каждом письме про свое барство, то оно не чувствовалось бы мною вовсе. Бедный человек, в частности крестьянин, любовен и нежен к человеку-барину, если он заодно с душой-тишиной т. е. с самой жизнью, которую Вы неверно зовете елейностью. Эта тишина — жизнь во всех людях одна, у бедных и неученых она сказывается в доброте, ласке, у иных в думах, больше религиозных, у иных в песнях протяжных, потому что так ощутительней она. Так поют сапожники за работой, печники, жеңцы, ямщики и т. д. У ненуждающихся и ученых, когда наука просто надоеет, а это в большинстве так и бывает, живущая в человеке Тишина проявляется (как это ни странно) тоже в думах. Но думы всегда певучи, красочны — отсюда музыка и живопись, и живопись и музыка вместе — это книга — проза и поэзия. Есть премия-картинка к Всеобщему календарю Сытина ¹ — «Свят. Николай спасает от смерти трех невинно осужденных граждан», прибавка «с картины Репина» ². Вероятно, эта картина нарисована наперво барином, но глядя на нее не помыслишь, что это *затей*, и как сквозь туман видишь не усы колючком, не гусиное мясо, а «Лик», беру на себя смелость прибавить: родной, общедушевный. (Чтобы полюбить, что за этой картиной, не

обходима тишина и в обыкновенном значении). В Питере мне говорили, что Ваши стихи утончены, писаны для брюханов, для лежачих дам, быть может, это и так *в общем*, но многое и многое, в особенности — же «Тишина» их, какие-то жаворонковые трепеты, — переживания мгновенные общелюдски, присущи каждому сердцу. Ведь в тех же муках рождала и простого человека мать, так же нежно кормила у груди («пришлецы» из «Неч(аянной) рад(ости)»)³, и исчезает «род презренья», а уж «кто-то ласковый рассыпал золотые пряди, луч проник в невидимую дверь»⁴.

И Ваше жестокое: «Я барин — вы крестьянин» становится пустотой — «*новой ложью*», и уж не нужно больше «каяться» (что Вы каились раньше мне почему-то не узнавалось). И верится, что «во тьме лжи лучится правда» (слова из вашего письма). Быть может, Вам оттого тяжело — что время летит, летит... или что я хорошо думаю о Вас. Но не вскрывайте себе внутренностей, не кайтесь мне, не вспугивайте то малое, нежное, что сложилось во мне об Вас. *Говорить про это много нельзя, иначе истратишь слова, не сказав ничего*. Понимаю, что наружная жизнь Ваша несправедлива, но не презираю, а скорее жалею Вас. Никогда не было в моих помыслах указывать Вам пути, и очень прошу Вас не считать меня способным на какое-либо указание. Желание же Ваше «выругать» не могу исполнить, — слишком для этого Вы красивы. Желаю Вам от всего сердца Света, Правды и Красоты новой, здоровья и мужества переносить наружные потери жизни. Крепко желается не забыть Вас. Не отгаликивайте же и Вы меня своей, быть может фальшивой тьмою. Сам себя я не считаю светлым и Вы не считайте меня ни за кого другого, как за такого же. Всякое другое мнение Ваше для меня тяжело⁵. Если я Вас не огорчил этим письмом окончательно, — то не огорчитесь моей старой просьбой о книгах — стихов — Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Гип(п)иус, какие Вам не трудно. Всего Вам светлого. Без презрения любящ(ий) Вас К л ю е в.

Н а п о р о г е з и м ы

Не говори, без слов понятна
Твоя предзимняя тоска,
Она, как море, необъятна,
Как мрак осенний глубока.
Не потому ли сердцу мнится
Зимы венчально белый сон,
Что смерть костлявая стучится
У нашей хижинки окон.
Что луч зари ущербно-острый
На елей меркнет бахrome...
Не проведут ли наши сестры,
Как зиму — молодость в тюрьме?

1910 г. 22 января

Жду ответ.

От их девического круга,
Весну пророчащих судьбин,
Тебе осталась лачуга,
А мне умолкший карабин.
Но о былом не сожалея,
Мы предвесенни, как снега,
О чем же, сумеречно тлея,
Вздыхает пламя очага?
Или пока снегов откосы
Зарозовеют жданным днем,
Твои отливчатые косы
Зимы затмятся серебром⁶.

¹ Имеется в виду ежегодный «Всеобщий русский календарь» — дешевое издание «для народа», которое в огромных тиражах выпускалось книгоиздательской фирмой И. Д. Сытина («Товарищество Сытин и К°»).

² Речь идет о картине Репина «Св. Николай избавляет от смертной казни трех невинно осужденных в Мирах Ликийских» (1888). Хранится в Гос. Русском Музее.

³ «Пришлецы» — стихотворение из сб. «Нечаянная радость». У Ключева — перифраз следующих строк: «Пусть заменят нас новые люди! В тех же муках рождала их мать. Так же нежно кормила у груди».

⁴ Строки из стихотворения «Зажигались окна узких комнат» (сб. «Нечаянная радость»).

⁵ Далее зачеркнуты следующие слова: «Не пишу Вам о своих покойниках и живых, о своем горе».

⁶ Получив письмо Ключева 26 января, Блок спустя несколько дней переписал это стихотворение и отправил его в редакцию известного киевского периодического издания «Чтец-декламатор». (Приписка рукою Блока: «Получ(ил) 26/1 1910. Посл(ал) 29/1 1910 Чтец-декламат(ор)», т. IV, с неск(олькими) строк(ами) на обороте»). Незадолго до этого, в конце 1909 г., в IV томе «Чтеца-декламатора» было помещено 13 стихотворений Блока. Однако именно это стихотво-

рение Ключева в «Чтеце-декламаторе» не появилось. Под названием «У очага» и с незначительными поправками оно вошло в сб. «Сосен перезвон» (во втором издании — без названия) и позднее (без названия) — в «Песнослов».

27

⟨Дер. Желвачева, 14 марта 1910 г.⟩

Получил книжку стихов¹, за что очень благодарен. Радуюсь, что мои слова утешительны для Вас. Желал бы дарить Вас радостью большей — Любимый. Всегда поминую Вас светло, так как чувствую красоту и правду Ваши.

Дивлюсь стихотворению Сергея Городецкого — «Ну-ка, сердце, вспоминай...»². По-моему, он весь в этих словах — весь, как куст белой калины — утренней, росной — «у тесового крута крыльца на беду девичью срощенный»³. Как Вам кажется?

Остаюсь в неизменности с горячим желанием Вам — надежд и радости.

14 марта 1910 г.

Открытка.

¹ Блок прислал Ключеву кн. «Антология современной поэзии» («Чтец-декламатор», т. IV, Киев, 1909). В этом издании была широко представлена новейшая мировая лирика, в том числе и русская (Бальмонт, Белый, Блок, Брюсов, З. Гиппиус, В. Иванов, Кузмин, Мережковский, П. Соловьева и мн. др.). Книга появилась осенью 1909 г. «В Киеве вышел IV том „Чтеца-декламатора“, где перепечатано (с ист. бесстыдством) 13 моих стихотв. с портретом», — писал Блок матери 24 октября 1909 г. («Письма к родным», I, с. 277). В библиотеке Блока сохранился экземпляр «Антологии» со следующей надписью, сделанной Блоком на титульном листе и обращенной скорее всего к матери: «Посылаю тебе эту пакость, которой ты, может быть, будешь рада, потому что здесь перепечатано много хороших стихов».

² Слова из стихотворения С. Городецкого «Юхано», помещенного в «Антологии современной поэзии» (с. 558).

³ Эти строки в духе народной «девичьей» песни навеяны, видимо, портретом молодого Городецкого, помещенным в «Антологии» (с. 556). Под «Девичью» стилизовано также стихотворение Городецкого «Весна», напечатанное в «Антологии» (с. 559—560).

28

⟨Дер. Желвачева, апрель-май 1910 г.⟩

Дорогой Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ександрович⟩, я Вашу книжку стихов получил давно — и давно уже сообщил Вам об этом открытом письмом¹. Хочется Вам сказать, что Ваше недоумение насчет своего барства и моей простоты поверхностно, ложно. Как пример это известный Вам писатель Леонид Димитриевич Семенов. Вы, кажется, вместе учились². Он ведь тоже барин потомственный, а иначе не обращается ко мне как к брату и больше чем близок душе моей. Еще, может, Вы не забыли Александра Добролюбова. Ваши стихи о Прек⟨расной⟩ даме подарены ему Вами с надписями как другу³. Он то же самое. Он во мне, и я в них⁴ — и духовно мы братья. Ваш же живущий во мне образ — не призрак, а правда моя. Я видал и побой, и пинки — их легче сносить, чем иногда слово простое будничное — от которого иногда разревется недолго, а такие ведь слезы никогда не остаются неотомщенными, хотя бы и невидимо. Жизнь Вам и радость.

Сколько перепутий, тропок-невидимок.

Грез осуществленных и ума ошибок.

Сколько кубков поднятых, сколько их разбитых,

Светочей неявленных, подвигов забытых.

Исчислять и взвешивать прошлое бесплодно,—

В миге народившемся ключ к душе народной.

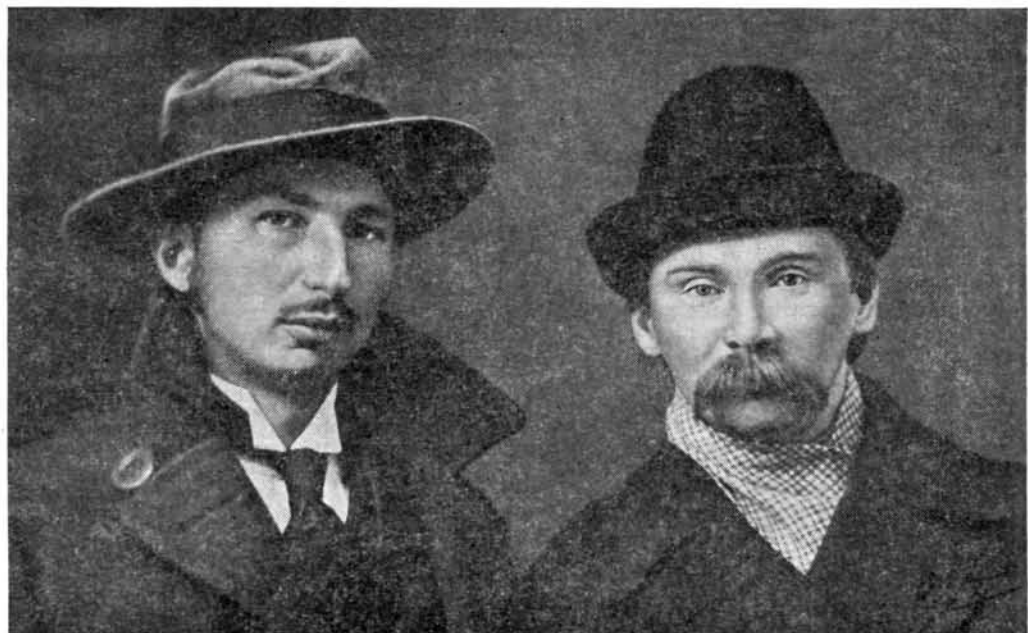
Сломим же минувшего тяжкие печати,

Станем многорадушны, как воды на закате,

Отразим стоцветности блики и зигзаги,

Мир окинем взорами, полными отваги.

Братья, загрузившие о мирах безвестных,—

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ И Н. А. КЛЮЕВ

Фотография, 1915 г.

Частное собрание, Москва

Огоньки маячные в подземельях тесных,
 Не ищите истины под былого схимой,—
 Только в мимолетности будущее зримо.
 Вверьтесь же текущего сумеркам прозрачным,
 Ландыши весенние на кладбище мрачном ⁵.

Николай К л ю е в

Датируется по содержанию

¹ Имеется в виду п. 27.² См. п. 1, прим. 6.³ Никаких сведений, подтверждающих дарственную надпись Блока А. М. Добролюбову на книге «Стихи о Прекрасной Даме», до настоящего времени не обнаружено. Впрочем, возможно, что Клюев по забывчивости назвал имя А. Добролюбова вместо Л. Д. Семенова, которому Блок в 1904 г. действительно подарил экземпляр «Стихов о Прекрасной Даме» с дружеской надписью (см. наст. т., кн. 3, с. 123).⁴ Перифраз евангельского стиха: «Я в них, и Ты во Мне» (Иоанн, 17, 23).⁵ Впервые напечатано в 1978 г. (см.: В. Б а з а н о в. Олонецкий крестьянин и петербургский поэт, с. 103).

Вновь потянуло написать Вам, дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович>. Что напишется, то хочется нестерпимо показать Вам. Хотя пишу я теперь и редко. Кажется, мало-помалу, быть может, отвыкну вовсе. А пока что напишется, то все еще дорого и мучительно. Мне прямо стыдно больше беспокоить Вас, но иначе пока нельзя.— Все мои петербург<ские> друзья рассеялись или рассеяны и уж пишу мне не о стихах, а все спрашивают и спрашивают, и я мучусь, что не могу рассказать им о Нечаянной радости — о свете, который и во тьме светит ¹. Вас я постоянно поминаю и чувствую близким, родным и очень боюсь, как бы не солгать Вам чего бессознательно — помимо воли. Я писал Вам о стихах С. Горо-

децкого из Вашей книги ² — Простите меня за слова! ...Напишите, прошу, об этих моих стихах ³. И еще: какие мои стихи помещ^аны в «Бодром слове» № 5 за 1909 г. ⁴ Всего Вам светлого.

Любящ^{ий} Вас Н. К л ю е в

⟨Приписка к стихотворению «Последний день»⟩ Я все не могу отделаться от тюремных кошмаров, как-то невольно пишется все больше о них.

Облака — нагорная церковь,
Ветер-колокол гудит победно.
Там за гранью бренности, не меркнув,
Протекает белая обедня.
Сердце чует радужные клиры
И звенит, цветет, как тишина.
Грезу-челн от тягостного мира
Мчит в безбрежность нежности волна.
Миг, как вечность!.. Чу!.. Рыдает чайка —
Грусть моя о должности морей,
Где о высях плакалося жалко
Меж ущелий мрачных и камней.
Где же высь? Опять земные встречи
На тропах унылых гробовых...
О мечтанья — вечности предтечи,
Взлеты крыл безумных и слепых! ⁵

З а г р а н ь ю

Я за гранью... Я в просторе
Изумрудно-голубом
И не знаю, степь иль море
Расплеснулося кругом.
Прочь ветрила размышленья,
Рифм маячные огни.
Ветром воли и забвенья
Поле-море полыхни.
Чтоб души корабль надбитый,
Путеводных волен уз,
Не на прошлого граниты

Драгоценный вынес груз.
Пусть не в жизни темных
гнездах
Отсияет страсть моя...
Как дитя, улыбчив воздух,
Сладок лепет ковыля.
Колыбельны трав приливы,
Кругозор как моря дно...
Спит ли ветер, спят ли нивы,
Я уснул давно... Давно ⁶.

*

Нам закляты и заказаны
К пережитому пути,
И о том, что с прошлым связано,
Ты не плачь и не грусти.
Сестры-ели над лачугою
Протянули полога,
Затмевают лунной व्यогою
Свечеревшие снега.

Предадим же души пленные
Ночи призракам седым,
Сны певучие, мгновенные
О грядущем предадим.
Настоящего видениям
Скорбь и траура венки,
А безвестным поколениям
Снежной сказки лепестки ⁷.

Р о д н о е

Сторона наша забытая,
Бездорожная, окольная,
О полдён не красовитая,
На закате беспотемная.
На лугах у нас коровушки
Щиплют горькие лопушники,
Не поют весной соловушки
В прибрежном черемушнике.

От глухой у парня участи
Муравой душа муравеет,
Будто колокол в зыбучести
Синя моря удаль ржавеет.
Пробудись било пучинное
Гулом в зыби, ветром в парусе
Чтобы сердце лебединое
У детины бурей сталося! ⁸

Датируется по связи с п. 30 («Послал Вам в Питер заказное письмо в июне...»).

¹ Слова из Евангелия от Иоанна (I, 5), использованные Л. Н. Толстым в качестве заголовка его известной пьесы (1902).

² Далее зачеркнута фраза; начало ее можно прочесть: «Сергей Городецкий в этой книге...»

³ Ключев в этом письме прислал Блоку одиннадцать стихотворений. На той же стороне листа, что и письмо, — стихотворение «Отверженной», напечатанное под тем же названием и без разночтений в обоих изданиях сб. «Сосен перезвон» и в «Песнослов». На обратной стороне листа — стихотворения «Облака — нагорная церковь», и «Есть то, чего не видел глаз». Последнее стихотворение также печаталось в обоих изданиях сб. «Сосен перезвон» и в «Песнослов». Внизу листа — дата: «Май 1910 год».

Кроме того, к письму были приложены стихотворения: «Голос из народа» («Вы отгул глухой, гремучей»), «За гранью» («Я за гранью, я в просторе»), «Нам заклать и заказаны», «Костра степного взвывы», «Александру Блоку» («Верить ли песням твоим»), «На рассвете» («Не жди зари, она погасла»), «Родное» («Сторона наша забытая») и «Последний день» («Сегодня небо, как невеста»).

Первое из этих стихотворений печаталось в «Новой земле» (1911, № 9, март, с. 12) и вошло затем в оба издания сб. «Сосен перезвон» и в «Песнослов». Стихотворение «Костра степного взвывы» опубликовано в сб. «Братские песни», затем — в «Песнослов». Стихотворение «Александру Блоку» («Верить ли песням твоим») Ключев поместил в сб. «Сосен перезвон» (оба издания) и впоследствии — в «Песнослов». Стихотворение «На рассвете» («Не жди зари, она погасла») впервые напечатано в «Новой земле» (1912, № 13—14, апрель, с. 8), затем (без заглавия) — в сб. «Братские песни» и, наконец, — в «Песнослов». Стихотворение «Последний день» («Сегодня небо, как невеста») опубликовано под названием «На пороге жизни» в первом издании сб. «Сосен перезвон» (во втором издании — без названия); вошло в «Песнослов» (без названия). Отметим, что в названии этого стихотворения — явная переключка с Блоком, стихотворение которого «Последний день», помещенное в сб. «Земля в снегу», Ключев, бесспорно, знал.

⁴ В № 5 «Бодрого слова» за 1909 г. помещено стихотворение «Современная былина» («В красивый летний праздничек»). См. п. 10, прим. 1.

⁵ Печатается впервые.

⁶ В сокращенном виде (опущены строки 13—16) это стихотворение опубликовано в сб. «Братские песни» и позднее — в «Песнослов» (в разделе «Сосен перезвон»).

⁷ Впервые опубликовано в сб. «Сосен перезвон», где отсутствуют строки 5—12. Впоследствии (с незначительным исправлением в одной строке) — в «Песнослов». (Печаталось также в «Северной звезде» 1916, № 4, с. 32).

⁸ Печатается впервые.

30

(Дер. Желвачева, 7 сентября 1910 г.)

Приветствую Вас, дорогой Александр Александрович. Вновь затосковал по Вам, что не слышно Вас, все нет от Вас весточки, хотя бы и с сомнениями и раздражением. Послал Вам в Питер заказное письмо в июне, получили ли Вы его? Теперь боюсь присылать Вам свои стихи, чтобы не подумали Вы, что ради их я тоскую по Вам. Да и не пишу я теперь почти вовсе. Виктор Сергеевич¹ половину чего-то (как будто) увез с собой... И теперь горько. Свет Вам и жизнь весенняя. Не огорчайтесь на меня за слова — я не в них. Жду от Вас слов Ваших — радостно и любовно. Еще раз приветствую. Адрес прежний.

Н. К.

Открытка. На лицевой стороне — шахматовский адрес Блока.

¹ В. С. Миролюбов.

31

(Дер. Желвачева, 5 ноября 1910 г.)

Дорогой Александр Александрович, благодаренье Вам за Ваши слова ко мне — любезные моей душе. Статью Вашу о современном состоянии русского символизма¹ прочел, но по темноте своей многого не уразумел, не понял отдельных, неизвестных мне слов вроде: теурга, Бедекера, конкретизировать, теза и анти-теза, Беллини и Беато, Синьорелли, но чувствую что-то роковое в ней для вообще символистов, какой-то трубный звук над полем костей. Отсюда заключаю, что в области русского художественного слова что-то, действительно, не ладно.

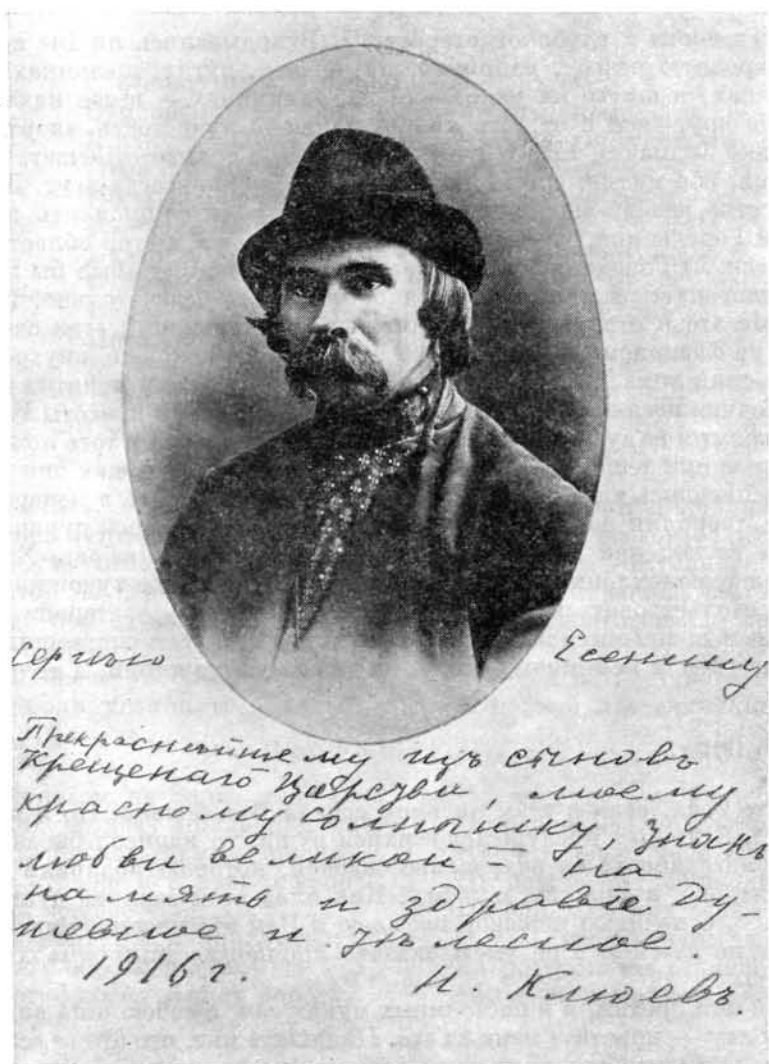
Насколько я знаком с этим словом, а знаком я с ним очень смутно, оно, по-моему, за малым исключением, выдумывается людьми, не сообразующимися со средствами своего таланта, стремящимися сказать больше своего понимания, людьми, одержимыми злой грезой построить башню до небес. При таком положении дела, т. е. когда вместо, как предполагалось, величественного здания, вырастают только бесчисленные «шаткие леса» и происходит то, что Вы зовете «глухой полночью искусства»², — смешение языков, такое состояние, при котором внешний человек перестает понимать внутреннего и наоборот. Когда утрачен мысленный чертеж постройки, а упорные думы не хотят вспомнить его. Страшный, злоеущий час. (Мгновенье, — остановись! ³). Безмолвие, холод и дым. И над бездной жалкие и жадные строители. *Если действительно это так*, то строителям ничего не остается делать, как «спасаться», — побросать циркули и молотки, все предумышленные вычисления и схемы, спуститься в зеленый дол и не оглядываясь рассеяться каждому в свою отчизну. Отчизна простит им прошлое, а о будущем пусть сердце не плачет:

«Тихо ведаю: будет награда:

Ослепительный всадник прискачет...»⁴

Творчество художников-декадентов, без сомнения, принесло миру более вреда, чем пользы. Самая дурная сторона их — это совершенная разрозненность с действительной жизнью, искажение правды жизни по произволу, только для проведения непонятых даже самими авторами, ложных в действительности мыслей (напр., о Боге, о любви, о мировой душе). Если такие мысли и действовали на людей, то всегда губительно, возбуждая в них чудовищные, неисполнимые стремления, разжигая, например, и без того похотливую интеллигентскую молодежь причудливыми и соблазнительными формами страсти, выкроенной авторами из собственных блудливых подштанников⁵ (подобные неисполнимости могут быть причиной самоубийства). Бог же и Мировая душа не могут быть предметом каких бы то ни было художественных описаний, которые только запутывают, затемняют и порождают ложные мысли о величайшей тайне в Мире. Тайну эту нельзя выразить ни аллегорией, ни так называемыми новыми словами, ни тонкостью образов, ничем, по единственной причине ее несказанности. Сказаться же душой без слова, о чем, как говорите Вы, мечтает каждый художник⁶, — может только Сын разума — Человек, уразумевший единую душу во всем, прозревший, что весь род человеческий одно, что отдельные видимые люди — есть бесчисленные, его же собственные отражения в зеркале единой души (хоть это и не точно).

Только при таком прозрении, а это дело мгновения, человеку все понятно без слов, потому что они уже не нужны и даже вредны. Современные словесники-символисты, пройдя все стадии, все фазы слова, дошли до рубежа, за которым царство молчания — «пустая, далекая равнина, а над нею последнее предостережение — хвостатая звезда»⁷, поэтому они неизбежно должны замолчать, что случалось и раньше со многими из них, ужаснувшись тьме своих художнических исканий. Как пример: недавно замолчавший Александр Добролюбов и год с небольшим назад умолявший Леонид Семенов. Человеческому слову всегда есть предел, молчание же беспредельно. Но перейти за черту человеческой речи⁸ — подвиг великий, для этого нужно иметь великую душу, а главное веру в жизнь и благодаренье за чудо бытия — за милые лица, за высокие звезды, за разум, за любовь... Познание же «Вечной красоты» возможно только при освобождении себя от желаний Мира и той наружной, ложной красоты, которая людьми, не понимающими жизни, выдается за творчество, за искусство. Станным, конечно, покажется, что я, темный и нищий, кого любой символист посторонился бы на улице, рассуждаю про такой важный предмет, как искусство. Но я слушаю жизни, того, что неистребимо никакой революцией, что не подчинено никакой власти и силе, кроме власти жизни. И я знаю и верую, что близок час падения вавилона — искусства пестрой татуировки, которой, через мучительство и насилие, размазывали так называемые художники — Мир.

Н. А. КЛЮЕВ

Фотография, 1916 г. с дарственной надписью С. А. Есенину

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Явить себя миру можно только двумя путями: музыкой слова и подвигом последования Христу, как единственному, воплотившему в себе совершенную Красоту и Истину, чтоб через Него проявить свое всеединство, свою сущность, стать подобным Отцу, как говорит Евангелие⁹. Я сказал: «Музыкой слова». О, если б только музыкой! Но все ложь, что скажется, ибо язык человека — грубый и несовершенный инструмент, — пустая бочка с натянутой вместо днища свиной кожей, в которую бьют дикари как в барабан при своих плясках вокруг костра. Остается одно: воздыхание неизреченное... молитва всемирная... сожаленье бесконечное... Но такое душевное состояние, Христово настроение, не совместимо с каким-либо художественным творчеством в здешнем мире, недаром Христос — величайший Художник, чудо тогдашнего искусства, Иерусалимский храм, не пожалел обречь на разрушение, чтоб воздвигнуть его в Вечной Красоте в душах людей. Христос похерил изреченную красоту — «и вот осталась нежность линий, и в нимбе пепельном чело»¹⁰, то светлое молчание¹¹, невыразимая красота, которая сквозит в русской природе и в нашем мужике¹²

в пору его юности и глубокой старости¹³. Вглядывались ли Вы когда-нибудь в простонародную резьбу, например, на ковшах, дугах, шеломах, на дорожных батожках, в шитье на утиральниках, ширинках, — везде какая-то зубчатость, чаще круг-диск и от него линии, какая-то лучистость, «карта звездного неба», «знаки Зодиака». Народ почти не рисует, а только отмечает, только проводит линии, ибо музыка линий не ложна, краски же всегда лгут. Душу народного искусства, сознательно или бессознательно, силится проявить в своих стихах Сергей Городецкий, но слово не резец, и оно вовсе в этой области не приложимо, и если бы Городецкий вырезывал дуги и ложки, то был бы прекрасным, ибо его душа живет в линии и народное искусство безглагольно. Вы скажете: а песня? На это я отвечу так: народная песня, наружно всегда однообразная, действует не физиономией, не словосочетаниями, а какой-то внутренней музыкой, опять-таки линией, и кому понятен язык линий, тому понятна во всей полноте и народная песня¹⁴. Художники не познают Вечной красоты¹⁵ до тех пор, пока не плюнут и не дунут на Сатану¹⁶, не отрекутся мира и того ложного искусства, которым они тешат себя и князя воздушного. Но так как они собственной кровью расписались в верности Зверю, то не могут верить в неизреченное, не могут быть творцами невидимого и должны устыдиться своей дурацкой болтовни о таких вещах, как Бог, Мировая душа, Красота и Любовь. Храм невидимый не для самопоклонников, каковыми являются вообще художники, они же должны удовлетворяться только наружной жизнью — «фатерой» с пыльным, загрязненным окном-мыслью, за которым чуть сквозит таинственный, прекрасный мир, где место не земному слову, ни даже музыке линий, а только единому «Есмы»

ноября 5 дня 1910 г.

Простите меня, если я этим письмом сделал Вам больно. Но я не могу иначе, милый... Если бы я послушался верхней души, то написал бы обратное, написал бы благодаренье за очарованье сказкой, которою подарили символисты Мир, про любовь к сладким звукам... Как плод этой верхней души прилагаю свои стихи¹⁷. С печалью и тоской посылаю я Вам это письмо. Знаю, что не все сказано им, но не смею и не умею сказать про неизвестный символистами мир, мир молитвы...

Дорогой мой братик, я в постоянных муках сам с собою и на видимой бумаге все-таки лгу — простите меня за это. Напишите мне, что это за «служение» — которое Вы упоминае(те) в письме, говоря про самих себя? Вы ведь больше, милый, знаете, и мне очень тяжело про что-либо Вам высказываться, но из любви к Вам все-таки написал и в этот раз. И хоть горько, но почему-то желается, чтоб оно (письмо) пропечаталось где-либо. Быть может, оно в ком и пробудит что-нибудь. Тяжело мне¹⁸, если огорчитесь Вы. Не можете ли мне сообщить адрес какого-нибудь недорогого журнала, где бы были Ваши стихи. Я ведь ничего не читаю и ничего не знаю, а так бы иногда хотелось узнать — почитать!

Жизнь Вам и радость! Приветствую Вас лобзанием невидимым.

(Будут ли эти стихи где напечатаны?).

«Приписка к стихотворению «Сказка»» Очень больно иногда без книг.

«Приписка к стихотворению «Под осенней луной» в левой части страницы» Тяжело утруждать Вас, но приходится просить еще о книгах поэзии — Брюсова, Бальмонта, Надсона, А. Белого, Сологуба, «Иней» Соловьевой¹⁹, Тютчева, из них *только не трудных* для Вас. Все надежды на Вас — услышать, как пишут эти²⁰ поэты.

«Приписка к стихотворению «Под осенней луной» внизу страницы» Я стараюсь следовать Вашему совету писать короче и не повторяться в одном стихе — заметно ли это в этих стихах? Нравится ли Вам посвященное стих(отворение) «Верить ли песням твоим?»²¹, как бы мне хотелось, чтобы его напечатали! Чем дальше я пишу, тем явственней становится какое-то незнакомое страдание, — когда пишу Вам, то легче. Не огорчайтесь просьбой о книгах.

*

С осенью повеяло новыми восторгами:
 Сумеречным вечером, поздним камельком,
 Жалким колокольчиком, дальними дорогами,
 Неба углубленностью и месяцем-серпом.
 Но душе не верится... Свадебно украшены,
 Кажутся поникшими просека и дол,
 Будто в келью строгую девушки-монашены
 О былом с кручиною юноша вошел.
 Будто взором длительным моряки отбывшие
 Провожают родину с корабля кормы...
 Это ты, рассветная, сердцу подарившая
 Белое предчувствие смерти и зимы! ²².

О с е н н я я р а з л у к а

Ты не плачь, моя касатка,
 Что на юг лететь пора.
 Мне уснуть зимою сладко
 Под фатой из серебра.
 Снежный бор от выюг студеных
 Сироту оборонит,
 Сказкой инеев узорных
 Сердца боль угломнит.

И когда метель-царица
 Допрядет снегов волну —
 По тебе я, голубица,
 Закручинившись, вздохну.
 Нам недолго сердце маять —
 Из безоблачных сторон
 От тебя я буду чаять
 С первой ласточкой поклон ²³.

Н а о т л е т е

Темным зовам не верит душа,
 Не летит встречу призракам ночи;
 Ты, как прежде, ясна, хороша,
 Только строже и в ласках короче.
 От меня невестная ты
 Не отходишь ли к брака чертогу...
 Отряхают березы листы,
 И на юг флюгер кажет дорогу.

Потянулись с криком в отлет
 Журавли над болота равниной...
 Как со мною, тебя эшафот
 Не разлучит с отчизны кручиной.
 Не однажды под осени плач
 О тебе, невозвратно-далекой,
 За разгульным стаканом палач
 Головою поникнет жестокой ²⁴.

С к а з к а

Ветхая ставень резьба,
 Кровли резной шеломок,
 Тебе или мне судьба
 Войти в теремок.
 Счастья-царевны глаза
 Там цветут в тишине,
 И пленных небес бирюза
 Томится в окне.

Подойди же к калитке ворот
 Звякнуть заклятым кольцом.
 День за днем и за годом год
 Протекут в затишьи немом.
 По зиме в теремок прибреду
 Про свои поведать вины
 И глухую старуху найду
 Вместо синей, звенящей весны ²⁵.

Р о д н о е

Лапти новые с котомкою...
 Вдоль по берегу реки
 Бичевою хлещет звонкою...
 Бог вам в помощь, мужики!
 Ты откуль, кормилец, — слышится
 По пути, — поведай нам,
 Не от Бога ль пробираешься
 К обездоленным людям?
 Богоданный я, беспоплиный,
 В поле нищими найден,

От Печерских пробираюсь
 К Соловецким на поклон.
 Почитай вокруг Россиюшку
 Христа ради обошел,
 Горше, лютее судьбиношки
 Я мужичьей не нашел.
 Смолк. Убогие, понурые
 Потянулись бурлаки,
 И вослед им долго бурые
 Волны плакали реки ²⁶.

*

Белизна небесных риз,
Как натающая пена,
На меже расцвел анис,
Земляника и марена.
Все победнее окрест
Жизни творческие ходы,

Иисусовых невест
Неоглядной хороводы.
Тяжело лежать в гробу
Серафиму без истленья,
Слышать судную трубу
И не чаять отпущенья²⁷.

Духу святому (песнь предсмертная)

Белому брату
Хлеб и вино новое
Уготованы.
Помолюсь закату,
Надем рубище суровое
И приду на брак непозванный.

Ты узнай меня, братец,
Не отринь меня, Одноотчий,
Дай узреть зари твоей багрянец,
Покажи мне солнце после ночи.
Я пришел к тебе без боязни
Молоденький и бледный, как былинка:
Укажи мне после тела казни
В Отчие обители тропинку.
Божий Сын, Невидимый учитель,
Изведи из мира тьмы наружной
Человека — брата Твоего!...
Чтоб горел он, как и Ты, пресветлый,
Тихим светом в сумраке ночном,
Чтоб белей цветов весенней ветлы
Стала жизнь на попроще людском!

Белого духа
Устами моего сердца
Поют небо и земля...
Чья это старуха
Ест младенца?
А! Петля!²⁸

Под осенней луной

Мерно стучает машинка,
Что-то дальнее поет,
Букв оттиснутых тропинка
Нас к бессмертию ведет.
Старый дом зловеще-гулок,
Бел под лунным серебром...
Час мечтательных прогулок,
Встреч и вздохов о былом.
Но былому не подвластны,
Мы в грядущее глядим, —
Замок сказочно-прекрасный
Под луною сторожим.

Выйдем в сад. С тобою рядом
Мне так ново, так светло.
Под луны волшебным взглядом
Ты, как белое крыло.
Оттого ли, как в темнице,
Сердцу плачется с утра.
Что тебе, урочной птице,
Отлететь на юг пора?
Иль душе поверить тяжко,
Что, забыт в саду глухом,
Твоего возврата, птишка,
Не дожидется лунный дом?²⁹

Что листья осени шептали...

Я до рожденья был крылат
В надмирном ангелов жилище.
И райских кринов аромат
Мне был усладой и пищей.
Но смертной матерью рожден
И человеком ставший ныне,
Люблю я сосен перезвон
В лесной блуждающий пустыне.
Светил заоблачных милей
Мне тучи медленные стали,
И крик осенних журавлей,
Чем душ, представленных печали.

Трудом рыбацким проживя
У моря зим и весен много,
Седой и мудрый, как дитя,
Сижу у хижин порога.
Как эхо гор и крики цапель
Над морем жалостны сегодня...
Прибудет к берегу корабль
И... воля сбудется Господня.
На труп простертый листопад
Сухих навевает листьев груды...
Я до рожденья был крылат
И по отбытии светел буду³⁰.

¹ 8 апреля 1910 г. Блок выступал с докладом «О современном состоянии русского символизма» в Обществе ревнителей художественного слова (Петербург). Доклад Блока был ответом на доклад В. И. Иванова «Заветы символизма», прочитанного там же 26 марта 1910 г. Статья Блока под тем же названием была напечатана в журнале «Аполлон» (1910, № 8).

² Слова из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма». У Блока: «...происходит смещение миров, и в глухую полночь искусства художник сходит с ума и гибнет».

³ Перифраз известных слов Фауста: «Остановись, мгновенье, — ты прекрасно!»

⁴ Заключительные строки стихотворения «Моей матери» (сб. «Нечаянная радость»). У Блока: «Пусть о будущем сердце не плачет./Тихо ведаю: будет награда:/Ослепительный всадник прискачет».

⁵ В оригинале: почтаников.

⁶ У Блока сказано: «Дело идет о том, о чем всякий художник мечтает, — «сказаться душой без слова», по выражению Фета» («О современном состоянии русского символизма»). Блок не точно цитирует здесь заключительные строки стихотворения Фета «Как мошки за реку». (У Фета: «О, если б без слова/Сказаться душой было можно!»).

⁷ Слова из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма».

⁸ Строка из стихотворения Блока «Снова иду я над этой пустынной равниной», впервые напечатанного в журнале «Вопросы жизни», 1905, № 6. У Блока: «Но, перейдя за черту человеческой речи,/Я и молчу, и в слезах на тебя улыбаюсь». Можно предположить, что этот номер, наряду с предыдущим, был также послан Ключеву Блоком в марте 1909 г. (см. л. 18, прим. 1 и 2). В номере были помещены десять стихотворений Блока, составившие цикл «Нечаянная радость», рецензия Блока на русский перевод книг Апулея и Овидия Назона, подписанная «Ал. Бл.», рецензия Б. Кремнева на «Книгу Невидимую» А. М. Добролюбова, произведения В. Иванова, Ремизова, Ф. Сологуба и ряд других материалов, которые не могли не заинтересовать Ключева.

⁹ Ключев имеет в виду скорее всего следующие слова Евангелия: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его. Возлюбленные! Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему...» (1 Иоанн, 3, 1—2).

¹⁰ Две строки из стихотворения «An Hans Guenther» (сб. «Нечаянная радость»).

¹¹ Возможно, намек на слова из стихотворения Блока «Высоко с темнотою сливается стена» (вторая строка: «Там — светлое окно и светлое молчанье»). Стихотворение было впервые напечатано в журнале «Нива», 1908, № 10.

¹² Далее первоначально следовал текст: «особенно в пору его возмужания».

¹³ Нижеследующие строки до слов «и народное искусство безглагольно» отчеркнуты (или, возможно, взяты в скобки) неизвестной рукой.

¹⁴ В. Г. Базанов сопоставляет весь данный выше отрывок (со слов «Вглядывались ли Вы...») с начальными строками из «Ключей Марии» Есенина, посвященными народному орнаменту («Орнамент — это музыка» и т. д.), обнаруживая почти дословные совпадения («Вглядитесь в цветочное узорочье наших крестьянских простынь и наволочек. Здесь с какой-то торжественностью музыки переплетаются кресты, цветы и ветви» — С. Есенин. Собр. соч. в 6 томах, т. 5, с. 167, 172—173). «Есенин и Ключев, — обобщает исследователь, — глубоко чувствовали эту немую музыкальность орнамента. <...> Оба поэта указывали на философский смысл декоративно-символических и графических изображений и цветовых обозначений, содержащихся в гравюрах по дереву, в росписях на прялках, в вышивках на полотенцах» (В. Г. Базанов. По следам дневниковых записей Александра Блока (Есенин и Блок). — Сб. «В мире Блока». М., 1981, с. 398).

¹⁵ Первоначальный текст, зачеркнутый Ключевым: «Художников всегда будет мучить тайна Вечной красоты».

¹⁶ Из молитвы, произносимой при приготовлении на св. крещение (Требник, с. 14). Священник повелевает крещаемому или восприемнику: «Дунь и плюнь на него (т. е. на Сатану)».

¹⁷ К письму Ключев приложил десять стихотворений. Девять из них публикуются выше.

Н. А. КЛЮЕВ И С. А. ЕСЕНИН

Фотография, 1916 г.

Литературный музей, Москва

Не публикуется стихотворение «На распутье» («Позабыл, что в руках»), печатавшееся (без названия) в «Новой земле» (1912, № 5—6, январь, с. 8), в сб. «Братские песни» и «Песнослов». Разночтения отсутствуют.

¹⁸ Зачеркнуто слово «будет».

¹⁹ Имеется в виду кн.: П. С. Соловьева. Иней. Рисунки и стихи. СПб., 1905. Рецензия Блока на эту книгу была напечатана в журнале «Вопросы жизни» в № 4-5 за 1905 г., т. е. в том самом номере, который Блок прислал Клюеву в марте 1909 г. (см. п. 18).

²⁰ Зачеркнуто слово «настоящие», первоначально написанное и замененное на «эти».

²¹ См. п. 29, прим. 3.

²² Печатается впервые.

²³ В переделанном виде (строки 13—16) и без названия это стихотворение вошло в сб. «Братские песни» (заключительная часть цикла «На отлете», состоящего из трех стихотворений); позднее перенесено в «Песнослов».

²⁴ В сокращенном виде (отсутствуют строки 5—8) и с незначительными исправлениями опубликовано в сб. «Братские песни» как вторая часть цикла «На отлете». В «Песнослов» (раздел «Сосен перезвон») и в сб. «Медный кит» напечатано отдельно и без названия.

²⁵ В сокращенном виде (отсутствуют строки 9—12) и с исправлениями в первой строфе опубликовано в журнале «Современник» (1912, № 12, с. 361). Затем под названием «Сказка» перенесено в сб. «Лесные были» и впоследствии — в «Песнослов».

²⁶ Печатается впервые.

²⁷ Печатается впервые.

²⁸ Впервые напечатано в «Новой земле» (1911, № 25, август, с. 15); вошло в сб. «Братские песни» и позднее — в «Песнослов». В печатной редакции вместо последних шести строк повторены первые шесть.

²⁹ В сокращенном виде (отсутствуют строки 1—4) и без названия опубликовано в сб. «Братские песни» как первая часть цикла «На отлете». В «Песнослов» напечатано отдельно (в разделе «Сосен перезвон»).

³⁰ Первые восемь строк этого стихотворения образовали позже начало стихотворения «Изгнанник» («Я был прекрасен и крылат»), публиковавшегося в «Новой земле» (1911, № 14, март, с. 9) и включенного в сб. «Сосен перезвон» (во втором издании — без названия). В переделанном виде вошло в «Песнослов».

Последние двенадцать строк, почти целиком измененные, Клюев опубликовал впоследствии как самостоятельное стихотворение («Отвергнув мир, врагов простя») в журнале «Хмель» (1913, № 7—9) и «Песнослов».

32

«Олонецкая губ., Вытегорский уезд, 3 апреля 1911 г.»¹

Брат Александр, жизнь тебе и радость. Не знаю почему, за последнее время часто вижу тебя, или ты мучишься много, или наоборот — перестал стремиться к Высшему. Прошу тебя — сообщить мне на мое письмо, которое вызвано твоей статьей о Символизме. Много ли по-твоему в нем правды или полное невежество и тьма? Я же остаюсь неизменным к тому малому прекрасному, которое получил от общения с тобой, и вижу в этом не свою волю.

Приветствую тебя лобзаньем любви. Твой брат Н и к о л а й. Адрес. Станция Мариинская, Олонецкой губ(ернии), Вытегорского уезда.

Открытка. Датируется по почт. шт. На лицевой стороне открытки — приписка Ключева: «За ненахожд(ением) воз(вратить) стан(ция) Мариинская, Ол(онецкой) г(убернии), Вытегорского у(езда) Н. Ключеву.

¹ Начиная с 1911 г. Ключев не жил постоянно в деревне Желвачево, часто гостил в соседних деревнях у знакомых или родственников. Поскольку он сам не указывает в своем адресе: «Дер. Желвачева» (ср. п. 1, 2, 4, 5, 6, 8) и не пишет «адрес прежний» или «адрес старый» (ср. п. 10, 13 и др.), то место отправления письма указывается нами здесь и далее: «Олонецкая губ., Вытегорский уезд».

33

«Москва, август 1911 г.»

Дорогой Александр Александрович.

Я в настоящее время нахожусь в Москве, здесь мне предлагают издать мои стихи, которые получше. Обещают выполнить все мои желания по изданию. Книжку обещают издать красиво, и издатель, говорят, очень богатый¹. Спрашиваю у Вас совета. Мне почему-то немного тревожно, но меня уверяют, что книжка моих стихов в настоящий момент нужна и найдет много читателей. Также сулят написать об ней в двух-трех газетах... Если Вы посоветуете, то я желаю в духе своем посвятить книгу Вам — «Нечаянной Радости» и прошу Вас написать хотя бы маленькое предисловие. Озаглавить книгу /стихи я предполагаю так:

Николай Ключев.

Сосен перезвон.

Не то, что мните вы, — природа!

Ф. Тютчев²

Адрес мой: Москва, Новослободская улица, дом № 13, кв. 9

Редакция журнала «Новая земля» Н. Ключеву

Жду скорого ответа³, так как пробуду здесь недолго. Приветствую Вас в любви.

Н. К л ю е в

Датируется по содержанию (Ключев находился в Москве в августе 1911 г.).

¹ Инициатором издания стихотворений Ключева отдельной книгой был И. П. Брихничев, который, видимо, и рекомендовал его издателю В. И. Знаменскому, сочувственно относившемуся к начинаниям «гоголевских христиан». (В 1911 г. в книгоиздательстве «В. И. Знаменский и К^о» была выпущена составленная Брихничевым книга «Христос в мировой поэзии»). О том, что Брихничев пытался найти для Ключева издателя, свидетельствует его недатированное письмо к Брюсову (видимо, август 1911 г.): «О Ключеве. Это простой крестьянин. Страшно нуждается. Как было бы хорошо, если бы можно было издать его сборник стихов — нельзя ли что-нибудь сделать в этом отношении?» (ГБЛ, ф. 386, карт. 78, ед. хр. 18, л. 3).

² Первая строка программного стихотворения Тютчева, в котором утверждается идея одухотворенной природы, особенно близкая Ключеву. (Первая строфа: «Не то, что мните вы, природа — /Не слепок, не бездушный лик./В ней есть душа, в ней есть свобода./В ней есть любовь, в ней есть язык»).

³ Блок не мог дать на это письмо Ключева «скорый ответ», так как 5 июля покинул Петербург, отправившись в заграничное путешествие. Вернулся в Петербург 7 сентября 1911 г. (Предисловие к сб. «Сосен перезвон» было написано В. Я. Брюсовым).

«Петербург, 22 сентября 1911 г.»

Я (Клюев) в настоящее время нахожусь здесь. Пробуду очень недолго. Буду весьма огорчен, если не удастся увидеть Вас. Если можно, то сообщите, когда можно к Вам зайти ¹.

Мой адрес: Садовая улица № 112—114, кв. № 1. Н. Клюеву.

Открытка. Датируется по почт. шт. На лицевой стороне открытки приписка Клюева: «За ненахожд[ением] возв[ратить] Садовая 112, кв. 1, Клюеву».

¹ Встреча Клюева с Блоком, во время которой и произошло их очное знакомство, состоялась, скорей всего, 26 сентября 1911 г. Накануне, 25 сентября, в открытке, отправленной матери, Блок сообщал: «Завтра днем у меня будет Клюев» («Письма к родным», II, с. 185 и 446). Беседа с Клюевым произвела на Блока сильное впечатление. «Клюев — большое событие в моей осенней жизни» — записано в его дневнике 17 октября 1911 г. Насколько можно понять из записи, Клюев посетил Блока дважды; он рассказывал ему о жизни Л. Д. Семёнова и А. М. Добролюбова, излагал свое отношение к проблеме «ухода» («...лучше оставаться в мире...» и т. д.). Кроме того, Клюев сообщил Блоку, что его стихотворения «поют» в Олонецкой губернии, и это известие также взволновало Блока (VII, 70—71). Об этой первой встрече поэтов и содержании их беседы см. также в следующем письме.

«Олонецкая губ., Вытегорский уезд, около 30 ноября 1911 г.»

Дорогой Александр Александрович.

Это мое приветствие к Вам уже не имеет характера «С добрым утром», ибо я воочию убедился, что Вы спите, хотя и не в зачарованном замке, как думается с первого взгляда. И кажется Вам, что все еще ночь в мире и еще далеко до того, когда наступит день, и что два необъятных привидения, Убийство и Чувственность, бродят по всей земле и называют ее своею. Тщетно я подбираю сучьев в свой одинокий лесной костер, чтобы огонек его стал виден Вам в пустыне Вашей Ночи и чтобы почувствовали Вы, что он приводит на грудь брата. Все мои письма и слова к Вам есть раздувание этого костра. — Я обжег руки, на губах у меня пузыри и болячки, валежник и сучья разорвали мою одежду... Но сон обуял Вас. Мнится Вам, что Мир во власти демонов. Демоны кишат, рыщут в безднах ночи и, покорные Вашей воле, приносят Вам то амебист, то священного скарабея ¹. На самом же деле происходит следующее: В сером безбрежьи всерусского поля, где синь-горюч камень, ковыль-трава и ракитов куст, чарым сном спит прекрасный Иван Царевич. В шумучих ковылях теряется дикий шлях — путь искания возлюбленной (Прекрасной дамы) и с какой-нибудь Непрядвы или речки-Смородицы доносятся лебединый гомон и всплески ². Далеким-далеко, за нитью багровой заряницы, скоком-походом мчится серый волк: несет воду живую и мертвую. И не демоны ширяют в дымных воздушках, а курганное воронье треплет шибанками (крыльями), клклет падал-человечину, то белую руку со золотым кольцом, то косицу с жарким волосом молодецким. За синим бором, на ровном месте (как хлеб на скатерти) идет побище смертное, правый бой с самим Дьяволом...

И зигзица прокуковала *тридцать годов* судины ³. Пора вставать Прекрасному на резвы ноги, да заломил Враг отступную дань — не много-не мало, душу из белой груди. Мается маятой смертной в Кощеевом терему Царевна: чья возьмет?..

Топится воск в малой келье на бору. Истекает смоль-душа — Спасу в дар приносится: — «прими Господи за грехи наши». И «сосен перезвон», как колокол, красное яйцо сулит, — белую вербу, ключевую воду, частый гребень, ворона коня, посвист удалецкий, зазнобу — красну девицу...

Я знаю, что Вам опять это письмо покажется неверным, опять заговорите Вы в Лермонтовском «и скучно, и грустно», но мне теперь видно Ваше действительно роковое положение, так как одной ногой Вы стоите в Париже, другой

Н. А. КЛЮЕВ И С. А. ЕСЕНИН

Фотография, 1916 г.

Литературный музей, Москва

же «на диком берегу Иртыша». Отсюда то тяжелое и нудное, что гнело нас при встрече и беседе друг с другом. Я видел Вас как-то накосом, с одного бока, и тщетно пытался заглянуть Вам прямо в лицо, то отдаваясь течению Ваших слов в надежде, что (как это иногда бывает) оно прибьет к берегу, то окликаая Вас Вашим тайным, переживаемым. Напрасно! Даже Ваш прощальный поцелуй был (если не из физического отвращения) половинчат и не унесен мною в мир. Ясно, что такие люди, как я, для Вас могут быть лишь материалом, натурой для Ваших литературных операций, но ни в коем случае не могут быть близкими, братьями. Доказательством этому служит Ваше признание, что Вы творите не для себя в другом человеке, а во имя свое, т. е. как Бог, и не знаете, боитесь поверить, что Ваше «я» вовсе не Ваше Я, а наполовину мое «Он», Тот, Кого назвать я не умею и не смею, и еще: вещи, которые меня волнуют настолько, что под тяжелой улыбкой приходится скрывать слезы, Вами встречены даже с иронией, с полным недоверием. (Помните за обедом я заикнулся о Прощении,

и Вы засмеялись в ответ). Все это открыло мне, что Вам грозит опасность, что Ваше творчество постольку религиозны, а следовательно и народны, поскольку далеки всяких Парижев и Германий ⁴ и т. п. Повторяю, что моя беседа с Вами была сплошной борьбой с иноземщиной в Вас. Я звал Вас в Назарет, — Вы тянули в Париж, я говорил о косоворотке и картузе, — Вы бежали к портному примеривать смокинг, в то же время посылая воздушный поцелуй и картузу, и косоворотке. Такое положение долго продолжаться не может, а если и продолжится, то вскоре Мир увидит вместо Ивана Царевича «Идолище поганое», нового бога с лицом быка и спиной дракона ⁵. В тот день безумства и позора дунет Дух и велико будет падение идола ⁶, и Вечная Зима (которую Вы уже слышите в «Земля в снегу») дохнет метелью и мраком ⁷ на светлый рай Ваш ⁸...

В настоящий вечерний час я тихо молюсь, да не коснется Смерть Вас, и да откроется Вам тайна поклонения не одной Красоте, которая с сердцем из льда, но и Страданию. Его храм, основанный две тысячи лет тому назад, забыт и презрен, дорога к нему заросла лозняком и чертополохом; тем не менее отважьтесь идти вперед! — На лесной прогалине, в зеленых сумерках дикого бора приютился он. Под низким обветшалым потолком Вы найдете алтарь еще на месте и Его тысячелетнюю лампаду неугасимо горящей. Падите ниц перед нею, и как только первая слеза скатится из глаз Ваших, красный звон сосен возвестит Миру — народу о новом, так мучительно жданном брате, об обручении раба Божия Александра, — рабе Божией России.

В этом смысле понимайте и название моей книжки, всецело обращенной к Вам. *Простите меня за беспокойство, которое я причинил Вам своим посещением.* Если найдете удобным, то покажите это письмо С. М. Городецкому ⁹, так как ничего другого в настоящее время я и ему сказать не имею. Что он написал (как говорил) обо мне в газете «Речь»? ¹⁰ Спрашиваю Вас, воздержаться ли мне писать о Вас в «Аполлон», о чем есть оттуда просьба ко мне? ¹¹ Не могу больше писать, очень еще слаб после болезни. Было воспаление легких, в боку еще очень колет и кашель страшный.

Жизнь Вам и Прощение.

Освещайтесь, просветляйтесь и прославляйтесь.

Остаю<сь> в любви Н. К.

<Приписка на отдельном листе> ¹² О моей книжке ни слуху, ни духу. Видимо меня книгоиздательство Знаменский и К^о обмануло и теперь не хочет знать. Не высылают ни книг, ни денег, хотя и есть на это писанный договор. Обидно и противно об этом говорить, но мне тут ничего не поделать. Вся надежда на Вас: быть может, Вы потрудитесь написать два слова по адресу Москва, Грузинская, дом № 3, книгоиздательство Знаменский и К^о. Только это и подействует на них, так как они побоятся Вас. *Очень прошу об этом* ¹³.

Датируется по связи со след. п. (30 ноября — дата отправления письма, написанного, по всей видимости, накануне или за несколько дней). Ряд записей в «Дневнике» Блока свидетельствует о том, что письмо Ключева было получено им одновременно с экземпляром книги «Сосен перезвон», отправленной 30 ноября. Например: «5 декабря. Письмо и книга Ключева»; «6 декабря <...> Я над Ключевским письмом» (VII, 100—101). Из этих дневниковых записей видно также, что письмо Ключева вновь произвело на Блока исключительно глубокое впечатление.

¹ Перифраз отрывка из блоковской статьи «О современном состоянии русского символизма». У Блока: «Благодаря этой сети обманов, — тем более ловких, чем волшебнее окружающий лиловый сумрак, — он <т. е. художник — К. А.> умеет сделать своим орудием каждого из демонов, связать контрактом каждого из двойников; все они рыщут в лиловых мирах и, покорные его воле, добывают ему лучшие драгоценности — все, чего он ни пожелает: один принесет гучку, другой — вздох моря, третий — аметист, четвертый — священного скарабея, крылатый глаз».

² Перифраз следующего отрывка из статьи Блока «Народ и интеллигенция»: «Над городами стоит гул, в котором не разобраться и опытному слуху; такой гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание. Скрипят бесчис-

ленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на туманной реке тревожно плещутся и кричат гуси и лебеди». Со стихотворным циклом Блока «На поле Куликовом», где почти дословно повторены некоторые места статьи («Над Непрядвой лебеди кричали» и т. д.), Ключев познакомился лишь после того, как отправил это письмо (см. п. 36, прим. 1).

Образы блоковского Куликовского поля возникают в статье Ключева 1919 г. «Огненное восхождение». «Слушаю свою душу, — пишет Ключев, — степь половецкую, как она шумит ковыльным диким шумом. Стонет в ковылях златокольчужный вит, унимает свою секирную рапу; только ключ рудный, кровавый неугасим... И за ветром свист сабли монгольской» («Звезда Вытегры», 1919, № 12, 1 мая).

³ Намек на то, что Блоку исполнилось тридцать лет.

⁴ Так в оригинале.

⁵ Слова из стихотворения В. С. Соловьева «Кумир Небукаднечара». У Соловьева: «Он был велик, тяжел и страшен, / С лица как бык, спиной — дракон».

С поэзией Владимира Соловьева Ключев, насколько можно судить, познакомился также благодаря Блоку, который в своих произведениях того времени нередко цитировал Соловьева и ссылался на него. Так, в сб. «Земля в снегу» эпиграфами к отдельным стихотворениям Блока были строки В. Соловьева. В декабре 1910 г. Блок читал в Петербурге доклад о Вл. Соловьеве — «Рыцарь-монах», напечатанный затем в сб. «О Владимире Соловьеве» (М., 1911). В статье «О современном состоянии русского символизма» Блок дважды цитирует стихи Вл. Соловьева и называет его своим «учителем». Стихотворение «Кумир Небукаднечара» было напечатано в сб. «Чтец-декламатор», который Ключев получил от Блока в марте 1910 г. (см. п. 27, прим. 1).

⁶ Перифраз отдельных строк того же стихотворения: 1. «В сей день безумья и позора / Я крепко к господу воззвал»; 2. «И дунул дух и погасил / Огонь небес»; 3. «Он пал в падении великом».

Ключев не случайно цитирует слова и строки из стихотворения «Кумир Набукаднечара». Гражданственный, обличительный пафос этого произведения, сатирически направленного против К. П. Победоносцева, передан у Соловьева возвышенным, библейски-пророческим языком; к такому же «профетическому» стилю стремился и Ключев в некоторых своих стихотворениях 1907—1911 гг.

⁷ «Метель» и «мрак» — слова-символы, ключевые для многих стихотворений сб. «Земля в снегу», прежде всего для цикла «Заключение огнем и мраком» (первоначальное название — «Заключение огнем и мраком и пляска метелей»).

⁸ Намек на стихотворение Блока «Я насадил мой светлый рай» (сб. «Земля в снегу»).

⁹ Как свидетельствует запись в дневнике Блока, сделанная 7 декабря 1911 г., Блок переписал это письмо Ключева и отправил его Городецкому (VII, 101).

¹⁰ В газете «Речь» от 5 декабря 1911 г. (№ 334) была напечатана рецензия С. М. Городецкого на сборник «Сосен перезвон». Поскольку Ключев упоминает о ней до того, как она появилась в печати, можно предположить, что либо Блок, либо сам Городецкий заранее известили его о предполагаемой статье. Книгу Ключева, как и все его творчество в целом, Городецкий оценивает чрезвычайно высоко: «Редко мы встречаем у начинающих поэтов — сказано в его статье-рецензии, — такое четкое, прекрасно выраженное самоопределение». Добавляя, что «интимные переживания» переданы в поэзии Ключева «с прямой настоящей большого лирика», Городецкий отмечает в ней несомненное влияние стихов Блока.

¹¹ Инициатором сближения Ключева с «Цехом поэтов» и кругом «Аполлона» был С. М. Городецкий; его знакомство с Ключевым, состоявшееся осенью 1911 г., быстро переросло в дружбу. «Он очень близок моим песням», — писал о Городецком Ключев 27 декабря 1912 г. издателью К. Ф. Некрасову (Гос. архив г. Ярославля и Ярославской области, ф. 952, оп. 1, ед. хр. 106). Однако в сущности отношение Ключева к Городецкому было более сложным (см. п. 43, прим. 29).

Что касается Городецкого, то он в те годы был горячим приверженцем «народной» поэзии Ключева, не раз писал о нем и широко пропагандировал его творчество. Видимо, по его рекомендации стихи Ключева были напечатаны в журнале «Гиперборей» (1912, № 1) и альманахе «Аполлон» (1912; вышел в свет в конце 1911 г.). В 1912 г. в журнале «Аполлон» Н. С. Гумилевым был дважды сделан разбор стихов Ключева (см. п. 40, прим. 4), а кроме того, в издании «Цеха поэтов» готовилась к печати книга его стихотворений «Плясая» (об этом сообщалось на страницах русских периодических изданий). Ясно, что «просьба» из «Аполлона», о которой упоминает здесь Ключев, была ему направлена также не без участия Городецкого.

¹² Подтверждением того, что приписка на отдельном листе относится именно к данному письму, служит большое письмо Ключева к Брюсову, отправленное в тот же день (30 ноября). Завершая его, Ключев делает приписку, в которой излагает Брюсову ту же просьбу и употребляет при этом же слова и выражения, что и в письме к Блоку. «Вышла ли моя книжка стихов? — спрашивает Ключев. — Я ничего об ней не слышу. Писал своему издательству Знаменский и К°, но ответа не получил. Денег тоже, хотя и есть на это у меня писанный договор. Наверно, меня эта компания обманула и больше не хочет знать. Обидно и противно говорить об этом, но мне-то тут ничего не поделать. Вся надежда на Ваше заступничество. Быть может, Вы потрудитесь сказать по телефону № 103-82 — книгоиздательство „Знаменский и компания“, чтобы мне выслали должные деньги и 25 штук моих книжек. Только это и подействует на них, так как они не посмеют огорчить Вас» (ГБЛ, ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49, л. 1).

Видимо, в тот же день (30 ноября) Ключев отправил и С. Городецкому письмо, содержащее аналогичную просьбу. 5 декабря 1911 г. Городецкий пишет Брюсову: «Дорогой Валерий

Яковлевич. Не откажите в любезности сказать по телефону в кн-во „В. И. Знаменский и К^о“, чтоб оно выслало деньги Николаю Алексеевичу Ключеву (<...> за его книгу „Сосен перезвон“, к которой Вы написали предисловие. Необходимо также выслать авторские экземпляры книги. Ключев мне пишет, что он ни того, ни другого не получает» (ГБЛ, ф. 386, карт. 83, ед. хр. 36, л. 26).

¹⁵ Блок написал Знаменскому. На обратной стороне листа — помета его рукой: «Знаменскому написал 12.XII» (см. также п. 37).

36

(Марьино, 30 ноября 1911 г.)

Сейчас получил «Ночные часы»: и так обрадовался, что на первых же страницах нашел те же самые слова, которые написаны мною в этом заказном письме...¹ Сейчас получил и «Сосен перезвон» — свою книжку², — изуродованную, с перепутанными стихами, с не моими заглавиями, с множеством опечаток, и вдобавок с недочеткой многих не понравившихся³ издателю стихов⁴. Видите, как с нашим братом церемонятся, что даже за свои книжки нужна плата. Напишите что либо об ней⁵. Очень буду ждать.

С любовью Н. К.

Открытка. Датируется по почт. шт.

¹ Сб. «Ночные часы» вышел из печати в конце октября 1911 г. В начале первого раздела книги, озаглавленного «На родине», был помещен стихотворный цикл «На поле Куликовом». Переключку со своим письмом к Блоку Ключев, скорее всего, увидел в словах «О Русь моя! Жена моя!»

² Один из первых экземпляров книги (возможно, самый первый) Ключев отправил Блоку (см. подробнее во вступ. статье).

³ В оригинале «не подравившихся»

⁴ В тот же день Ключев писал Брюсову: «Дорогой Валерий Яковлевич, присылаю Вам свою книжицу, изуродованную до неузнаваемости, с перепутанными стихами, с множеством опечаток, с не моими заглавиями и с недостающими, потерянными издательством стихами» (ГБЛ, ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49, л. 4). Отзыв Ключева совпадает с мнением Брихничева, изложенным им в открытом письме к Брюсову 27 декабря 1911 г.: «Как безобразно издал Знаменский Ключева. Но я уже ничего не мог сделать, ибо был на ногах с издателем, и он мне книги Ключева не показывал» (ГБЛ, ф. 386, карт. 78, ед. хр. 18, л. 8).

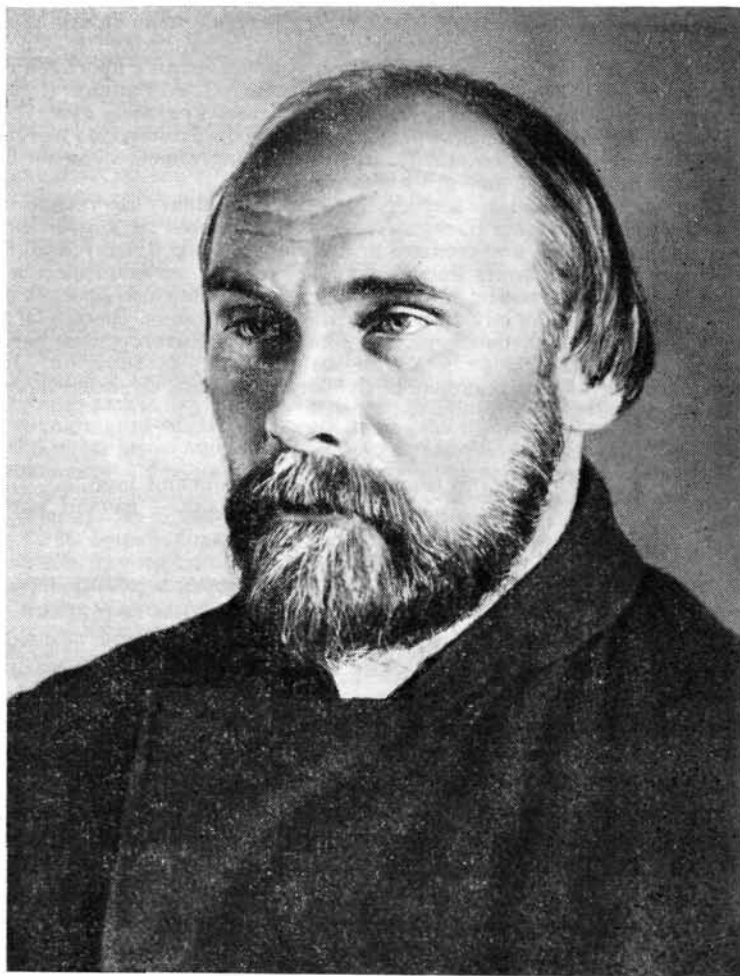
⁵ Блок воздержался писать рецензию на «Сосен перезвон», как, впрочем, и на все последующие книги Ключева, несмотря на то, что друзья и единомышленники олонецкого поэта не раз просили его об этом: «Не напишете ли Вы нам к первому номеру отзыв о книге Ключева. Кому как не Вам по-настоящему осветить образ и поэзию этого пророка новейшего времени», — спрашивал его, например, Брихничев в августе 1912 г., имея в виду получить от Блока рецензию на сб. «Братские песни» для первого номера журнала «Новое вино», сменившего с декабря 1912 г. запрещенную цензурой «Новую землю» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 173, л. 7 об.). Блок ответил отказом. «Любя Ключева, — писал он 26 августа 1912 г. — не нахожу ни пафоса, ни слова, которые передали бы третьему (читателю „Нового вина“) нечто от этой моей любви...» (VIII, 401).

37

(Олонецкая губ., Вытегорский уезд, конец декабря 1911 г. — начало 1912 г.)

А<лександр> А<лександрович>.

Получил от Вас два заказных письма — ответ на мое письмо. В одном Вы пишете, что Знаменский ответил Вам, что деньги мне посланы. Денег же я не получил никаких. Прилагаю к сему письмо дорогих для меня людей, из которого видно, как мучительно нужно сейчас сколько-нибудь рублей и как бы к месту была получка за книжку. Дорогой Александр Александрович, ради малого хорошего, что мы с Вами нашли в самих себе и что связывает нас с людьми и с родиной, прошу Вас послать по прилагаемому адресу сколько для Вас не жалко. В письме Вы найдете строки: «У меня все пожгли, всю солому — так что не осталось ничего, — не скотину кормить, не топить нечим». — Это ужасно, дорогой мой, милый родной Александр Александрович! 5, 10, 15 рублей нужно не медля. Адрес: станция Урусово, Рязанской губ<ернии>, деревня Гремячка, крестьянину Григорию Васильевичу Еремину¹.

Н. А. КЛЮЕВ

Фотография, 1928 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

На переводе поставьте мою фамилию, так как хоть там Вас и знают, но деньги, пожалуй, с Вашим именем отошлют назад. Не могу больше писать ничего и не успокоюсь, пока не получу ответа на деньги из Рязанской губ<ернии> ².

Остаюсь в любви Н. К.

Датируется по содержанию.

¹ Григорий Васильевич *Еремин* — крестьянин-сектант, у которого в течение долгого времени жил Л. Д. Семенов, предполагавший впоследствии жениться на его дочери. Еремин бывал у Л. Н. Толстого и переписывался с ним. По поводу посещения его Ереминым Толстой писал 10 мая 1908 г. Л. Д. Семенову: «Мы много беседовали с ним, но я жалею, что мало. Хотелось бы поделиться и, главное, попользоваться от него многим <...> Он много мне сказал полезного и много говорил о вас» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 78. М., 1956, с. 137). Ключев гостил у Еремина летом 1911 г. Позднее, в своем письме к Есенину (август 1915 г.) Ключев вспоминал: «Я бывал в вашей губернии, жил у хлыстов в Даньковском уезде, очень хорошие и интересные люди...» («Есенин и современность», с. 240). Упоминаемое Ключевым письмо Еремина к нему сохранилось в архиве Блока. «Мир тебе дорогой брат Коля Приветствую тебя Духом Любви прости меня за долгое молчание к тебе Я <...> ждал от тебя ответа и не подумай брат что мы забыли о тебе нет Мы всегда помним тебя ты всегда блис сердца нашего», — так начиналось это письмо (цитируется с воспроизведением особенностей оригинала). Далее Еремин сообщал Ключеву о постигшем его «наружном неблагополучии»: «...у меня еще пожгли всю солому так что не осталось ничево не скотину кормить не топить нечим если име-

еще свободную возможность то помоги по силе возможности а меня за все прости» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 39).

² Ключев не раз обращался к своим знакомым и покровителям с просьбой о денежной помощи себе и другим людям. Так, в недатированном письме к С. А. Гарину (судя по содержанию — первая половина 1913 г.) Ключев, ссылаясь на свою крайнюю нужду, просит «300—400 рублей» (ЦГАЛИ, ф. 146, оп. 1, ед. хр. 38, л. 4). Наиболее интересно в этом плане письмо Ключева к А. В. Руманову (о нем см. п. 39, прим. 1), написанное, судя по содержанию, в 1915—1916 гг. и отчасти аналогичное его письму к Блоку:

«Аркадий Вениаминович, будьте милостивы — внесите плату за учение в Вытегорском реальном училище мужицкого сына Василия Хотякова. Великим трудом, собирая копейки, я довел его до шестого класса, но в настоящее время сам голодаю и живу, где попало, добрых же людей всех отняла война. Спасите Васю Хотякова, ведь он такая радость и гордость крестьянская. В противном же случае он должен, не доучась лишь года, бросить школу и его не медля заберут в солдаты, так как ему 18 лет. На Вас все упование. Деньги 50 руб. высылать по адресу: Город Вытегра, Олонецкой губ. Г-ну директору Вытегорского реального училища — взнос платы за ученика Василия Хотякова» (ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр., 306, л. 4—5. Полный текст письма опубликован С. Субботиным в газ. «Красное знамя» (Вытегра), 1985, № 73, 18 июня.

38

«Олонецкая губ., Вытегорский уезд,
конец февраля — начало марта 1912 г.»

Дорогой Алек<сандр> Алек<сандрович>.

Я послал на Ваше имя письмо В. С. Миролюбову ¹, очень прошу отослать его заказным письмом, я не умею написать иностранного адреса. Обращаюсь к Вам еще с просьбой: посоветуйте, что мне делать? «Новая земля» предлагает мне издать книжку стихов в духе «Песнь братьям» — в № 7-8 «Новой земли» ². Все чтоб были стихи в таком же роде — обещает за это триста рублей и просит отвечать немедленно, так как надо пропечатать в газетах, что будет за этот год к журналу приложена моя книга. Пишут так убедительно с заголовком: «Торопитесь делать добро», что мне как-то неловко ответить необоснованным отказом. Быть может, новоземельцы и искренне веруют, что мои песни «отклик Елеонских песнопений». Я вовсе сбит с толку. По Москве распространяют мои письма, поют в Ямах ³ мое стих<творение> «Поручил ключи от ада...» и «Под ивушкой зеленой» ⁴... Не знаю, врут или правду пишут. Брюсов мне пишет, что я должен держаться «на занятом положении» ⁵, одним словом недоумениям моим нет конца. Книга предполагается с вступительной статьей что ли Епископа Михаила ⁶. Но беспокоит меня больше следующее: *не повредит ли мне книжка с такими песнями с художественной стороны?* Быть, может, Вы прочтете в № 7-8 «Новой зем<ли>» одну песню — как образец предполагаемой книжки. Очень и очень прошу написать мне поскорее. Без Вашего же слова я не смею ни соглашаться, ни отказывать ⁷. Знаменский и К^о Вам все врет, денег я за «Сосновый звон» не получал. С Рязанской губ<ернии> ответа на 10 руб. не получил. Потрудитесь ответить мне насчет книжки — приложения к «Нов<ой> земле» и простите, что я Вас беспокою. — Вышла ли книга с Вашими статьями? ⁸

Н. К л ю е в

Датируется по содержанию (упоминание о № 7-8 «Новой земли»).

¹ В. С. Миролюбов заведовал в то время литературным отделом журнала «Заветы», издававшегося в Петербурге с 1912 г. Стихотворения Ключева печатались почти в каждом номере журнала. «Надо бы известить Ключева, что два стихотв<орения>, к<ото>рые он мне прислал, к<ото>рые в „Зн<ание>“ (т. е. в сб. „Знание“, которые с 1911 г. Горький редактировал при активной поддержке Миролюбова — К. А.) не еяли, я помещу в 1 кн<ижке> нашего журнала (т. е. „Заветов“ — К. А.). Чтобы он не поместил их в другом месте», — писал Миролюбов Блоку 29 января 1912 г. Переписка Ключева и Миролюбова, как видно, осуществлялась через Блока и в 1912 г. «Писать прямо Ключеву боюсь. Пусть и он пишет через Вас», — указывает Миролюбов Блоку в своем письме к нему из Италии 15 декабря 1912 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 335, л. 8 об. и 16). К одному из писем относится, очевидно, помета, сделанная Миролюбовым в его записной книжке 1912 г. (16 ноября): «Зак<азное> Блоку — Ключеву» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 26, л. 180).

Какие именно произведения Ключева пересылал Блок Миролюбову в феврале-март 1912 г., не установлено.

² В № 7-8 «Новой земли» за 1912 г. (февраль) была помещена «Песнь — братьям» (с. 3), которая затем под новым заглавием «Песнь похода» вошла в сборник «Братские песни» и позднее — в соответствующий раздел «Песнослов» (с разночтениями).

³ ...в Ямах (или на Ямах) т. е. в Николо-Ямском переулке Москвы, где находилось несколько старообрядческих церквей.

⁴ Стихотворение «Поручил ключи от ада», озаглавленное «Братская песня», впервые напечатано в журнале «Новая земля» (1912, № 1-2, январь, с. 3); перешло (с разночтениями) в «Братские песни» и затем — в «Песнослов». Стихотворение «Под ивушкой зеленой» первоначально также публиковалось в «Новой земле» (1912, № 11-12, март, с. 2), где оно имело название «Вечерняя песня»; озаглавленное затем «Усладный стих», оно было (в переделанном виде) включено Ключевым в «Братские песни» и «Песнослов».

⁵ Письма Брюсова к Ключеву (за исключением одного), видимо, не сохранились. В своем письме к Брюсову Ключев спрашивал его 3 февраля 1912 г.: «Очень хотелось бы знать, что слышно про „Сосновый звон“ в печати устно» (ГБЛ, ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49, л. 6). В ответном (февральском) письме Брюсова и содержались, скорее всего, слова, приведенные Ключевым.

⁶ Епископ Михаил (настоящее имя — Павел Васильевич Семенов; 1872—1916), старообрядческий священник, писатель, автор учебников по богослужению и работ по истории восточной и западной церквей. Окончил Казанскую духовную семинарию (в начале 90-х годов). В 30 лет стал архимандритом. В 1905 г. объявил себя христианским социалистом; опубликовал 12 писем «О Христе подлинном», в которых пытался соединить марксизм с христианством. Вместе со священником Григорием Петровым организовал кружок «32 прогрессивных священника». В 1906 г. уволен из академии, сослан в Задонский монастырь, оттуда переведен в Балаамский монастырь. В конце 1907 г. приехал в Нижний Новгород; сотрудничал в журнале священника Г. М. Карабиновича «Старообрядец». Лишенный синодом сана архимандрита, уехал в Финляндию, где продолжал заниматься литературным трудом. Его расхождения со старообрядцами достигают к этому времени значительной остроты. На старообрядческом соборе в 1909 г. о. Михаилу было разрешено священнослужение при условии, что он уедет в Канаду для основания там новой старообрядческой епархии. Недостаток средств заставил о. Михаила отказаться от этого начинания и вернуться в Россию. В 1909 г. издает в Царицыне газету «Город и деревня» и печатается в журнале «Слушай земля». К этому же времени относится его переписка с Горьким. Старообрядческий собор 1911 г., выслушав доклад Г. М. Карабиновича «О еретических мыслях», запретил о. Михаилу заниматься священнослужением. Умер в Москве от гнойного воспаления мозга в больнице, куда его доставили избитым до полусмерти (см. «Волгарь», 1916, № 298, 30 октября).

⁷ Блок высказался за издание книги. В письме к Брюсову, спрашивая у него совета относительно издания «Братских писем», Ключев пишет 16 марта 1912 г.: «А. Блок советует издать, говорит об этом твердо» (ГБЛ, ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49, л. 5). Отзыв Блока о «Братских песнях» сохранился в передаче И. Брихнчева: «Александр Блок сказал: это книга — земная, сильная, национальная» («Руль», 1912, № 355, 18 июня).

⁸ Ключев имеет в виду задуманную, но так и не осуществленную Блоком книгу «Собрание статей», которая анонсировалась на обложке каждого тома «Собрания стихотворений».

39

(Олонецкая губ., Вытегорский уезд, 16 марта 1912 г.)

Дорогой Александр Александрович, я получил Ваше письмо от 7 марта. Я не забыл Вас, и всегда Вы у меня в сердце, не писал же я Вам, потому что остерегаюсь на белом мраморе Вашей залы наследить сапогами, в атмосферу левкоев и гиацинтов внести запах ночлежки. В общем же только из какой трепетной заботливости о Вашей радости — о Вашей белизне, святости — «прибела».

Я был благодарен Вам, если б Вы сказали Руманову¹, что Знаменский обидел меня. Про свои обиды я уже привык говорить Вам и в этот раз не утаиваю ее. В Рязани 10 руб. получили. Спасибо. От Миролюбова ответ на письмо получил.

В любви крепкой НК

Открытка. Датируется по почт. шт.

¹ Аркадий Вениаминович Руманов (1878—1960) — журналист и писатель, петербургский представитель газеты «Русское слово»; автор книги «Священник Г. С. Петров, член Государственной думы. Биография и история ссылки в монастырь» (М., 1907).

Сближение Руманова с Блоком относится к концу 1911 г. Приблизительно в это же время Руманов познакомился и с Ключевым. Посредником в их знакомстве был скорее всего С. М. Городецкий. В недатированном письме к Руманову (судя по содержанию — лето 1912 г.) Ключев писал: «Мне (Сергей) Г(ородецкий) передавал от Вас поклонны и мне так люблю, что Вы не забыли меня» (ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 306, л. 1). О Ключеве Руманов мог слышать и от Л. Д. Семенова, с которыми он также поддерживал отношения. Кроме того, об олонецком поэте Руманову рассказывал Блок (запись в дневнике Блока от 11 января 1911 г. фиксирует их разговор о Ключеве — VII, 122).

40

(Олонецкая губ., Вытегорский уезд, апрель — май 1912 г.)

Я очень и очень тронут Вашим подарком — книгами. Пишу и слезы застилают глаза, вспоминая первую встречу с «Нечаянной радостью». Чем-то родным, извечным пахнуло на меня, когда я взял эту книгу в руки ¹ и все три поистине называю «Рекою жизни» ². Целую Вас в сердце Ваше и прошу не смущаться моим молчанием, ибо я не перестаю дышать ароматом Вашим и говорил Вам из уст в уста, что «мой Блок» со мной ³ всегда и вовеки. Всё это слова не простые, но оправданные опытом, и потому я и не скрываю их от Вас. Жизнь Вам и слава, дорогой мой и единственный. *Где Вы будете летом?*

В любви крепкой Н. К л ю е в

Что написал Гумилев в «Аполлоне» про «Сосен перезвон»? ⁴ Просили ли Вы Руманова за меня, т. е. чтобы он воздействовал на Знаменского? Ведь Знаменский — человек богатый, книжка уж почти разошлась, срок уплаты февраль месяц, а за ним еще 125 руб. Огромная для меня сумма. Кроме того, есть слухи, что Знаменский напечатает еще две тысячи книжек без моего согласия и спроса. Что тут делать, я не знаю. Пусть Руманов подпишется на письме, что он — редактор «Русс<кого> слова» и «Бир<жевых> В<edomостей>». Это, думаю, подействует.

Датируется по содержанию.

¹ Ключев имеет в виду третий том «Собрания стихотворений», изданный в конце марта 1912 г.

² Называя три тома «Рекою жизни», Ключев, возможно, перефразирует следующие слова блоковского предисловия к «Собранию стихотворений»: «Всю трилогию я могу назвать „романом в стихах“...»

³ Далее зачеркнуто полторы строки.

⁴ Н. С. Гумилев писал о сб. «Сосен перезвон» в сводной рецензии, открывавшейся разбором книги Блока «Ночные часы» («Аполлон», 1912, № 1). Называя Ключева «уже совершенно окрепшим поэтом, продолжателем традиций Пушкинского периода», Гумилев предвидел в его творчестве «возможность поистине большого эпоса» (с. 70—71). Спустя несколько месяцев в том же «Аполлоне» (1912, № 6) Гумилев одобрительно высказался и о второй книге Ключева «Братские песни». Видимо, к началу 1912 г. Ключев был уже лично знаком с Гумилевым. Сохранился экземпляр книги «Сосен перезвон» с дарственной надписью Ключева: «...мы выйдем для общей молитвы на хрустящий песок золотых островов. Дорогому Н. Гумилеву с пожеланием мира и радости от автора. Андома. Ноябрь 1911 г.» (Б-ка ИРЛИ; цитируются две строчки Гумилева из цикла «Беатриче», сб. «Жемчуга»).

41

(Петербург, 5 сентября 1912 г.)

Дорогой Александр Александрович: я нахожусь в настоящее время в СПб. и не могу уехать, не увидев Вас. Когда Вам удобней свидеться, — я приду ¹. Адрес: Усачев переулок, дом № 11, кв. 1. К. А. Ращепериной, для Николая Ключева

С приветом. Н. К л ю е в

Открытка. Датируется по почт. шт.

¹ Встреча Ключева с Блоком состоялась вечером 7 сентября 1912 г. (см. п. 42, прим. 4).

42

(Петербург, 9 сентября 1912 г.)

Озеро Лаче ¹, оказывается — по-местному зовется «Ляча», а не «Плача». О Данииле же с ним не упоминается, хоть я и знаю Даниила ². Кажется, я согласился с Вами, что оно (озеро) Плача ³; это осталось во мне терпко, потому и спешу сказать Вам ⁴.

Н. К.

Открытка. Датируется по почт. шт.

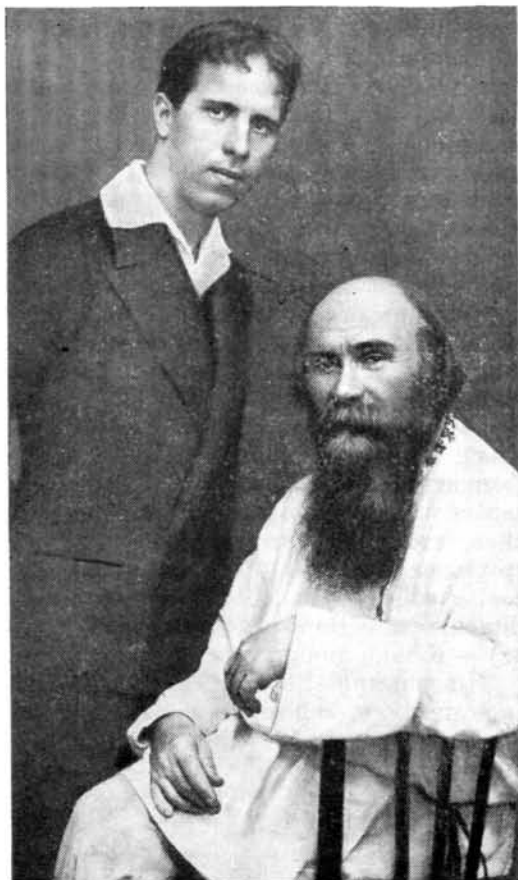
¹ Лача (или Лаче) — озеро в истоках р. Онеги в Архангельской обл. Упоминается в стихотворении Клюева «Сготовить деду круп, помочь развесить сети», опубликованном в «Песнословце»: «С полатей смотрит Жуть, гудит, как било, Лача»; «А Лача тклет валы размашисто и хлябко» и т. п.

² Имеется в виду древнерусский писатель Даниил Заточник (XII—XIII вв.), сосланный («заточенный»), по некоторым источникам, на озеро Лаче.

Клюев действительно «знал Даниила». В 1932 г. в письме во Всероссийский союз писателей Клюев называет Даниила Заточника в ряду самых дорогих для него имен в искусстве. «Просвещенным и хорошо грамотным людям, — пишет Клюев, — давно знаком мой облик как художника своих красок и в некотором роде туземной живописи. Это (...) образами живущие во мне заветы Александрии, Корсуня, Киева, Новгорода от внуков велесовых до Андрея Рублева, от Даниила Заточника до Посошкова, Фета, Сурикова, Нестерова, Бородина, Врубеля и меньшого в шатре Отца — Есенина» (цит. по копии из архива К. М. Азодовского).

³ В «Слове» и «Послании» (или «Молениях»), автором которых считается Даниил Заточник, озеро Лаче обыгрывается как озеро Плача. Например, в «Молении» (основная редакция, XLI): «Кому Переславль, а миѣ гореславль; кому Боголюбово, а миѣ горе лютое; кому Белоозеро, а миѣ чернѣ смолы; кому Лача озеро, а миѣ много плача исполнено» («Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам». Приготовил к печати Н. И. Зарубин. Л., 1932, с. 61). Можно предположить, что и Блок знал произведения Даниила Заточника и беседовал о них с Клюевым.

⁴ Письмо написано на другой день после встречи с Блоком. Ср. записи в «Дневнике»: «7 сентября (...) Вечером — Клюев, мама, Женья. Клюев ночует. 8 сентября. Утро с Клюевым» (VII, 156—157).

Н. А. КЛЮЕВ И ХУДОЖНИК
А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

Фотография, начало 1930-х годов

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Видно, мне не забыть Вас, дорогой Александр Александрович! Опять тянет поговорить с Вами, выключить от Вас восточку и с ней какую-то звуковую волну — Ваше дыхание. Когда умер у Вас отец и Вы написали мне об этом, я вздыхал и припадал головой к Вашему письму¹, теперь пришел черед Вам пожалеть меня: у меня умерла Мама... Родная моя, сиротинная моя, унывщица и былинщица моя — умерла! Теперь я остался только со стариком-отцом, у осиротевшей печи, у заплаканной божницы, у горькой нуды — работухи...²

Последняя встреча с Вами³ непамятна мне: в ней было что-то злое, кто-то загораживал Вас от меня. Запомнилась мне лишь старая, любимого народом письма — икона «без лампадки». (Чья душа?). Я пришел в отчаяние от Питера с Москвой. Вот уж где всякая чистота считается Самарянскою проказою и потупленные долу очи и тихие слова от жизни почитаются вредными и подлежащими уничтожению наравне с крысиными полчищами в калашниковских рядах⁴ и где сифилис титулован священной болезнью, а онанизм под разными соусами принят как «воробьиное занятие» — походя, даже без улыбки, отли-

чающей человеческие действия вообще, а непроизвольно, уже без памяти о совершившемся. Нет, уж лучше рекрутчина, снохачество, казенка, чем «Бродячая собака»⁵, лучше Семеновские казармы⁶, Эрмитаж с гербами и с привратником в семиэтажной ливрее⁷, чем «танец апашей»⁸, лучше терем Виктора Васнецова⁹, чем «Зон»¹⁰, и крест на месте убиения князя Сергия в Кремле¹¹ лучше искусства Бурлюка¹². Я теперь узнал, что к «Бродячей собаке» и к «Кривому зеркалу»¹³, и к Бурлюку можно приблизиться только через грех, только через грех можно сблизиться и с людьми, живущими всем этим. Я по способности своей быть «всем для всех»¹⁴ пожил два месяца Собачьей жизнью¹⁵, пил даровой коньяк, объедался яблоками в 6-ть руб. десяток, принимал ласки раздушенных белых, как кипень (и почему они такие белые?) мужчин и женщин (но, в баню с ними все-таки не ездил). Из них были такие, которые чуть не лизали меня. И ни одной души не выискалось спросить о моей жизни, о моем труде, о матери!...¹⁶

У меня на столе старая, синяя, глиняная кружка с веткой можжевельника в ней. В кружку налита горячая вода, чтобы ветка, распарясь, сильнее пахла. Скажите это кому-либо из Собачьей публики, Вам скажут, что по Бунину деревне этого не полагается (мне часто говорили подобное). И не знает эта публика, что у деревни личин больше, чем у любого Бунина¹⁷, что «свинья на крыльце» и «свиное рыло», и Сергей Радонежский и недавний Трошка Синебрюхов, а сейчаший Трофим Иванов по формуляру (в командировке Валентин Викентьевич Воротынский), око охранки и кокотка Нормы (на деревне Степка) — только личины, только «Бесовское действо» в ночь на «Воскресенье»¹⁸.

Я вспомнил «Бесовское действо» Ремизова¹⁹, прибавляю, что это всеславянское писание, вещественное доказательство Буниным, что «Золотой вертеп»²⁰ и «Святой вечер»²¹ нетленны на Руси. Быть может, потрудитесь передать мой поклон Ремизову²².

Прочитали ли Вы «Лесные были»²³ и что про них скажете? В глаза Вы мне говорили: «Вот у А. Толстого есть много былин, но все второго сорта»²⁴, но из этого я не заключаю, что не может быть былин «первого сорта».

Александр Александрович, вспомните: «Загляжусь ли я в ночь на метелицу»²⁵, «Ой, синь туман ты мой»²⁶, «Ой, косыньку развей»²⁷ — ну разве после таких былин можно не запеть «Плясею» или «Бабью песню» с «Сизым голубем»?²⁸

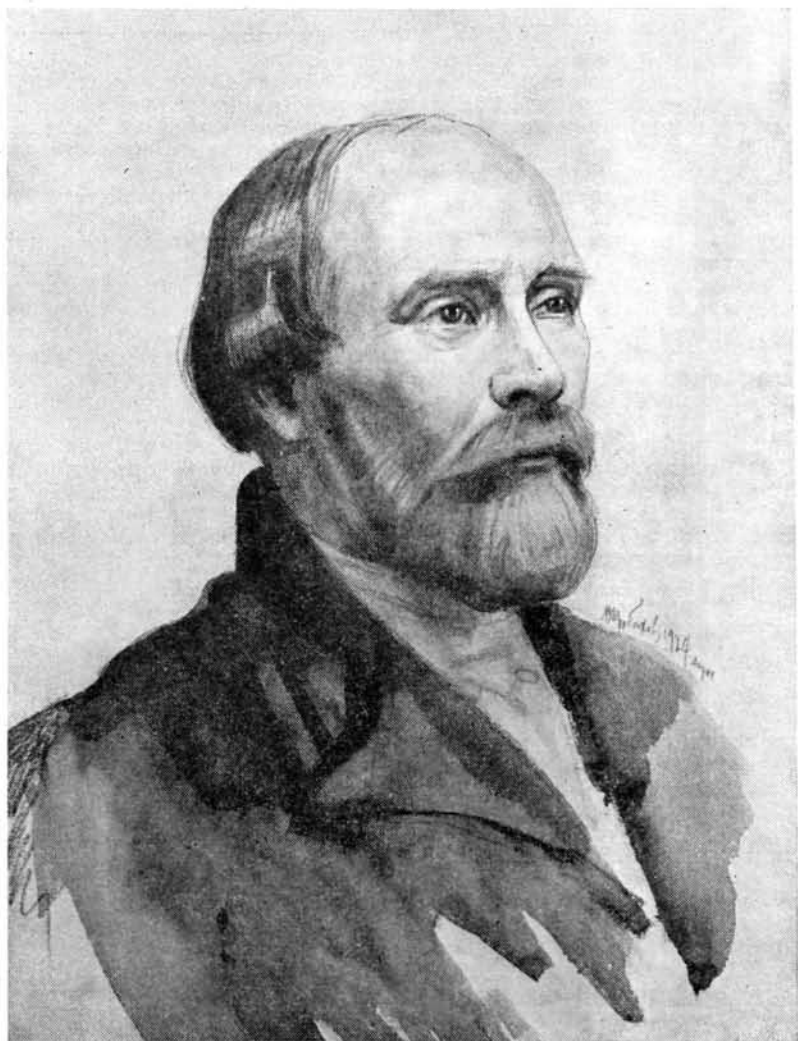
Как показался Вам отдел «Скорбящая весна» в «Иве» Городецкого²⁹, «По-таенный сад» Клычкова³⁰, «Осанна» Брихничева³¹? — мне важно услышать от Вас про них. Нравятся ли «Лесные были» Ремизову и Философову³²? Кроме этого, у меня к Вам насущная просьба: похлопотать перед «Сириным»³³ о переиздании «Братских песен», — это даст возможность пожить мне со стариком некоторое время на теплом куске с прихлебкой... Очень прошу Вас об этой помощи. Я бы написал Вам много про «бедность горемычную», но всегда такие разговоры бывают похожи на жалобы, а потому я избегаю их, особенно с Вами — моей радостью и благоуханием (еще Вам мою <?>!). Итак, жизнь Вам и алая кровь, и ветер с моря — возлюбленный. —

Николай К л ю е в

Ноябрь. 1913 г.

¹ А. Л. Блок, отец поэта, умер в Варшаве 1 декабря 1909 г. Блок мог сообщить об этом Ключеву, всего вероятней, в письме от 11 января 1910 г.

² Мать Ключева, Прасковья Дмитриевна, скончалась 19 ноября 1913 г. в возрасте 62 лет. Ключев тяжело переживал ее смерть, оплакивал ее в своем творчестве («Избавные песни») и в духе традиционных народных причитаний сложил надписи для могильного креста (см.: А. К. Г р у н т о в. Материалы к биографии Н. А. Ключева, с. 122). Элементы «плача» ощущаются не только в этом письме Ключева к Блоку, но и в других его письмах, где он рассказывает о смерти матери. «Нахожусь в великой скорби», — писал Ключев В. С. Миролюбову приблизительно в это же время (письмо не датировано), — у меня умерла Мама. Былинница, песельница моя умерла — «от тоски» и от того, что «красного дня не видела»... Тяжко мне, Виктор Сергеевич. Теперь я один со стариком отцом, с криворогой старой короной, с котом Оськой, с осиротевшей печью, с вьюгой на крыше... Неужели и у меня жизнь пройдет без

Н. А. КЛЮЕВ

Портрет (акварель) работы В. С. Щербакова, 1927 г.

Собрание Б. В. Щербакова, Москва

«красного дня?»» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 19). Ср. также письмо Ключева к Брюсову, написанное в конце февраля 1914 г. (ГБЛ, ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49, л. 8).

³ Имеется в виду одна из встреч в марте 1913 г. Например, в дневнике Блока 4 марта 1913 г. записано: «Пришла мама. Потом Ключев, *очень хороший*, рассказывал, как живет» (VII, с. 227). Ключев пробыл в Петербурге до 11—12 марта. «Я сейчас уезжаю из Питера домой...», — писал он А. В. Ширяевцу 10 марта 1913 г. (ИМЛИ, ф. 29, оп. 3, ед. хр. 25).

⁴ Имеется в виду Калашниковская хлебная биржа в Петербурге.

⁵ «Бродячая собака» — известное литературно-художественное кабаре в Петербурге в 1912—1915 гг., оставившее заметный след в художественной жизни того времени. Ключев бывал в «Бродячей собаке» в конце 1912 — начале 1913 гг. В недатированном письме к Есенину (видимо, август 1915 г.) Ключев вспоминает о «Бродячей собаке», где ему «хлопали без конца» и где он чувствовал себя «наинесчастнейшим существом из земнородных» («Есенин и современность», с. 239). Блок также относился к «Бродячей собаке» отрицательно и не посещал этого кабаре (см.: VII, 184 и 192).

⁶ Семеновские казармы — казармы лейб-гвардии Семеновского полка, находившиеся в Петербурге на Загородном пр.

⁷ Несомненно, Ключев имеет здесь в виду здание музея Эрмитаж, примыкавшее к Зимнему дворцу — царской резиденции.

⁸ Танец апашей — танец, модный накануне первой мировой войны.

⁹ Виктор Васильевич *Васнецов* (1848—1926) — известный русский художник, автор нескольких архитектурных проектов в древнерусском стиле.

¹⁰ «Зон» — известный московский театр И. С. Зона (до 1913 г. — театр «Буфф»).

¹¹ Имеется в виду крест, воздвигнутый на месте гибели великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, убитого эсером Калаяевым 4 февраля 1905 г.

¹² Давид Давидович *Бурлюк* (1882—1967) — поэт и художник, один из первых русских футуристов и инициаторов «Бродячей собаки».

¹³ «Кривое зеркало» — петербургский комедийный и сатирический театр, организованный в 1908 г. Существовал до 1931 г.

¹⁴ Перифраз известных слов апостола Павла: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (I Коринф., 9, 22).

¹⁵ Явный намек на «Бродячую собаку». В цитированном выше письме Ключева к В. С. Миролюбову, написанном вскоре после смерти матери поэта, говорится: «Много обиды кишит у меня на сердце против Питера, из которого я вынес лишь тревожную пару да собачью повестку на лекцию „Об акмеизме“» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 19; под «собачьей повесткой» Ключев имеет в виду приглашение на лекцию Городецкого «Символизм и акмеизм», прочитанную в подвале «Бродячей собаки» 19 декабря 1912 г.). Ср. ниже упоминание о «Собачьей публике».

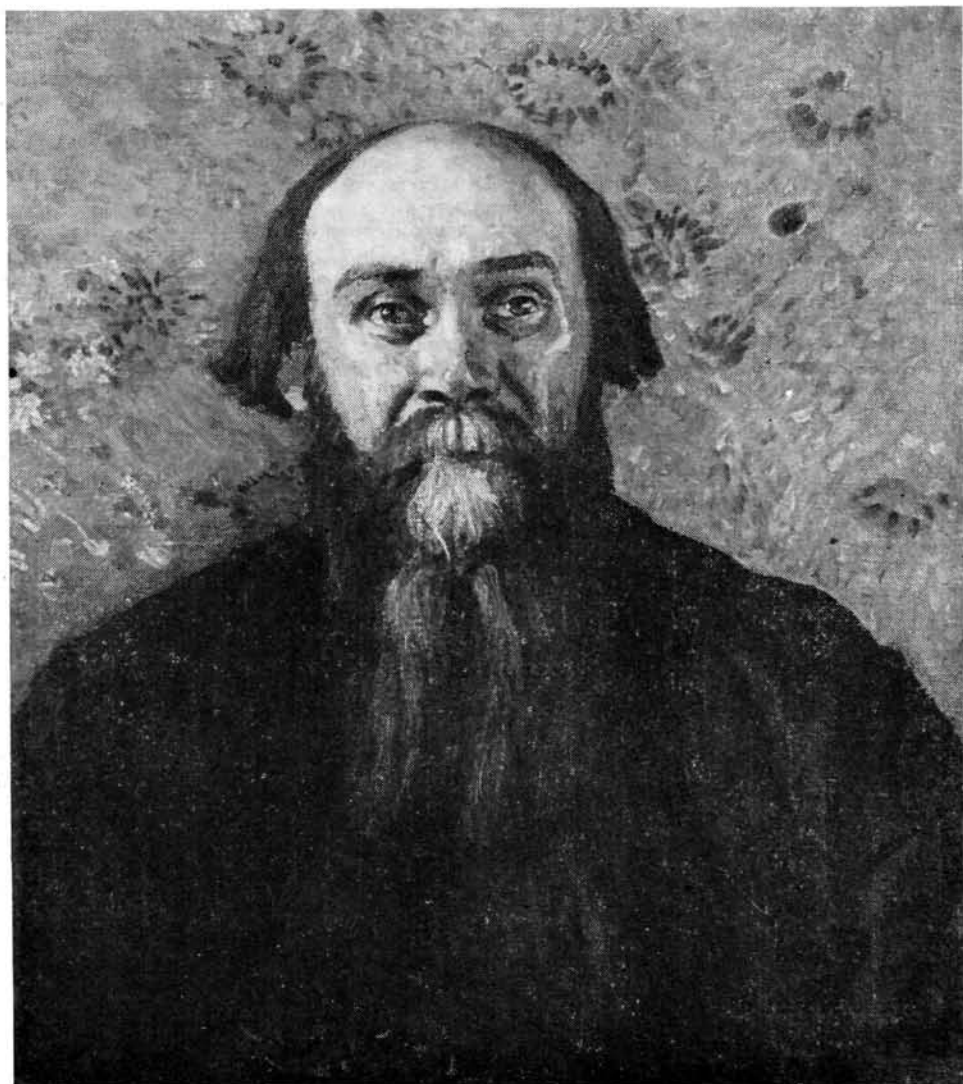
¹⁶ О том же и приблизительно в тех же выражениях писал Ключев Ширяевцу в августе — сентябре 1913 г. Письмо не сохранилось, однако отрывок из него Ширяевец цитирует 25 сентября 1913 г. в письме к своему другу тех лет, литератору П. С. Поршакову: «Самое главное вот в чем. Получил от Н. Ключева все три книги с надписями (падай на колени!) и письмо. Описывает, как его в Питере и Москве таскали по разным салонам, собраниям и т. д. Жалуются на свою судьбу, говорят, что никто из таскавших его не позаботился узнать, есть ли у него на завтрашний день кусок хлеба... Пишет, что живет в деревне с матерью, которая вечно болеет и которая «чуть поздоровше, всхлипывающим старушьям голосом поет мне свои песни: она за прямицей, а я сижу и реву на всю избу, быть может в то время, когда в Питере в атласных салонах бриллиантовые дамы ахают над моими книжками...» Очень интересное письмо. Это я привел только часть. Без волнения прямо немислимо читать» (ИМЛИ, ф. 29, оп. 3, ед. хр. 5, л. 37—38).

¹⁷ Отрицательный отзыв Ключева о Бунине был вызван, в первую очередь, принципиальными различиями во взглядах обоих писателей на русскую деревню. Подобно другим ново-крестьянским писателям, Ключев чрезмерно идеализировал патриархальный уклад, воспевал быт и древние традиции русского села и как художник ориентировался на фольклор, мифологию, народные поверья и т. д. В забитом и убогом («темном») русском пахаре Ключев видел носителя светлого, религиозно-нравственного и творческого начала. Бунин же, напротив, в своих повестях и рассказах 1909—1912 гг. («Деревня» и др.) изображал прежде всего нищету и косность русской деревни, стремился привлечь внимание к жестоким и диким сторонам ее жизни, тем самым разоблачая легенду о «святой Руси». В мрачных, порой отталкивающих тонах представлена у Бунина и духовная жизнь русского крестьянства. Такой взгляд, как видно из настоящего письма, казался Ключеву предосудительным, односторонним, «барским», и он пытался убедить Блока в том, что Бунин не знает деревни, не чувствует ее многообразия и красоты. «Душа деревни», по убеждению Ключева, особенно ярко раскрывается в тех старинных обычаях и обрядах, которые пытался воссоздать в своем творчестве Ремизов.

Бунин, со своей стороны, также воспринимал Ключева как своего идейного противника (наряду с Ремизовым и другими писателями, тяготевшими к «народу», стремившимися всячески разукрасить деревню, воспевавшими «старину» и т. д.). «Изругал поэтессу Столицу, упрежняющуюся в том же роде, что и Ключев...» — писал он, например, Горькому из Одессы 14 мая 1913 г. («Горьковские чтения 1958—1959». М., 1961, с. 72).

¹⁸ Изображая «личины» русской деревни, Ключев прибегает к свойственной для его эпистолярного стиля манере «намек» и недосказанности, употребляет вымышленные имена и названия, благодаря чему содержание этого отрывка прочитывается недостаточно ясно. «Свинья на крыльце» и «свиное рыло» — образы, восходящие скорее всего к гоголевскому «Ревизору» (ср. реплику Городничего: «Какие-то свиные рылы вместо лиц» — действие V, явление VIII; «свинья на крыльце» — реминисценция из явления XI действия III). Поставленное рядом имя русского святого XIII в. указывает на противоположный полюс деревенской жизни, который убежденно отстаивал Ключев, — святость. Трансформация имени и фамилии Синебрюхова должна отражать приобщение вчерашнего «холопа» к городской («смецанской») жизни и содержит намек на его связь с охранным отделением («в командировке» Синебрюхов «благораживается» и получает звучную дворянскую фамилию — Воротынский). Таким же образом поставлены в один ряд деревенская Стешка, кокотка Норма и «око охранки». Название известной оперы Беллини («Норма») использовано здесь Ключевым скорее всего ради эфонического эффекта, «звучковой волны». (Связь с Гоголем не исключена и в этом случае, ибо «Норма» упоминается в «Ревизоре» — действие III, явление VI). Заключительные слова о «Бесовском действе» (т. е. о «нечистой силе») напоминают опять-таки о колдовских превращениях, описанных Гоголем в повести «Ночь накануне Ивана Купала».

С. И. Субботин усматривает в фамилии «Воротынский» связь с одним из персонажей романа А. Белого «Петербург»: агент охранного отделения П. Я. Морковин, будучи на задании (т. е. «в командировке») выдает себя за писаря Воронкова (письмо С. И. Субботина к К. М. Азадовскому от 18 ноября 1984 г.). Однако четвертая глава «Петербурга», где впервые

Н. А. КЛЮЕВ

Портрет (масло) работы И. Я. Грабаря, 1932 г.

Собрание семьи художника, Москва

упоминается Воронков, была напечатана лишь во втором сборнике «Сирин», изданном, согласно «Книжной летописи», в самом конце декабря 1913 г. Остается предположить — если принять эту версию, что Клюев был знаком с романом Белого еще до его выхода в свет.

Заметим попутно, что аналогичный сюжет (перемена тайным агентом своей фамилии) встречается и в романе «Серебряный голубь» (рассказ о генерале Чижикиве), а восприятие народной жизни, выразившееся в этом произведении Белого и отчасти близкое клюевскому, также коренится в творчестве Гоголя (см.: В. М. П а е р н ы й. Андрей Белый и Гоголь. — Типология литературных взаимодействий. — Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение» («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 620). Тарту, 1983, с. 89—91.

Можно также допустить, что комментируемый текст является продолжением каких-то конкретных разговоров Клюева и Блока, которые они вели в начале 1913 г. (в частности — о прозе Белого).

¹⁹ «Бесовское действо» — «символическая» драма А. М. Ремизова, написанная и впервые изданная в 1906 г.; вошла в 8-й том Собрания сочинений Ремизова („Сирин“, 1910—1912).

²⁰ Золотой вертеп — т. е. украшенный изнутри золотой бумагой ящик, в котором разыгрывались на Руси святочные представления. Этот вид народного театра воссоздан и описан Ремизовым в одной из его «отреченных повестей» — «О безумии Иродиادیном». Опубликова-

но в 7-м томе «Сочинений» Ремизова, издававшихся в Петербурге в 1910—1912 гг. (с. 25 и 193—194).

²¹ Святой вечер — т. е. канун Рождества. Название одного из рассказов Ремизова (Сочинения, т. III), в котором слова «святой вечер» введены в повествование как «древний колдунский припев».

²² Из этих слов Клюева можно заключить, что его личное знакомство с Ремизовым состоялось в конце 1912 — начале 1913 г. 4 марта 1913 г. в Петербурге Клюев подарил (возможно, передал через Блока) Ремизову экземпляр «Лесных былей», сделав на нем надпись — стилизацию в духе народной «челобитной» (хранится в собрании М. С. Лесмана). Позднее, осенью 1915 г., Клюев часто встречается с Ремизовым в Петрограде (сохранилась его записка к Ремизову от 10 сентября 1915 г. — ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, № 114). Период наиболее интенсивного общения между Клюевым и Ремизовым — 1915—1917 гг. «Во время своего пребывания в Петрограде ему (Клюеву) чаще всего приходится встречаться с Ремизовым, который для него близок и как писатель, и как человек» (Борис Лавров. Беседа с Н. А. Клюевым. — «Волгарь», 1916, № 352, 23 декабря, с. 2). Вместе с Ремизовым Клюев участвует в публичных выступлениях (например, 25 октября 1915 г. в Тенишевском училище на вечере группы «Краса»). Свое восхищение Ремизовым Клюев выражал и позднее (см. его письмо к Миролюбову 1919 г. — ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 617, л. 23). Ремизов, со своей стороны, высоко ценил Клюева; 18 февраля 1917 г. он подарил Клюеву «обезьяний знак первой степени с кисточками для ношения» (музей ИРЛИ).

В сущности, Ремизов был в то время одним из наиболее близких и созвучных Клюеву русских писателей. Свойственная многим русским символистам устремленность к фольклору проявила себя у Ремизова, тесно связанного с символистским кругом, особенно остро и последовательно. Значительная часть его творчества представляет собой либо стилизацию «под фольклор», либо своеобразную обработку фольклорных текстов (Ремизов был знатком и собирателем фольклора), а также памятников житийной и апокрифической литературы. Наряду со сказками, легендами и песнями Ремизов обильно использовал духовные стихи, народные обряды, описания различных древнерусских действ и народно-сценических представлений. К такой же стилизаторской манере тяготел и Клюев в 1912—1916 гг.

²³ Имеется в виду сб. «Лесные были» — третья книга стихотворений Клюева, появившаяся, согласно «Книжной летописи», между 4 и 11 марта 1913 г. (издательство К. Ф. Некрасова).

²⁴ Имеются в виду, скорее всего, «былины» А. К. Толстого, о которых Блок еще в 1906 г. говорил, что они написаны «скверным русским языком» (V, 90). Позднее, в рецензии на книгу В. В. Сиповского «История русской словесности», Блок писал о А. К. Толстом: «Едва ли его дворянская поэзия имеет много общего с народной» (V, 624).

²⁵ Первая строка незаглавленного стихотворения Блока (1902), впервые напечатанного в журнале «Образование», 1908, № 3; вошло в том I «Собрания стихотворений».

²⁶ Слова из блоковского стихотворения «Песельник» (см. п. 12, прим. 22).

²⁷ Из того же стихотворения.

²⁸ «Плясая», «Бабы-песня», «Сизый голубь» — названия стихотворений («песен») Клюева из сб. «Лесные были». Примечательно, что сложившийся у него в 1910-е годы принцип стихотворчества на народно-песенной эпической основе Клюев здесь явно связывает с некоторыми аналогичными попытками Блока.

²⁹ «Ива» — сб. стихотворений С. Городецкого (СПб., 1913; фактически книга издана в октябре 1912 г.). Раздел «Скорбящая весна» состоит из стихотворений, выдержанных в духе народных песен.

Клюев ревниво и в целом неодобрительно воспринимал те фольклорные стилизации, с которыми выступал в свое время Городецкий; они казались ему не подлинными, поверхностными, «литературными». Это проскальзывает и в его письмах к Блоку (см. напр., п. 27). В конце февраля 1914 г. Клюев писал Брюсову: «Откуда-то вынырнуло и утвердилось понятие, что с появлением «Лесных былей» эпосу Городецкого придется заяриться до смерти, — и Городецкий закатил болотные пьалки и загукал на мои песни...» (ГБЛ, ф. 386, карт. 89, ед. хр. 49, л. 9). В недатированном письме к В. С. Миролюбову (судя по содержанию — конец 1914 г.) Клюев делится с ним своими сомнениями: «За этот год я получил больше 70 вырезок о себе и о „лесных былях“ и десятка три писем, — вот только Городецкий, несмотря на то, что чуть не собственной кровью дал мне расписку в братстве — молчит и на мои письма ни гу-гу... Или это и есть тот сорт публики, которая увлекается и братством лишь на полчас времени» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 14). Недоверчивое отношение Клюева к Городецкому проступает и в его письмах к Есенину, написанных в 1915 г. («Есенин и современность», с. 236 и 240). Тем не менее, видя в Городецком своего союзника и покровителя, Клюев в те годы продолжал общаться и сотрудничать с ним.

Спрашивая у Блока о его мнении относительно раздела «Скорбящая весна», Клюев, вероятно, знал, что Блок уже в конце 1912 г. читал сборник «Ива» и отзывался о нем весьма раздраженно. «Нет работы, — писал Блок о книге Городецкого, — все расплывчато, голос фальшивый, все могло бы быть в десять раз короче, сжатей, отдельные строки и образы блещут самоценно — большая же часть оставляет равнодушные и скуку» (VI, 178).

³⁰ «Потаенный сад» — сб. стихотворений С. Клычкова (М., 1913). Блок был знаком и с первой книгой Клычкова — «Песни» (М., 1911), о чем свидетельствует, в частности, его письмо к А. М. Кожеваткину от 12 марта 1911 г. («Советская Украина», 1961, № 8, с. 176). Однако творчество этого крестьянского поэта Блок воспринял скептически. «Не скажу, чтобы они

были мне близки...», — писал он Клычкову 28 февраля 1914 г. о стихах из сб. «Песни» и «Погаенный сад». И в том же письме: «Поется Вам легко, но я не вижу в песнях насущного» (VIII, 434). Ключев же, напротив, приветствовал появление Клычкова в литературе. В несохранившемся письме к А. В. Шириевцу Ключев писал, что у Клычкова, по его мнению, «хрустальные песни» (эти слова Ключева Шириевец цитирует в своем письме к П. С. Поршакову от 1 июня 1914 г. — ИМЛИ, ф. 29, оп. 3, ед. хр. 6, л. 5).

³¹ «Осанна» — сб. стихотворений И. Брихничева, изданный в Одессе в 1914 г. (фактически книга вышла в ноябре — декабре 1913 г.).

Ряд стихотворений этого сборника Брихничев посвятил писателям: Ф. Достоевскому, В. Брюсову, В. Свенцицкому, И. Северянину, Л. Столице и др. Блока среди них нет. Зато имеется стихотворение, посвященное Ключеву и в какой-то мере проясняющее историю отношений между ним и Брихничевым после их разрыва в конце 1912 г. (см. вступ. ст.):

Н и к о л а ю К л ю е в у

Я все простил Тебе, Поэт...	Мой Псалмопевец, мой Давид —
Не вспомяну и Лжи Последней...	И змию и орлу подобный...
Вершу я Позднюю Обедню —	С душою ангельски незлобной
Нам нужен мир. И мира нет...	И с сердцем темным, как Аид...

Я верю, верю в Светлый Май...
Исполним вящее Закона...
Ты снова скажешь: брат Иона!
И я воскликну: Николай! (с. 115).

³² Экземпляр «Лесных былей» был отправлен (или передан лично, или, возможно, через Блока) Ключевым Философову в марте 1913 г. (титульный лист этой книги с дарственной надписью сохранился в собрании М. С. Лесмана).

Д. В. Философов регулярно выступал в то время с рецензиями и литературными статьями в газете «Речь», и Ключев рассчитывал, видимо, на его печатный отзыв о «Лесных былях». Философов был знаком с новокрестьянскими писателями, поддерживал их (П. Карпова; позднее, в 1915 г., — Есенина); Ключев знал, скорее всего, через Блока (VII, 105).

³³ «Сири» — петербургское издательство, основанное в октябре 1912 г. и принадлежавшее М. И. Терещенко и его сестрам. В конце 1912 — начале 1913 гг. Блок часто виделся с Терещенко и принимал близкое участие в делах этого издательства, возлагая на него определенные надежды (см. например, его письмо к А. Белому от 15 ноября 1912 г.; см. также: ЛН, т. 92, кн. 2, с. 371—372). «Книгоиздательство солидное, просвещенное, художественное и русское», — писал о «Сири» А. М. Ремизов, имевший к этому издательству самое непосредственное отношение (письмо к В. Я. Брюсову из Петербурга от 16/29 октября 1912 г. — ГБЛ, ф. 386, к. 100, ед. хр. 15, л. 13). Литературными делами «Сирина» ведал Р. В. Иванов-Разумник.

Судя по записи в дневнике Блока (VII, 227), Ключев мельком виделся с М. И. Терещенко 4 марта 1913 г. в петербургской квартире Блока. Выполнил ли Блок просьбу Ключева, неизвестно: во всяком случае, переиздание «Братских песен» в «Сири» не состоялось.

44

«Петроград, сентябрь 1915 г.»

Дорогой Александр Александрович!

Я приехал в град Петра на малое время ¹ — уехать вновь года на три, не взглянув на Вас, мне очень тяжело...

Н. К л ю е в

Адрес: Фонтанка 149—9, для Н. К. тел. 609—81.

Датируется на основании пометы Блока («Получил, вернувшись из Шахматова» 29.IX.1915») и других данных (см. прим. 1).

¹ Ключев приехал в Петроград в начале сентября 1915 г. «Я пробуду в Петрограде до 20 сентября...» — пишет он Есенину 6 сентября 1915 г. «Я пробуду здесь до 5 октября», — сообщает он 23 сентября ему же («Есенин и современность», с. 241). Однако личная встреча с Есениным, состоявшаяся в первых числах октября, быстрое сближение поэтов и начавшиеся затем их совместные выступления, новые издательские возможности, открывшиеся перед Ключевым, — все это изменило его планы. Ключев оставался в Петрограде до весны 1916 г. За это время он, по-видимому, неоднократно виделся с Блоком. В своей записной книжке 21 октября 1915 г. Блок отметил: «Н. А. Ключев — в 4 часа с Есениным (до 9-ти). Хорошо» (ЗК, 269).